

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

1

2022

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

- Бакиров В. С.** Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Генчель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Докторов Б. З. Независимый аналитик и консультант, США.
Король А. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Макаллистер Иэн Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия.
Мамедов А. К. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Нарбут Н. П. Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Семеньска-Жоховска Р. Институт социальных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша.
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Халман Л. Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Цулелер П. Венский университет, Вена, Австрия.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **DANILOV A. N.**, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: a.danilov@tut.by
- Deputy editor-in-chief** **ROTMAN D. G.**, doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: dgrotman@rambler.ru
- Executive secretary** **SHCHYOLKOVA T. V.**, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: tanar2002@tut.by
-
- Bakirov V. S.** Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Hentschel G. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Doktorov B. Z. Independent analyst and consultant, USA.
Karol A. D. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V. Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
- Makallister Ien** Australian National University, Canberra, Australia.
Mamedov A. K. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Narbut N. P. RUDN University, Moscow, Russia.
Semen'ska-Zhokhovska R. Institute of Social Researches of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
Simkhovich V. A. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Filinskaya L. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Halman L. Tilburg University, Tilburg, Netherlands.
Herpfer K. University of Vienna, Vienna, Austria.
Zulehner P. M. University of Vienna, Vienna, Austria.

УДК 316.42(476)

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

С. А. ШАВЕЛЬ¹⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Анализируются становление и содержание современной стратегии социально-экономического, культурного и политического развития белорусского общества. Описываются задачи социальной политики Республики Беларусь. Объясняются причины, по которым в Беларуси не поддерживаются либеральные тенденции. Показана некорректность либерального подхода, согласно которому стратегический выбор каждого этноса может осуществляться путем не раскодирования исторического вопрошания: *Quo vadis?* («Кто мы, откуда мы и куда мы идем?»), а присоединения к чужим моделям. Раскрываются основные характеристики современной белорусской стратегии: социальная ориентация государства, защита и гарантии жизнеобеспечения, приоритет человека, курс на поддержание интеграции с Россией в рамках Союзного государства Беларуси и России, доброжелательные отношения со всеми странами и народами, готовыми к равноправному сотрудничеству в области торговли и культурного обмена.

Ключевые слова: стратегия; социальная политика; социально ориентированное государство; традиционализм; либерализм; либертарианство.

MODERN BELARUSIAN STRATEGY OF SOCIETY DEVELOPMENT

S. A. SHAVEL^a

^a*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The paper presents a realised analysis of the formation and content of the modern strategy of socio-economic, cultural and political development of the Belarusian society. The tasks of the social policy of the Republic of Belarus are defined. The reasons why the liberal path and liberal tendencies are not supported in Belarus are exposed in the article. The liberal

Образец цитирования:

Шавель С.А. Современная белорусская стратегия развития общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;1:4–10.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-4-10>

For citation:

Shavel SA. Modern Belarusian strategy of society development. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;1:4–10. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-4-10>

Автор:

Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; заведующий отделом социальной теории и методологии.

Author:

Sergey A. Shavel, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of social theory and methodology.
d-v-nazarova@yandex.by

approach assumes some incorrectness, which lies in the fact that the strategic choice of each ethnic group can be made not by deciphering the historical question: *Quo vadis?* («Who we are, where we are from and where we are going?»), and by a certain joining to the models of some other peoples. And this incorrectness is emphasised. The main characteristics of the modern Belarusian strategy are revealed. They are the social orientation of the state, protection and guarantees of life support, the priority of a person, social groups and categories of the population. They also include the most significant foreign policy dispositions – a course to maintain integration with Russia within the framework of the Union State of Belarus and Russia, friendly relations with all countries and peoples who are ready and agree to equal relations in the field of trade and cultural exchange.

Keywords: strategy; social policy; state; traditionalism; liberalism; libertarianism.

Под стратегией обычно понимаются высший замысел, идея, проект или грандиозные практические свершения, оказывающие влияние на область, которой они касаются. Этимологически этот термин восходит к греческому слову *στρατηγία* («искусство полководца») и ассоциируется прежде всего с военным мастерством. В старой «Солдатской песне» есть слова: «Хоть Москва в руках французов, это, право, не беда: наш фельдмаршал князь Кутузов их на смерть впустил туда» [1, с. 257]. Это была действительно серьезнейшая стратегия, ведь главная, судьбоносная цель состояла в том, чтобы изгнать и уничтожить войска Наполеона. А для этого необходимо было сохранить и усилить резервами свою армию. Именно поэтому М. И. Кутузов отступил после Бородинской битвы, перекрывая дороги в богатые районы страны, и докладывал Александру I о том, что войска стояли твердо, но понесли большие потери.

С научной точки зрения термин «стратегия» можно определить как выдвижение и обоснование генеральных, крупномасштабных целей по ранжированию приоритетов и планированию путей, этапов и средств их достижения. Наиболее важной проблемой любой стратегии (военной или мирной, информационной или практической, производственной или консумативной (потребительской), семейной или общественной) является соотношение целей и средств. Известный девиз иезуитов «цель оправдывает средства» можно считать контрпродуктивным, ибо негодное средство девальвирует и обесценивает цель. На наш взгляд, справедливы следующие слова К. Маркса: «Цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель» [2, с. 65]. Сегодня мы видим много таких неправых целей, толкуемых либералами как стратегические. Абсурден и известный лозунг Э. Бернштейна: «Конечная цель – ничто, движение – все!». Обращаясь с этими словами к рабочим, он предлагал отказаться от революционной борьбы против политического режима, частной собственности и эксплуатации и сосредоточиться на завоевании мелких уступок типа расширения избирательного ценза, сокращения рабочего дня, повышения заработной платы и др. Социальные достижения – это отдельная тема, и здесь можно отметить несколько моментов. Во-первых, капитализм пошел на уступки в социальной сфере вынужденно, под влиянием условий труда и зарождающегося протестного движения рабочих. Конечно, социальное

завоевание рабочих, среднего класса имеет огромное значение. Как Великая французская революция показала миру пример ликвидации феодализма и абсолютизма и переход к республиканскому строю и парламентаризму, так и Октябрьская революция продемонстрировала, что в современных условиях жизнеспособно только социальное государство, хотя осознание и реализация этой идеи затянулись надолго. Во-вторых, внедряемые в то время социальные новации в капиталистических странах были ограничены, избирательны и противоречивы. Например, с одной стороны, поддерживалась рабочая аристократия, а с другой – процветали безработица, монополизм в производстве, поощрялась монополия в сфере оказания услуг и т. д. [3]. В-третьих, социализм – одно из древнейших понятий науки. Его зачатки можно обнаружить на первых этапах социогенеза, задолго до возникновения государства и появления письменности. Еще в эпоху собирательства даров природы, охоты и рыбной ловли существовал феномен, названный современными этнографами (этнологами) равнообеспечивающим распределением. Суть этой архаичной формы человеческого общежития состояла в том, что каждый человек, как член общества (первобытного коллектива), имел гарантию жизнеобеспечения на часть созданного продукта исключительно в силу принадлежности к нему. Таким правом обладали и нетрудоспособные члены коллектива (старики, дети, больные). Данный механизм сформировался стихийно, инстинктивно, в его основе лежала забота о сохранении целостности своего мини-социума. Возможно, это и стало основой для зарождения идей социализма.

Особенность белорусской стратегической модели состоит прежде всего в отказе от различных представлений о соотношении целей и средств: иезуитских («цель оправдывает средства»), бернштейновских («движение важнее цели»), либеральных (с их принципом невмешательства государства в экономическую деятельность частных собственников). Либеральные идеи актуализируются и сегодня. Хотя не очень понятно следующее: если государство не вмешивается в экономическую жизнь путем контроля или даже поддержки предпринимательства, то какой же смысл в таком государстве? Кроме того, согласно выбранной и реализуемой белорусской стратегии государство должно быть социальным, т. е. приоритетом должна являться социальная

защита населения, что выражается в экологическом, демографическом и социальном развитии на основе рыночной экономики.

Современная белорусская стратегия развития общества стала отчетливо формироваться после избрания первого президента. Новую модель белорусской стратегии определяют следующие принципы: приоритет человека, социальная защита всего населения, каритативная помощь (забота) и поддержка уязвимых категорий (детей, инвалидов, многодетных семей, престарелых и др.), обеспечение личной безопасности каждого проживающего на территории государства человека, доброжелательные отношения со всеми странами и народами, готовыми к равноправным отношениям в области торговли и культурного обмена, курс на поддержание интеграции с Россией.

Первым шагом Беларуси в направлении интеграции с Россией стало признание русского языка вторым государственным. Созданное Союзное государство Беларуси и России стало образцом равной международной интеграции. Все домыслы о том, что Россия поглотит Беларусь, давно отвергнуты, напротив, демонстрируется взаимное уважение, соблюдается принцип равновесия. Союзное государство успешно развивается и укрепляется в этой стратегической диспозиции [4; 5]. Особенность вхождения государств в союзы справедливо описана Л. Е. Криштаповичем: «Объединение в рамках Европейской унии идет в русле глобализации, которая так или иначе ориентирована на закрепление привилегированного положения западных стран в системе международных отношений и создание однополюсного мира. Строительство же Союзного государства Беларуси и России основывается не на стратегии однополюсного глобализма, а на стратегии многополюсной интеграции, сущность которой заключается в установлении справедливых взаимоотношений между всеми государствами мирового сообщества. Интеграционная парадигма Союзного государства основывается на справедливом доступе к экономическим и финансовым возможностям для всех стран, на их взаимном интересе, радикальной демократизации международных институтов на основе общепризнанного международного принципа «одна страна – один голос»» [6, с. 293].

Основное предназначение социальной сферы как важнейшей подсистемы общества состоит в производстве и воспроизводстве действительной жизни, т. е. в создании условий жизнеобеспечения всех категорий населения страны. Эффективная политика государства регулирует социальную сферу и поддерживает ее целостность, стабильность и равновесие, предотвращает накопление общественного недовольства путем разумного согласования интересов всех групп населения, обеспечивает защиту каждого члена общества. Формирование социального госу-

дарства, развитие социально ориентированной экономики отражает повседневную практику и общественное сознание в Беларуси.

Восприятие населением изменений в социальной сфере основывается на корреляции ожиданий и возможностей их реализации в конкретных условиях, что имеет динамический характер и подлежит мониторинговому изучению. Эмпирически это выражается в таких социологических показателях, как степень удовлетворенности качеством оказываемых услуг и жизнью в целом, индекс терпимости, общественное настроение, социальное самочувствие людей и др. В ткани общества одной из самых чувствительных зон является также расслоение людей по имуществу и доходам, что, соответственно, приводит к разному уровню доступности общественных благ, услуг и структуре их потребления, в том числе в конкретных отраслях. При отсутствии защищенности человека нарушается социальный порядок, растет напряженность, наблюдается протестное и девиантное поведение среди граждан.

К задачам социальной политики, проводимой в Республике Беларусь, относятся следующие:

- создание эффективного мотивационно-стимулирующего механизма трудовой и творческой активности;
- достижение общественного согласия не только в политических целях, но и в целях решения экономических проблем;
- регулирование социальной дифференциации с целью предотвратить криминальные формы обогащения отдельных лиц, т. е. избежать неоправданного расслоения;
- повышение уровня социальной справедливости как общественно признанной меры вклада и получения нравственной оценки личности;
- просвещение, разъяснительно-информационная работа относительно целей и возможностей социальной политики в современных условиях, а также пропаганда способов самоответственного поведения каждого человека и др.

Указанные задачи учитываются при разработке общей стратегии социальной политики и осуществлении конкретных государственных программ.

Важнейшей диспозицией новой белорусской стратегии является принципиальное отношение к либеральным традициям, которые сохраняются в некоторых бывших социалистических странах, вошедших в Европейский союз. В общественном сознании и экспертном сообществе существует большое количество различных идей и представлений о том, как должно быть построено общество, какие ценности первостепенны и на чем должна основываться экономическая и социальная политика государства. В 2017 г. вышла книга под редакцией К. В. Рудого [7], где белорусам для активизации экономического развития предлагается изменить

код (черты своего национального характера) в соответствии с либеральными идеями. Неслучайно многие ученые высказали сомнения относительно целесообразности предложенной К. В. Рудым перестройки менталитета белорусов [8; 9]. Кто эти «мы», которые решили, что белорусам надо меняться? Как эти идеи соотносятся с менталитетом и выбором большинства граждан? Такое знание об обществе предоставляет социологическая наука, именно она способствует проведению адекватной социальной политики, основанной на мнениях и ожиданиях граждан, их ценностях и представлениях о справедливости.

Существенное влияние на развитие либерализма и либертарианства в его академической версии оказал Л. фон Мизес – основатель научно-исследовательских центров и институтов (среди его учеников такой известный экономист, как Ф. фон Хайек). В 1922 г. в книге «Социализм. Экономический и социологический анализ»¹ Л. фон Мизес подверг критике идеи социализма и аргументировал его невозможность рядом причин [10]. В 1927 г. вышла его книга «Либерализм в классической традиции» [11].

Либертарианцы имеют разногласия с идеями классического либерализма, часто выдвигая более неожиданные и даже радикальные идеи [12]. Либеральные и либертарианские идеи, помимо проникновения в другие политические системы взглядов, также закрепляются в соответствующих партиях, которые в современном мире относятся к третьестепенным. Название «третьестепенные» возникло после того, как в некоторых странах образовались партии парламентского типа (виги и тори в Англии, республиканцы и демократы в США и др.). Данные партии не принимают управленческих решений, но участвуют в обсуждении проблем развития общества. В настоящее время определенная популярность присуща партиям либералов и либертарианцев. Происхождение названий этих партий связано со знаменитым лозунгом *Liberte, Egalite, Fraternite* («Свобода, равенство, братство»), выдвинутым еще в эпоху Просвещения.

В белорусской литературе тема либерализма поднимается в творчестве Я. Ч. Романчука. Он пишет: «Я – либерал. Люблю и ценю свободу. Свою и других людей. <...> Быть свободным – это уважать и ценить природу человека, сущность вселенной. Это уважать традиции предков и создавать традиции для будущих поколений. Это отвергать принцип “после меня – хоть потоп”» [13, с. 205]. Но всякая человеческая деятельность есть определенный выбор между свободой и необходимостью. Рефлексия данной дилеммы есть *conditio sine qua non* («непременное условие») эффективности предпринимаемых усилий, обоснованности и оправданности целей деятельности. В общественной жизни свобода есть познан-

ная необходимость (этой позиции придерживались Б. Спиноза, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс), что проявляется не в воображаемой независимости субъекта (человека, коллектива, общества в целом) от конкретных условий, ситуаций или объективных законов, а в способности принимать решения со знанием дела. Поскольку в обществе не может быть ни абсолютной свободы, ни абсолютной необходимости, то в реальной жизни первостепенное значение имеет правильная оценка, с одной стороны, степени свободы, т. е. конкретных возможностей постановки и достижения определенных целей, с другой – тех ограничений, которые заставляют человека действовать прагматично, образно говоря, «спускаться на землю», брать задачи по силам, причем в той очередности, которая обусловлена логикой социального действия. Я. Ч. Романчук это не учитывает. Он переходит от понятия «свобода» к понятию «права человека». «Я уважаю право каждого человека делать свой выбор, иметь свое мнение по любому вопросу. Главное, чтобы он не принуждал меня принимать его мнение и жить по нему. Главное, чтобы сохранялись диалог и сотрудничество между людьми разных взглядов» [13, с. 207]. В славянской культуре существует иное понимание свободы, что отражено в литературе. Так, в книге Л. Н. Толстого «Казачья» утверждается, что свобода – это деятельность ради других людей.

Я. Ч. Романчук сокрушается о том, что его называют анархистом. «Я не за анархию. Государство должно быть. По договору с гражданами оно обеспечивает порядок, защиту и исполнение контрактов. Однако если чиновники позволяют “приватизировать государство”, если мафия и бритоголовые выполняют его функции качественнее, делают за него работу, то зачем мне такое государство? В таком виде оно хуже любого преступника, потому что само ворует, выманивает и унижает. Причем не столько богатых, сколько самых бедных» [13, с. 209]. Автор не затрагивает вопросы социальной защиты в рамках проводимой социальной политики. Вместе с тем это важнейшая задача, реализация которой должна осуществляться (и осуществляется) в любом государстве. В Беларуси система социальной защиты функционирует как раз эффективнее, чем в других странах, и проявляется в поддержке уязвимых категорий населения, доступности и бесплатности медицинской помощи, образования, контроле за ростом цен на энергию и жилищно-коммунальные услуги и т. д. На что эти социальные блага и гарантии предлагается поменять – неясно.

Доверие ближнему является одним из инстинктов человека как социального существа. «Наше подсознание посылает нам мощный сигнал: “Доверяй человеку”» [13, с. 266]. «Очевидно, у граждан Беларуси гормон окситоцин выделяется особенно

¹Здесь и далее перевод наш. – С. Ш.

обильно даже в минимально приятной обстановке, даже под воздействием обильной лести или красивой лжи. Это природное качество, которое является нашим бесспорным преимуществом в современном мире, нещадно эксплуатирует белорусская власть. Уровень окситоцина в организме человека постоянен. Он меняется, адаптируется в существующей социальной среде» [13, с. 267]. Я. Ч. Романчук призывает: «Пришло время доверия к новым людям. Пришло время избавляться от страха. Пришло время изолировать политических и экономических мошенников, которые подрывают наше национальное достояние – наше доверие» [13, с. 267]. Однако, с нашей точки зрения, поиски каких-либо гормонов доверия несостоятельны. Доверие объясняется скорее традициями, привычкой, высоким уровнем самопонимания и самоуважения. «Запрещая генетически модифицированные продукты питания, белорусские власти ведут генно-гармонную войну против своих людей. Если их не остановить, если не вернуться к своим национальным традициям в экономическом и социальном сотрудничестве, Беларусь понесет серьезный генетический урон. “Чаркой и шкваркой” его не компенсируешь» [13, с. 267]. На наш взгляд, формирование уровня доверия в обществе через управление генетикой его граждан является довольно странной позицией. Заметим, что сегодня никаких запретов на продажу генно-модифицированных продуктов на территории Беларуси нет. Обязательная маркировка таких товаров в магазинах предоставляет потребителям возможность самим сделать выбор. Вместе с тем доверие – это фундамент согласованности социальных ожиданий. С точки зрения стабильности и устойчивого развития общество заинтересовано прежде всего в том, чтобы существующие ролевые ожидания на всех уровнях и во всех сферах поддерживались и воспроизводились. Согласованность ожиданий возможна на основе презумпции доверия, включающей установку на уважение и готовность к эмпатии. Доверие – как чувство и установка – чаще всего ситуационно и конкретно относительно своего объекта, т. е. понимания, кому и чему доверять. Еще Г. В. Ф. Гегель, известный защитник государственности, подчеркивал особое место доверия в политическом сознании: «Человеку оказывают доверие, когда уверены в его готовности заниматься с чистой совестью моим делом как своим, прилагая к этому все свое знание» [14, с. 348]. Доверие тесно связано с ожиданиями. Важно, однако, акцентировать, что это особая форма отношений, основанная на уверенности в том, что другой (индивидуальный партнер, коллектив, социальный институт, властная инстанция) не проигнорирует мое ожидание, а выполнит с полной ответственностью, как и я в отношении его ожиданий. По Фромму, эта надежность и делает доверие ключевой характеристикой здорового общества [15].

Вторая книга Д. Бергланда называется «Либертарианство: просто и доступно». Для представления своей теории автор вспоминает старый анекдот о балансе свободы и колбасы, который в настоящее время уже совсем не уместен. Рассматривая развитие либертарианства как американского политического движения, Д. Бергланд приводит слова Т. Джефферсона, вошедшие в Билль о правах человека. Другим важным элементом либертарианской политики, имевшим влияние в ранней истории США, была свобода экономики. «Считается, что толчком развития современной экономики, основанной на ценах и рынке, ценах производства послужила книга А. Смита “Богатство народа”. В ранних США не было почти никакого регулирования бизнеса и банков, люди ценили напряженный труд и предпринимательство, налоги и тарифы были низки. В результате нация процветала» [13, с. 39]. Следует обратить внимание на раздел, названный автором «Вьетнам плюс Никсон», где автор подчеркивает: «По иронии судьбы Ричард Никсон стимулировал образование новой политической партии, которая будет постоянно бороться за свободу. В начале 70-х годов политические преследования антивоенных организаций по распоряжениям Никсона были хорошо известны, особенно среди его жертв» [13, с. 43]. «В 1972 году первый кандидат в президенты от либертарианской партии Джон Хосперс баллотировался в двух штатах и получил приблизительно 2500 голосов. После такого скромного результата либертарианская партия стала третьей по величине политической партией в Америке» [13, с. 44]. Автор отмечает, что либертарианцы всегда принимали активное участие в движении за ограничение сроков пребывания у власти, которое стремится искоренить понятие «профессиональный политик». Либертарианское мировоззрение значительно отличается от политической философии либерализма и консерватизма. Согласно ему каждый человек имеет право управлять своей жизнью, телом, словами, поступками и честно нажитым имуществом, а также защищать собственные права, но при этом не имеет права нарушать права других [13, с. 47]. Таким образом, Д. Бергланд анализирует различные стороны либертарианской философии, а также свободную международную торговлю и перемещение.

Важный тезис либертарианства: армия – только для обороны Америки. Наряду с такими вполне конструктивными предложениями либертарианцев в их теории немало спорных моментов. В частности, вызывает сомнение их гордость, например, тем, что они добились права на употребление марихуаны в некоторых штатах. Вмешавшись в гендерную политику, они принесли скорее хаос, чем порядок. Именно либертарианцы предложили записывать пол в паспорте в соответствии с гендером (субъективным восприятием сексуальной принадлежности).

В 2017 г. сотрудниками Института социологии НАН Беларуси была представлена важнейшая для понимания менталитета белорусов монография «Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение» [16]. В статьях известных белорусских социологов (Е. М. Бабосова, И. В. Лашук, Н. А. Сосновской, Н. Л. Балич) на основе исследований показано, что семья, здоровье, дети и традиционные ценности являются основой, системообразующим ядром белорусской культуры и регулятором повседневных практик. Социальная политика в области охраны семьи, детства как раз в полной мере учитывает эти ожидания людей от государства.

Отметим, что белорусская стратегия развития после распада Советского Союза состояла в отказе от таких либеральных и либертарианских позиций,

как шоковая терапия, всестороннее (повальное) разгосударствление и полная приватизация, исключение концепции невмешательства государства в экономическую деятельность частных собственников. Поскольку после распада СССР Беларусь взяла курс на становление социально ориентированного государства, сегодня ее приоритетом является социальное, демографическое и экологическое развитие на основе рыночной экономики. Закрепленное в Конституции Республики Беларусь определение нашего государства как социально ориентированного сегодня полностью оправдывается: в приоритете – человек и сохранение традиционных ценностей, во внешнеполитической деятельности – интеграция с Россией и укрепление Союзного государства, доброжелательность к соседям и невмешательство в политику других стран.

Библиографические ссылки

1. Георгиева ТС. *Русская культура: история и современность*. Москва: Юрайт-М; 2001. 572 с.
2. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. 2-е издание. Том 1: 1839–1844 гг.* Москва: Госполитиздат; 1955. 696 с.
3. Кимлика У. *Современная политическая философия: введение*. Москва: Высшая школа экономики; 2010. 592 с.
4. Шавель СА. Перспективы развития Союзного государства Беларуси и России. В: Шавель СА, редактор. *Перспективы развития социума*. Минск: Беларуская навука; 2015. 507 с.
5. Шавель СА. Социальная атрибуция целей дальнейшей консолидации Союзного государства Беларуси и России. *Социологический альманах*. 2015;6:44–53.
6. Криштапович ЛЕ. Историческое единство белорусов и русских как основа строительства Союзного государства. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право*. 2011;8(103):292–298.
7. Рудый КВ, редактор. *Потому что так решили мы: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование*. Минск: Звязда; 2017. 368 с.
8. Смирнова РА, Смирнов ВЭ. «Сон разума рождает чудовищ». *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;3:169–179.
9. Злотников АГ. От заблуждений «финансовой диеты» к заблуждениям «раскодирования» Беларуси. *Вестник РУДН. Серия: Экономика*. 2018;26(3):347–359.
10. von Mises L. *Socialism: an economic and sociological analysis*. London: Jonathan Cape; 1969. 599 p.
11. von Mises L. *Liberalism: the classical tradition*. Irvington-on-Hudson: Foundation for Economic Education; 1996. 171 p.
12. Block W. Libertarianism and libertinism. *The Journal of Libertarian Studies*. 1994;11(1):117–128.
13. Бергланд Д, Романчук Я. *Либертарианство: просто и доступно*. Минск: Белгородская полиграфия; 2009. 290 с.
14. Гегель ГВФ. *Философия права*. Керимов ДА, Нерсисянц ВС, редакторы; Столпнер БГ, Левина МИ, переводчики. Москва: Мысль; 1990. 524 с.
15. Фромм Э. *Здоровое общество*. Банкетова Т, Карпушина С, переводчики. Москва: Издательство «АСТ»; 2016. 448 с.
16. Котляров ИВ, редактор. *Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение*. Минск: Беларуская навука; 2017. 392 с.

References

1. Georgieva TS. *Russkaya kul'tura: istoriya i sovremennost'* [Russian culture: history and modernity]. Moscow: Yurait-M; 2001. 572 p. Russian.
2. Marks K, Engel's F. *Sochineniya. 2-e izdanie. Tom 1: 1839–1844 gg.* [Essays. 2nd edition. Volume 1: 1839–1844]. Moscow: Gospolitizdat; 1955. 696 p. Russian.
3. Kimlika U. *Sovremennaya politicheskaya filosofiya: vvedenie* [Modern political philosophy: an introduction]. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki; 2010. 592 p. Russian.
4. Shavel' SA. [Prospects for the development of the Union State of Belarus and Russia]. In: Shavel' SA. *Perspektivy razvitiya sotsiuma* [Prospects for the development of society]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. 507 p. Russian.
5. Shavel' SA. [Social attribution of the goals of further consolidation of the Union State of Belarus and Russia]. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2015;6:44–53. Russian.
6. Krishtapovich LE. Historical-philosophical unity of Belorussians and Russians as the basis for the Union State. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law*. 2011;8(103):292–298. Russian.
7. Rudyi KV, editor. *Potomu chto tak reshili my: povedencheskaya ekonomika Belarusi i ee raskodirovanie* [Because we decided so: the behavioural economy of Belarus and its decoding]. Minsk: Zvjazda; 2017. 368 p. Russian.
8. Smirnova RA, Smirnov VE. «The sleep of reason produces monsters». *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;3:169–179. Russian.

9. Zlotnikov AG. From misconceptions of the «financial diet» to the misconceptions of the «decoding» of Belarus. *RUDN Journal of Economics*. 2018;26(3):347–359. Russian.
10. von Mises L. *Socialism: an economic and sociological analysis*. London: Jonathan Cape; 1969. 599 p.
11. von Mises L. *Liberalism: the classical tradition*. Irvington-on-Hudson: Foundation for Economic Education; 1996. 171 p.
12. Block W. Libertarianism and libertinism. *The Journal of Libertarian Studies*. 1994;11(1):117–128.
13. Bergland D, Romanchuk Ya. *Libertarianstvo: prosto i dostupno* [Libertarianism: simple and accessible]. Minsk: Belgorodskaya poligrafija; 2009. 290 p. Russian.
14. Gegeľ GVF. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Kerimov DA, Nersesyants VS, editors; Stolpner BG, Levina MI, translators. Moscow: Mysl'; 1990. 524 p. Russian.
15. Fromm E. *Zdorovoe obshchestvo* [Healthy society]. Banketova T, Karpushina S, translators. Moscow: Izdatel'stvo «AST»; 2016. 448 p. Russian.
16. Kotlyarov IV, editor. *Belorusskoe obshchestvo v kontekste tsvilizatsionno-kul'turnogo koda: sotsiologicheskoe izmerenie* [Belarusian society in the context of the civilisational and cultural code: sociological dimension]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2017. 392 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.01.2022.
Received by editorial board 14.01.2022.

ПАРАДОКС ФУЛБРАЙТА И КОНЕЦ ОДНОПОЛЯРНОГО МИРА (полемические заметки)

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Москва, Россия

Оцениваются геополитические последствия поражения США в военном конфликте в Афганистане и в других войнах, развязанных ими по всему миру в конце XX в. и XXI в. Сделан вывод о том, что Америка исчерпала средства геополитического, исторического воздействия на мир и не способна подчинить его развитие своим моделям. Высказывается гипотеза о том, что стратегия строительства однополярного мира, на которую США и их союзники потратили огромные ресурсы, пришла к полному крушению.

Ключевые слова: однополярный мир; стратегия англосаксонского мирового господства; парадокс Фулбрайта; социальное неравенство и конфликты США.

FULBRIGHT PARADOX AND THE END OF THE UNIPOLAR WORLD (polemical notes)

I. I. ANTONOVICH^a

^aIndependent researcher, Moscow, Russia

The article is an attempt to analyse the consequences of the American and NATO defeat in Afghanistan, which is a demonstration of the inability of the Anglo-Saxon strategy of world domination to build a unipolar world, where the United States and their allies would control the world situation. The situation is developing in a way, which has no place for the Anglo-Saxon strategy of world domination.

Keywords: unipolar world; Anglo-Saxon strategy of world domination; Fulbright paradox; social inequality and conflicts in the United States.

По окончании Второй мировой войны внешнеполитическая стратегия США укладывалась в формулу американского интернационализма. Кроме расплывчатой теоретической аргументации эта концепция преследовала и преследует достаточно определенную цель – насаждение демократии во всем мире по американскому образцу таким образом, чтобы страны, вставшие на этот путь, оказывались в положении, зависимом от национальных целей и задач США. У истоков данной стратегии стоят Дж. Кеннан и У. Фулбрайт. Дж. Кеннану приписывают

концепцию сдерживания Советского Союза. Он вошел в историю внешней политики США как автор знаменитой «длинной телеграммы». Ее суть сводилась к общеполитической оценке СССР и его роли в мире как ведущего государства, нацеленного на продвижение своих ценностей, идеалов и интересов во всемирном масштабе. Дж. Кеннан подготовил, по сути, первый глобальный анализ мировой ситуации в аналитическом сообществе США и был поддержан новоизбранным президентом Г. Трумэном. Дж. Кеннан в этот период был временным

Образец цитирования:

Антонович ИИ. Парадокс Фулбрайта и конец однополярного мира (полемические заметки). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022; 1:11–16.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-11-16>

For citation:

Antonovich I. Fulbright paradox and the end of the unipolar world (polemical notes). *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;1:11–16. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-11-16>

Автор:

Иван Иванович Антонович – академик Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор.

Author:

Ivan I. Antonovich, academician of the Russian Academy of Social Sciences, doctor of science (philosophy), full professor.
iantonovich@mail.ru

поверенным в делах США в Москве, довольно часто встречался с И. В. Сталиным и знал реальную ситуацию в СССР. Г. Трумэн страшился военной мощи Советского Союза.

Характерно, что в концепции Дж. Кеннана не было указания на то, что всемирные устремления внешней политики Советского Союза опасны тем, что своей задачей он ставит победу социализма в глобальном масштабе или строительство коммунизма. Дж. Кеннан был убежден во внутренне присущей русской цивилизации экспансии к занятию все новых рубежей влияния в мире и характеризовал эту политику как явно враждебную Соединенным Штатам. В ответ была предложена формула сдерживания. В разных формах (полной, частичной, резкой и др.) данная стратегия действует и ныне, очень часто выливаясь в откровенно враждебные шаги. Вся критика, которую США выдвигали в адрес Советского Союза как главного стратегического противника, сейчас обрушилась на Россию. Америка обвиняет ее в скрытых замыслах восстановить всемирное влияние СССР (в американском понимании это означает непрерывную экспансию и стремление к покорению других государств).

Общественно-политическая миссия Дж. Кеннана может быть охарактеризована как своеобразная роль «злого полицейского». Сдерживание вылилось в балансирование на грани новой мировой войны, и только колоссальные усилия Советского Союза по наращиванию оборонительного потенциала, в первую очередь ядерного оружия (что серьезно ослабило экономику и в итоге привело к распаду великого государства), нарушили военно-политические планы американского руководства. Как ни странно, на протяжении десятилетий после окончания Второй мировой войны вплоть до распада СССР взаимная уничтожающая сила ядерных потенциалов двух мировых государств выступала фактором предотвращения новой глобальной войны. В каждом из государств имелось достаточное количество трезвомыслящих, серьезных политиков, «добрых полицейских», многие из которых были участниками Второй мировой войны и свидетелями ее ужасов и понимали, что новый всемирный катаклизм почти наверняка приведет ко взаимному уничтожению и концу цивилизации.

Роль такого «добраго полицейского» был призван сыграть сенатор-демократ из Арканзаса У. Фулбрайт. Несколько десятилетий подряд он в качестве председателя комитета Сената США по международным делам занимался разработкой внешнеполитической стратегии. Именно он является автором концепции американского интернационализма, центральным содержанием которой выступают лидерство Америки и становление миропорядка при ее главенстве.

Свою политическую карьеру У. Фулбрайт начал в условиях, когда в США бесчинствовал сенатор Ю. Маккарти, который под предлогом чистки американского истеблишмента от красных инициировал массовые репрессии против инакомыслия. У. Фулбрайт был первым сенатором, который встал на пути Ю. Маккарти. Позже он вспоминал: «Я понял, что всему, к чему он стремится, на самом деле нет предела, и мне вдруг стало ясно, что важнейшей задачей является отстранение этого человека от политики»¹ [1].

У. Фулбрайту удалось организовать 66 членов американского Сената, которые написали петицию, в которой обвиняли Ю. Маккарти в превышении полномочий и требовали отстранить его от политической деятельности. К 1957 г. сенатор Ю. Маккарти был буквально выдавлен из активной политической деятельности, остаток жизни прожил в пьянстве и умер от цирроза печени, а за У. Фулбрайтом укоренилась слава борца за справедливость, адепта правосудия, прогрессиста. В ходе его длительной карьеры, начавшейся в Палате представителей США в 1942 г. и продолжавшейся до его смерти в 1995 г., У. Фулбрайт был активным сторонником внешнеполитической стратегии Америки, призванной объединять вокруг себя другие страны, якобы исповедующие демократические идеалы, и строить справедливый мир равноправия и благополучия. Эта новая и долгожданная стратегия получила название «американский интернационализм».

Парадокс состоял в том, что, исповедуя интернационализм как мировую стратегию США, сам У. Фулбрайт по своим убеждениям, как отмечают его многочисленные биографы, был расистом. Он являлся противником расовой интеграции, т. е. совместного обучения черных и белых детей в американских школах, в 1950-х гг. противодействовал принятию законов о гражданских правах, позже все-таки принятых по инициативе Дж. Кеннеди в 1960-х гг., уже после смерти президента. У. Фулбрайт стал сенатором от штата Арканзас, жители которого придерживались устойчивых расистских взглядов и предрассудков. Один из его биографов Р. Вудс писал: «По мнению У. Фулбрайта, черные не были равны белым, никогда не могли достичь этого состояния, и этому не способна помочь никакая законодательная инициатива» [1]. В этом состоит суть парадокса Фулбрайта: защищая идеалы равноправия государств и народов на мировой арене, у себя на родине он оставался убежденным расистом, консерватором, сторонником всех расовых предрассудков, которые десятилетиями тлеют в США, взрываясь время от времени мощными бунтами черных, как это случилось в последние годы президентства Д. Трампа.

¹Здесь и далее перевод наш. – И. А.

Таким образом, двойственность внешнеполитической стратегии США стала фактом реальной внешней политики: то, что американцы рекомендовали и предлагали всему миру в качестве продвижения демократии и защиты прав и свобод человека, они и не думали претворять в жизнь в своей стране. Именно поэтому многочисленные законы и положения в международном праве, требующие расового равенства, преодоления дискриминации, апартеида, как правило, не ратифицировались законодательными учреждениями Америки, а если и ратифицировались, то игнорировались.

Призывы У. Фулбрайта к глобальному взаимопониманию между людьми и народами для Америки оказались пустым звуком. Более того, он неоднократно заявлял публично, что суть американской государственной мудрости состоит в том, чтобы уметь отделить внутреннюю политику от внешнеполитических устремлений [1]. Это и создало сложную, противоречивую внешнеполитическую доктрину США, в которой двойной стандарт является правилом, а не исключением.

Сегодня после потрясений, вызванных расовыми восстаниями 2020–2021 гг., военным поражением США в Афганистане, в американском общественном мнении обозначается стремление освободить внешнеполитическую стратегию страны от двойных стандартов. Известный американский политолог Ч. Кинг говорит о необходимости трансформировать американский интернационализм таким образом, чтобы ликвидировать противоречия между устремлениями глобалистов и убежденных локалистов. «Задача является гораздо более серьезной, чем кажется, – пишет Ч. Кинг. – Когда президент Дж. Байден заявил о том, что Америка будет и дальше вести мир силой своего примера, это означало, что данный пример должен формироваться внутри страны в основном путем совершенствования американской электоральной демократии. Американцы должны выступить против нелиберальных националистов и шовинистов-демагогов и формировать у себя трезвое самосознание. Это как раз то, чего требовал У. Фулбрайт, – научиться жить разумно в разумном мире» [1].

Пока это не удастся, и, по мнению автора, причина кроется в том, что и У. Фулбрайту при его интернационалистском самосознании была свойственна близорукость относительно реальных целей Америки. Именно из этой близорукости и спесивого эгоизма выросла формула президента Д. Трампа «Америка превыше всего», которая привела к колоссальному расколу в американском общественном мнении, взаимным противоречиям и обвинениям. У. Фулбрайт и сторонники американского интернационализма – это в основном представители белой расы, господствующих, обеспеченных слоев американского общества, для которых будущее

англосаксонской цивилизации может быть только всемирным, для чего нельзя жалеть ни средств, ни возможностей [1].

У. Фулбрайт формировал свои идеи в 1980-х гг. Америка уже пережила поражение во Вьетнаме, спасаясь оттуда паническим бегством в 1975 г. Тогда наблюдателям и аналитикам американской политической жизни казалось, что США исчерпали ресурсы военного господства над миром и в течение длительного времени военный фактор не станет решающей силой воздействия на другие страны.

Аналитики ошибались. После вроде бы успешной операции «Буря в пустыне» в 1991 г., когда президенту Бушу-старшему удалось относительно легко победить С. Хусейна, изгнав иракские войска из Кувейта, американский консервативный истеблишмент был охвачен волной оптимизма, ставшего причиной ряда войн, которые США ведут непрерывно на всем протяжении XXI в. Ни одну из этих войн США не выиграли. Начиная военные кампании под лозунгом продвижения демократии и прав человека, американцы до основания разрушили многие государства (Вьетнам, Ирак, Ливию, Сирию, Афганистан), получили доступ к эксплуатации природных ресурсов этих стран, ввергнув политическую ситуацию в хаос. Появилась даже концепция «управление хаосом». В ее основании лежит старая как мир доктрина «разделяй и властвуй»: все крупные многонациональные государства (в первую очередь Россия и Китай) объявляются конкурентами и соперниками в экономическом и политическом аспектах. Задачи противостояния превращаются в долгосрочную стратегию, скрытой целью которой является раздробление крупных государств на мелкие мононациональные образования, которыми легко управлять и которые легко подчинить влиянию. Отсюда – активная поддержка радикальных националистических движений во многонациональных государствах мира.

Весь мир стал свидетелем позорного бегства США из Афганистана. После 20 лет военной оккупации этой страны Америка уходила, оставляя военное оборудование, материальные ресурсы талибам, против которых и были начаты эти боевые действия. Военную кампанию в Афганистане осуществляла НАТО, однако, естественно, США обеспечили основной контингент личного состава, вооружений, коммуникаций и ресурсов. Сцены панического бегства американцев обошли все экраны мира и стали очередным потрясением для мирового общественного мнения, источником стыда, унижения, угрызений и жесткого самоанализа США. В Америке зазвучали голоса о том, что пора наконец нейтрализовать парадокс Фулбрайта – привести внутреннюю политику, цели и намерения США в соответствие с внешнеполитическими устремлениями, ничего не скрывая о своей истории и при этом не отказываясь

от своей мировой роли в условиях, когда позитивным примером страна быть уже не может. Ч. Кинг говорит о необходимости нового американского интернационализма. Нельзя забывать об исторической реальности страны, основанной одновременно на рабстве и идеалах просвещения, особо памятуя о 1619 г., когда на американские берега высадился первый десант черных рабов из Африки, и 1776 г., когда была объявлена Декларация независимости США, ставшая уникальным документом демократической исключительности [1].

В американском политическом и академическом дискурсе речь снова зашла о том, что США должны быть лабораторией общественных инноваций, всемирно-исторических инициатив. Для этого надо ликвидировать противоречия в американской жизни. При этом геополитические намерения государства останутся без изменений, будут применены новые средства их реализации.

Любопытно, что в академической и политической среде США наряду со стыдом, угрызениями совести и возмущением позорным бегством Америки из Афганистана царят недоумение и полное непонимание, как это вообще могло случиться. В бедные афганские поселения, где нет электричества и водопровода, санитарных условий, ввалились орды американских солдат и их союзников с приборами ночного видения, ракетным вооружением, сложнейшими системами коммуникации, мощной авиацией. Каким образом страна, население которой ведет в основном сельский образ жизни, живет в домах с земляными полами, сумела выстоять против первого по технической оснащенности и вооруженности государства мира и его союзников?

В течение первых трех лет после вторжения в Афганистан в феврале 2002 г. американцам удавалось сохранять иллюзию успеха. Талибы рассредоточились по территории страны, и казалось, что они побеждены. Эту иллюзию США поддерживали даже тогда, когда выяснилось, что талибы рассредоточились, но не самоустранились, в стране организовано мощное сопротивление, союзники США по НАТО потихоньку вступают в переговоры с талибами, чтобы те стреляли больше по американцам, чем по их национальному контингенту. Стреляли вслепую, но безжалостно. Данные о потерях предстоит подсчитать, измерить и опубликовать, но уже сейчас идет речь о том, что НАТО потеряла на полях Афганистана более 3500 своих солдат. Число погибших в ходе военных операций гражданских лиц из местного населения, похоже, превышает 100 тыс. человек.

Общественность США да и всего мира напряженно ожидала выступления президента США Дж. Байдена, в котором были бы даны оценка ситуации в Афганистане, анализ причин панического бегства американских военных, обострения внутренних проблем в стране, главными из которых являются

обострение расово-этнического вопроса, усиление поляризации общества, конфликтность политических элит, делающие невозможным примирение демократов и республиканцев в одной программе выхода из кризиса.

Президент Дж. Байден 1 сентября 2021 г. выступил с оценкой исторических последствий долгосрочной военной операции в Афганистане. К удивлению многих, он одобрил действия американских военных, сказав, что они были полезны и необходимы и американцы ушли с победой. В качестве первоочередных задач были объявлены экономическая конкуренция с соперниками и противодействие российскому экспансионизму. Понятно, что Китай и Россия избраны как факторы, отвлекающие внимание аналитиков внешней политики от исследования причин упадка США как мирового лидера, а также кризиса демократии и роста социального неравенства в мире.

Контролируемая демократами печать сразу же начала кампанию одобрения президентского выступления, говоря о том, что объявленный командой Дж. Байдена внешнеполитический курс на укрепление демократии обсудят на возможном мировом саммите за демократию, который и станет форумом, где будут решены все существующие проблемы и разработана новая стратегия мирового лидерства США.

Американские исследователи Ф. Браун и Т. Карозерс пишут по этому поводу: «Дж. Байден и его команда подхватили популярный тезис большинства представителей политического сообщества США о том, что для поддержки демократии в мире необходимо противодействовать Китаю и России. Американский президент отметил, что необходимо считаться с новым наступлением авторитаризма, включая растущие амбиции Китая, желающего соперничать с США, и решимость России вредить американской демократии путем подрыва ее основ. Нельзя отрицать, что Китай и Россия противостоят демократии разными способами в разных местах, и Соединенным Штатам, конечно, нужно быть умнее в поиске путей сдерживания их усилий. Однако чрезмерная фиксация на этих двух странах в качестве основного направления демократической стратегии была бы ошибочной» [2].

Английский журнал *The Economist* занял более рассудительную позицию. Авторы издания пишут о том, что нет ничего удивительного в том, что Америка не сумела построить демократию в Афганистане. Национальное строительство – весьма трудная задача, и никто не старался превращать Афганистан в Швейцарию. Америка в течение 20 лет действовала в режиме весьма ограниченной значимости.

Что же касается оценки последствий бегства из Афганистана, то Дж. Байден осторожно заявил, что впредь США скорее всего не будут прибегать

к серьезным военным действиям для решения задач продвижения демократии. В таком случае инструментом обеспечения лидирующего положения США остаются информационное, пропагандистское воздействие, стратегическое влияние на союзников и противников. Это означает, что давняя англосаксонская доктрина мирового господства и вторжения в Азию остается в силе. Приходится вспомнить концепцию геополитика Х. Маккиндера, который 17 лет тому назад сформулировал теорию Хартленда (теория «сердцевинной земли»), где главной естественной крепостью, богатой природными ресурсами, выступает Евразия, которая недоступна для морских империй. Задача этих империй, талассократических государств, образовать вокруг Евразии внешний полумесяц, ибо тот, кто контролирует Хартленд, контролирует весь мир. Исходя из этой концепции, Х. Маккиндер оправдывал и считал необходимой большую игру противостояния России и Англии в целях контроля над важнейшими пространствами евразийского материка. Целью же англичан в этой большой игре было мировое господство. Для реализации задач мирового господства Х. Маккиндер считал необходимой нейтрализацию России. В 1919 г. он был назначен на пост британского верховного комиссара в южной России, где разрабатывал план нейтрализации страны как геополитического оппонента, призывал к независимости Украины, других стран Центральной и Восточной Европы, Армении, Азербайджана, Грузии. Как видим, в ходе реализации этой концепции меняются методы воздействия и политические режимы, но цель остается прежней – овладение Хартлендом. После Второй мировой войны в условиях распада Британской империи инициатива перешла к Соединенным Штатам. И сегодня американское лидерство, объявленное президентом Бушем-старшим в условиях распада СССР, является продолжением англосаксонского «большого дизайна».

Кстати, и Великобритания, всеми силами стараясь играть роль союзника США, не скрывает эти цели и намерения. Так, в аналитической статье журнала *The Economist* говорится о том, что и европейская интеграция, и американская концепция господства сливаются в одну общую стратегию формирования миропорядка². Летом 2021 г. Дж. Байден посетил Европу, чтобы оценить вред, который нанесла американско-европейским отношениям экспансивная политика Д. Трампа. На фоне похлопываний по спине и других комплементарных нежностей, адресованных европейским лидерам, Дж. Байден подчеркнул, что интегрированный клуб европейских государств останется навеки с Америкой. Д. Трамп сделал все, чтобы разрушить это единство, а Дж. Байден сделает все, чтобы восстановить его. Америка всегда была

«секретным ингредиентом» европейской интеграции. В ходе Второй мировой войны объединение Западной Европы имело огромное значение для Америки. Разделенный континент вряд ли мог бы противостоять советскому господству. Пожалуй, он не был бы в состоянии решить германскую проблему, которая привела к двум мировым войнам за три десятилетия. Вместо этого в исключительно инновационном эксперименте победившего государства Америка сделала все, чтобы объединить травмированный континент даже при опасении, что он может стать серьезным соперником. Эту роль, как мы знаем, сыграл план Маршалла [3].

Сегодня исследователи в академической среде называют эту стратегию формированием Америки новых Соединенных Штатов Европы. Любопытно, что стратегия эта не нова. Еще В. И. Ленин в начале XX в. говорил о возможности (или желательности) такого образования, причем инициатором должна быть страна победившего социализма. Естественно, он имел в виду СССР, который постепенно, используя дальновидную стратегию и подавая позитивный пример, присоединил бы к себе другие государства, создав единое социалистическое братство народов.

Интересно, что американские теоретики повторяют этот геополитический радикализм В. И. Ленина в современных условиях, отдавая роль лидера только США и двигая весь колоссальный научно-технический, экономический и военный ресурс Америки на подчинение государств. Тут не лишним было бы вспомнить трагический конец мировой стратегии В. И. Ленина.

Бегство США из Афганистана стало переломным фактором в англосаксонской стратегии мирового господства. Российский аналитик Ф. А. Лукьянов пишет: «...уход США из Афганистана оказался драматичнее самых мрачных ожиданий, превратившись в визуальный символ конца эпохи. Джозеф Байден пошел на большой политический риск (вероятно, не осознавая его масштаб), чтобы закрыть направление американской политики, которое считал тупиковым (продвижение демократии туда, где ее нет)» [4].

Выступление президента Дж. Байдена по поводу завершения афганской кампании говорит о том, что последствия этого геополитического поражения США и их союзников до конца не осознаны. Об этом свидетельствует и его выступление на сессии Генеральной ассамблеи ООН в сентябре 2021 г. Под давлением общественного мнения президент был вынужден признать, что теперь США будут воздерживаться от крупномасштабных военных действий. Но это его личное мнение в момент колоссальных исторических унижений Америки. Историческая реальность, как мы видим, несколько другая и диктует свои условия. Пентагон – единственное военное учреждение

²Biden's Debacle: what it means for Afghanistan and America // *The Economist* [Electronic resource]. URL: <https://www.economist.com/weeklyedition/2021-08-21> (date of access: 02.09.2021).

в современном мире, которое имеет всеобъемлющую сетевую структуру глобального присутствия во всех регионах мира. Эта структура поглощает огромные ресурсы и время от времени предпринимает активные действия, чтобы оправдать свое существование и держать в напряжении все остальные народы.

Надо полагать, что, поскольку англосаксонская доктрина мирового господства остается неизменной, постольку и намерения стратегов США и их союзников будут направлены на поддержание боеспособности НАТО, расширение ее присутствия в других странах, поиск врагов и конкурентов для оправдания своей агрессивной роли. Это значит,

что мир не застрахован от новых авантюр. Однако ясно и другое: США и их союзники не смогли обеспечить свое мировое господство и почти наверняка не смогут этого сделать в будущем. Поэтому бегство американцев из Афганистана – это не только колоссальное военное поражение англосаксонской доктрины мирового господства, но и конец эпохи, в ходе которой теоретикам США казалось, что они близки к завершению строительства миропорядка с одним центром. Эта иллюзия отпала, и, похоже, реанимировать ее не удастся ни путем отказа от парадокса Фулбрайта, ни путем стратегического переосмысления хода событий, ни средствами военного воздействия на мир.

Библиографические ссылки

1. King Ch. The Fulbright paradox. *Foreign Affairs* [Internet]. 2021 [cited 2021 September 2]. Available from: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-06-18/fulbright-paradox>.
2. Браун Ф, Карозерс Т. Демократическая дилемма Вашингтона. *Россия в глобальной политике* [Интернет]. 2021 [процитировано 30 сентября 2021 г.]. Доступно по: <https://globalaffairs.ru/articles/demokraticeskaya-dilemma/>.
3. Charlemagne E. The EU: made in America. *The Economist* [Internet]. 2021 [cited 2021 July 2]. Available from: <https://www.economist.com/europe/2021/06/17/the-eu-made-in-america>.
4. Лукьянов Ф. На что будет нацелена внешняя политика США после завершения афганской кампании. *Россия в глобальной политике* [Интернет]. 2021 [процитировано 5 сентября 2021 г.]. Доступно по: <https://globalaffairs.ru/articles/ssha-posle-afganistana>.

References

1. King Ch. The Fulbright paradox. *Foreign Affairs* [Internet]. 2021 [cited 2021 September 2]. Available from: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-06-18/fulbright-paradox>.
2. Braun F, Karozers T. Washington's democratic dilemma. *Russia in Global Affairs* [Internet]. 2021 [cited 2021 September 30]. Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/demokraticeskaya-dilemma/>. Russian.
3. Charlemagne E. The EU: made in America. *The Economist* [Internet]. 2021 [cited 2021 July 2]. Available from: <https://www.economist.com/europe/2021/06/17/the-eu-made-in-america>.
4. Luk'yanov F. What will be the aim of US foreign policy after the end of the Afghan campaign. *Russia in Global Affairs* [Internet]. 2021 [cited 2021 September 5]. Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/ssha-posle-afganistana>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.11.2021.
Received by editorial board 28.11.2021.

СОВА МИНЕРВЫ ВЫЛЕТАЕТ В СУМЕРКИ: КУЛЬТУРА И НОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается роль культуры в процессе перехода к новой цивилизации. Отмечается, что именно в культуре на основании экспертизы исторического опыта, традиций, ценностных предпочтений, национальных особенностей народов, живущих на территории страны, формируется устойчивый фундамент будущей цивилизации. Обосновывается мысль о том, что в условиях нарастания глобальной нестабильности необходимо обозначить катастрофические сценарии, чтобы предупредить их или по крайней мере минимизировать их последствия. Ответ на новые вызовы времени уже выстраивается в культуре, вбирая многовековой опыт развития, традиции и доминирующие ценности. Отмечается, что основная функция культуры состоит в том, чтобы сохранить в памяти идеальный образ народа. В поисках приемлемых ответов для каждого поколения история может постоянно возвращаться к одному и тому же сюжету. Важным признаком культурной идентичности считается язык как код и как механизм познания действительности. Выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через раскрытие сложной развивающейся ценностной системы. В такой ситуации культура все больше ассоциируется со средой сохранения духовного цивилизационного наследия и возможной передачей этого наследия. Утверждается, что система ценностей в новой цивилизации только зарождается.

Ключевые слова: культура; цивилизация; исторический опыт; традиции; ценности; глобальная нестабильность; кризисы; идеал нового.

MINERVA'S OWL IS FLYING AT DUSK: CULTURE AND NEW CIVILISATION

A. N. DANILOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article considers the role of culture in the process of transition to a new civilisation. The author notes that the stable foundation of the future civilisation is formed in culture, based on the expertise of historical experience, traditions, value preferences, and national characteristics of the peoples living in countries. In conditions of increasing global instability, when it is not clear how to cope with crises, and where are the roots of new challenges and risks, it is essential to identify scenarios that lead to catastrophic consequences in order not to fall into these traps, or at least to see and minimise them. The answer to the new challenges of the time will certainly be found. It has already started forming in the culture, absorbing centuries-old experience of development, traditions and dominant values. The main function of culture is precisely to preserve in memory only that confirms the ideal image of the people. History can constantly return to the same plot in search of acceptable answers for each generation. And here an important feature of cultural identity is considered language as a code and a mechanism for cognition of reality. The building of a new ideal of civilisational development is fixed through the

Образец цитирования:

Данилов АН. Сова Минервы вылетает в сумерки: культура и новая цивилизация. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;1:17–22. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-17-22>

For citation:

Danilov AN. Minerva's owl is flying at dusk: culture and new civilisation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;1:17–22. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-17-22>

Автор:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alexander N. Danilov, corresponding member of the Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. a.danilov@tut.by

disclosure of a complex developing value system. In such a situation, culture is increasingly associated with the environment of preservation and possible transmission of spiritual civilisational heritage. Now it is impossible to say what a new system of values will be in a new civilisation, it is just emerging.

Keywords: culture; civilisation; historical experience; traditions; values; global instability; crises; the ideal of the new.

Введение

Все больше исследователей обращаются к феномену культуры и ее роли в создании идеала будущего. Предстоит разобраться, что происходит в культуре в период системной трансформации обществ переходного типа, что стоит за чертой непознанного и какие механизмы позволяют ее перешагнуть. Представляется, что именно философская рефлексия вкупе с возможностями социологической диагностики позволяют определять точки роста нового. Вбирая опыт веков и доминирующие ценности, именно культура способна генерировать смыслы, отбирать из предшествующего опыта приоритетные ценности для современности и этим самым готовить почву для кардинальных изменений в обществе. История может постоянно возвращаться к одному и тому же сюжету в поисках приемлемых ответов для каждого поколения. Здесь многое зависит от решения проблемы культурной идентичности, где важным признаком видится язык как код и как механизм познания. Важно выделить роль изменяющейся в своем содержании системы ценностей, которая способствует сохранению и возможной передаче духовного цивилизационного наследия,

а также образования, которое выступает важнейшей системообразующей частью национальной культуры.

Современная ситуация характеризуется глобальной нестабильностью, ведет к многополярному миру. Каким образом прийти к нему как к целостной системе? Управление человеческими отношениями в этой системе выйдет на новый уровень, будет осуществляться в глобальном, планетарном масштабе. Здесь, конечно, в основу должны быть положены определенные ценности. Возникает вопрос: можем ли мы эти ценности в том виде, в каком они сформулированы в истории западной цивилизации и в настоящее время нам предлагаются, положить в основу будущего человечества? Очевидно, что придется изменить наше отношение к природе, выработать понимание целей человеческой деятельности, отличное от того, которое представлено фундаментальными мировоззренческими установками технологической культуры (по мнению В. С. Стёпина). Не исключено, что человечеству предстоит духовная революция, сопоставимая с теми, которые были в эпоху Возрождения и Реформации.

Выбор нового

В многообразии новых вызовов, рисков, конфликтов, всевозможных трансформаций осуществляется выбор стратегии развития, формируется идеал нового. «Возникла своеобразная патовая ситуация: в своих реально существующих формах и капитализм и социализм изжили себя, дискредитировали имеющуюся практику и не предложили ничего убедительного взамен себя. Возникла огромная зона неопределенности: а куда должны идти народы, на что ориентироваться, что ожидать от будущего жизненного мира?» [1, с. 274]. В этой ситуации интересны сам механизм и мотивы выбора нового, роль в этом действе культуры, конфликта ценностей, зарождение и укоренение новых жизненных смыслов.

Человек живет в пространстве культуры, где она предстает как плавильный котел истории. Здесь происходит таинство творения по принятому на альтернативной основе образу. Этот образ кристаллизуется из множества ценностей, которые формировались в ходе истории, доминировали, возникали

и уходили в вечность. Сегодня не хватает четкости этого образа нового как некоего позитивного состояния. «Только взяв на вооружение свою модель истории, вы сможете получить на руки метод, имеющий предсказательную силу, то есть не просто предсказывать будущее, но и строить его по своим чертежам своими руками» [2].

Генерируя новые смыслы, гуманитарная наука и образование способны существенно влиять на формирование нового содержания мировоззрения, «вносить мутации в культуру, подготавливая кардинальные изменения социальной жизни» [3, с. 214]. В противостоянии жизненных смыслов, ценностей, убеждений происходит сложный и не сразу очевидный процесс заполнения духовного мира новым пониманием эпохи, кристаллизуются новые варианты развития общества. «Философский смысл вновь возвращается к основаниям культуры с высот абстрактного знания, переплавляется в конкретные мировоззренческие универсалии и становится базисом новой культуры»¹. При этом В. В. Миронов подчер-

¹Важно, чтобы работа не прекращалась. Интервью с академиком В. С. Стёпиным ведет И. Т. Касавин [Электронный ресурс]. URL: <http://jarki.ru/wpress/2010/02/14/908/> (дата обращения: 12.12.2021).

кивает: «...философская рефлексия, как размышление над предельными основаниями бытия, должна быть свободной и хотя бы мысленно “вырваться” за культурную и смысловую заданность самого размышляющего. Сова Минервы, как писал Гегель, вылетает в сумерки, дабы спокойно и без помех наблюдать за тем, что происходит в мире» [4, с. 391].

Сохранить в памяти только то, что подтверждает идеальный образ народа, видимо, и есть важнейшая функция культуры. К одному и тому же сюжету история накапливает все новые вопросы и задает их не в один прием. Поэтому ответов, данных вчера, сегодня может быть уже недостаточно. Многое и сегодня зависит от выбора своей культурной идентичности, что служит признаком принадлежности к той или иной культуре. Конечно, важнейшим признаком культурной идентичности выступает язык, на котором люди говорят и мыслят. Неслучайно в роковые часы языковой вопрос становился важнейшим инструментом противостояния при формировании национальных государств. Соответственно, и в социокультурном пространстве Беларуси конца 1980-х – начала 1990-х гг. языковая проблема обрела политизированный характер.

«Юрий Михайлович Лотман когда-то очень здорово сказал о живом языке: “Язык – это код плюс его история”. Поэтому история любой страны фиксируется в языке, создавая языковое смысловое пространство культуры. Это затрудняет общение между культурами. На уровне обыденного представления это связано с незнанием языка другой культуры, но за этим стоит более серьезная проблема, ибо речь идет не просто о формальном незнании языка, а о сложности понимания тех смыслов, которые скрываются за тем или иным понятием. Общаясь, культуры адаптируются друг к другу, дешифруют смысловые коды, открывая дорогу смыслам другой культуры в свою и, напротив, направляя смыслы собственной культуры в другую. Отсюда и напряженность коммуникации, которая всегда, как отмечал Д. С. Лихачёв, реализуется в пространстве диалога – диалога культур» [4, с. 350].

Рынок трансформирует культуру, но многого мы еще не знаем. Современная информационная система, включая интернет, часто дает человеку иллюзию знания, что ведет к непоправимым ошибкам при принятии решений. Многие отмечают, что мир бесконечно усложнился, а мы пытаемся низвести все до понятного, примитивного. Нельзя искать простые ответы на очень сложные вопросы – их просто не существует. Цивилизация есть развитие определенных аспектов культуры, она возникает благодаря культуре. М. К. Кантор точно заметил на этот счет: «И хотя цивилизация – продукт культуры, но она не культурна. Только культура оперирует вопросами совести, добра и зла. И хотя мы часто требуем от цивилизации морали, но бормашина не мораль-

на и атомная бомба не моральна, только культура может вынести моральное суждение о применении того или другого» [5, с. 12]. Меняются подходы к влиянию, формированию нового. Универсального механизма, как и вечного двигателя, создать не удастся, общество очень сегментировано, и эти процессы отражаются на культуре.

Как видим, новое состояние цивилизации – это крутой поворот в развитии ее ценностного содержания. В ситуации перемен, которые значительно активизируют процесс отбора нового контекста в культуре, появляется стремление к быстрому обновлению базовых ценностей без должного историко-социального отбора, что может создавать иллюзию. Возникает опасность пойти по ложному пути и сформировать искаженный образ будущего. Здесь во многом оправдан изначальный консерватизм культуры и ее носителей.

Выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через раскрытие сложной развивающейся ценностной системы. Ответом на новые риски должны выступать адекватное формирование национальной культуры, которая естественным образом находится в диалоге с мировой культурой, создание новых жизненных смыслов и ценностей. «Чтобы найти выход из кризисов, необходимо радикальное изменение предшествующей стратегии цивилизационного развития. Такое изменение, в свою очередь, требует трансформации базисных ценностей. Они неразрывно связаны с фундаментальными жизненными смыслами, составляющими содержание концептов культуры, ее мировоззренческих универсалий» [6, с. 762]. Со сменой типов цивилизационного развития должна возникнуть новая система ценностей – новая духовная матрица, регулирующая человеческую жизнедеятельность.

Наполнение существующих ценностей новым содержанием – результат укоренения новых мировоззренческих смыслов, которые отражают состояние культуры как среды, в недрах которой постоянно происходит синтез традиционного и зарождающегося цивилизационного опыта. В результате возникают мировоззренческие установки, которые определяют жизненные приоритеты активной части социума. Когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится питательной средой, обусловленной направленностью и содержанием изменений. Почвой же, где завязываются точки роста нового и обновляются ценности (наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются), является наша действительность, социальная жизнь человека.

Время содержательно меняет матрицу ценностей, трансформируются механизмы их формирования, институты влияния, поведенческие предпочтения и установки человека, информационная среда

обитания. Современное развитие показывает, что трансформация политических и экономических систем может осуществляться в относительно короткие сроки, в то время как сознание и социализация, которые были приобретены в течение долгой жизни, не могут подвергнуться быстрым переменам. Они продолжают влиять друг на друга и в процессе приспособления к новым требованиям могут вызывать кризис человека и системы.

Выход из этого болезненного состояния лежит на путях адаптации к меняющемуся миру. «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [7, с. 10]. Сейчас нельзя сказать, какой будет новая система ценностей в новой цивилизации – она только зарождается. Есть только точки роста, которые могут ее хорошо обозначить, но выход к этим точкам может быть вовсе не на Западе, а как раз в тех культурах, которые, несмотря на воздействие модернизационных процессов, сохранили традиционную почву. Эти ценности формируются через систему образования и науку. «Образование – это не просто некоторая отрасль, а часть национальной культуры, причем ее системообразующая часть» [4, с. 412]. Сегодня наша традиционная стратегия образования изменилась в угоду обстоятельствам, и мы видим, что потеряли много ценного. «Унификация, навязываемая нам, неизбежно снижает качественный уровень

образования, так как предлагает ориентироваться на усредненный уровень. Поэтому, когда мы говорим об интеграции образовательного процесса, идея обогащения качеством, преимуществами должна быть поставлена во главе угла. К сожалению, именно в России изначально пытались реализовать наиболее примитивный путь интеграции, фактически разрушающий национальную систему образования и, прежде всего, университетского образования» [4, с. 414].

Современная ситуация ведет к созданию многополярного мира, вызывает огромные проблемы, связанные с войнами, нестабильностью. Конечно, в его основу должны быть положены определенные ценности. Возникает вопрос: можем ли мы эти ценности в том виде, в котором они сформулированы в истории западной цивилизации и в настоящее время нам предлагаются, положить в основу будущего человечества? По крайней мере, есть какие-то пределы. А. В. Смирнов отмечает, что «...претензии какой-либо культуры на исключительную общечеловеческую значимость абсурдны. <...> Современный глобализм опасен тем, что пытается внедрить в сознание идею общечеловеческой значимости европейской культуры не только в первом (понятность), но и во втором (императивность) смысле. Единственным противоядием может быть идея всечеловеческого устройства мира. <...> Всечеловеческий проект мирового устройства – это проект сохранения всего многообразия, всего богатства проявлений человеческого духа, открывшего себя в многообразии логик, развернутых как многообразие культур» [8, с. 204].

Ценности – основа нового

Общество потребления, доминирующее ныне в мире, часто рассматривается в качестве единственно возможной перспективы современной цивилизации, а его идеалы и ценности представляются в качестве образца для подражания. Предполагается, что ценностные установки такого рода общества обладают рядом преимуществ перед всеми прочими социальными и культурными типами организации общественной жизни и открывают безграничные возможности экономического развития для тех регионов, которые их принимают.

В процессе глобализации типы цивилизационного развития различаются прежде всего системой ценностей, теми жизненными смыслами, которые составляют духовную основу общества (понимание человека, природы, деятельности человека, традиций и инноваций, личности, власти). В зависимости от того, как эти смыслы складываются в культуре, формируется программа, по которой люди осуществляют жизнедеятельность, строят поведение, общение. На практике «каждая страна, каждое общество

включаются в общемировой социальный процесс своим неповторимым путем» [9, с. 543].

В этой ситуации очевидно, что со сменой типов цивилизационного развития должна возникнуть новая система ценностей, новая духовная матрица – матрица ожиданий, регулирующая человеческую жизнедеятельность. «У каждого человека своя матрица ожиданий, в ней есть достаточно устойчивая часть, связанная с высшими ценностями, такими как справедливость, социальный порядок, достоинство человека, патриотизм, толерантность, истина, красота, вера и др., а также более подвижная часть, изменяющаяся по мере роста возможностей, перемены условий и новых личных обязательств. Но когда рассматриваются общественно значимые ожидания, то имеется в виду состояние общественного сознания, определяющее не просто желательное, но и должное в общественной жизни с точки зрения логики развития, имеющихся возможностей и перспектив укрепления целостности и стабильности социума» [10, с. 269].

Если рассматривать генезис зарождения ценностей западного и восточного миров, их становление, то можно увидеть, что в историческом контексте они были противоположны. Что мы видим сегодня в условиях формирования нового типа цивилизационного развития и глобализации? Запад и Восток меняются местами по своим ценностям, образу жизни, даже по ментальности, копируют политические системы. Например, Китай – восточная культура. Какая она сегодня: западная или восточная? С точки зрения классических представлений о Западе и его ценностях кажется, что Китай воплощает собой уже западную культуру. В стране трансформируется политическая система, достаточно либеральной становится экономика. Традиционализм культуры, который был свойственен китайской цивилизации, заменен на перманентную модернизацию и технологизацию жизни.

Современный тип цивилизационного развития противоположен традиционному доиндустриальному, где общества не обладали виртуальным характером. Человек, его сознание, культура взаимодействовали с реальностью. Сегодня сознание окунулось в мир виртуальных отношений. Мы делаем ставку на технологии, искусственный интеллект, знание, информацию. Но это феномены нематериального плана. Сознание теряет привычные границы верификации, связанные с предыдущими эпохами, когда человек мог установить истинность условия поведения и ценностные идеалы. Современный мир – мир виртуальных отношений. Он трансформирует ценностное сознание, мышление человека.

Особенностью качественного перехода выступает то обстоятельство, что нарастают глобальные кризисы. Как с ними справиться, где их корни, непонятно. Очень важно сейчас обозначить катастрофические сценарии, чтобы не попасть в эти ловушки или по крайней мере минимизировать возможные негативные последствия. Задача состоит не в том, чтобы сказать: «Будет так, действуйте так», – а в том,

чтобы предвидеть вероятность возникновения этих опасных сценариев.

Те области деятельности, которые требуют серьезных знаний, напряжения, самоотдачи, сегодня не востребованы. Появилось огромное количество людей, которые ищут легких занятий, развлечений, не желают себя ограничивать, а наоборот, стремятся все больше и больше эксплуатировать инстинкты, которые доставляют удовлетворение. Это говорит о том, что в духовной матрице происходят определенные трансформации и отказ от тех ценностей, которые долгое время двигали западную цивилизацию. Всеобщие проблемы маркетизации, свойственные сегодня постсоветским странам, также характерны и для Запада.

Существует два типа стран, ступивших на путь техногенного развития: первый тип представляет Запад, второй тип – государства, которые осуществили модернизацию, сохранив многие традиционалистские ценности, приспособив их к идеям прогресса. Идея прогресса идет из техногенных обществ, возникших на собственной основе. В традиционалистских культурах идея прогресса вообще отсутствует – там другое понимание времени, традиций и инноваций, которые там не являются самоценностью (известная китайская поговорка гласит, что самая плохая эпоха для человека – это эпоха перемен). Есть такие тенденции, когда идеи, которые раньше обозначались как прогрессивные, переходят в свою противоположность. Выход из этой ситуации В. А. Лекторский видит в сохранении национальных культур. В частности, он пишет, что «...противостоять расчеловечиванию человека и культуры можно только в том случае, если мы сумеем сохранить традиционные человеческие ценности и вместе с тем адаптировать их к современным реалиям, в том числе к вызовам, которые созданы развитием науки и технологий. А традиционные ценности существуют и транслируются от поколения к поколению в рамках существующих национальных культур» [11, с. 619–621].

Заключение

В условиях глобальной нестабильности важно осуществить выбор безопасного будущего. Сложившийся вектор развития, основанный на потребительской доктрине, ведет к нарастанию проблем, загрязнению окружающей среды, исчерпанию природных ресурсов, голоду, появлению заболеваний пандемического характера, охвативших в настоящее время весь мир. Сегодня важно существенно расширить предметное поле исследования культуры, ее роль в разработке оптимальной социально-экологической политики, основывающейся на утверждении новых мировоззренческих ориентаций во взаимодействии общества и природы, выборе стратегии

социально-экономического развития, учитывающей потребность в сохранении окружающей среды и изменении человеческих качеств. Важное значение в этом процессе отводится осмыслению исторического опыта народа, сохранению традиций, ценностного потенциала, отбору компонентов, на базе которых и формируются точки роста новой цивилизации.

Может быть, основная функция культуры и состоит в том, чтобы сохранить в памяти идеальный образ народа. Поэтому вполне оправданно, что каждому поколению приходится возвращаться к одному и тому же сюжету истории. Здесь многое зависит

от принятия и закрепления культурной идентичности народа, что служит важным признаком принадлежности к той или иной культуре.

Современная информационная система, включая интернет, дает человеку иллюзию знания, и это ведет к непоправимым ошибкам при принятии решений. Цивилизация есть развитие определенных аспектов культуры, возникающее благодаря культуре. Выстраивание нового идеала цивилиза-

ционного развития фиксируется через раскрытие сложной ценностной системы. В такой ситуации культура все больше ассоциируется со средой сохранения и возможной передачи духовного цивилизационного наследия. Взяв на вооружение собственную модель истории, мы сможем получить метод, имеющий прогностическую силу, причем не просто сможем предсказывать будущее, но и строить его по своим чертежам собственными руками.

Библиографические ссылки

1. Тощенко ЖТ. *Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)*. Москва: Весь Мир; 2020. 352 с.
2. Мараховский В. Фальсификация будущего. *Культура*. 2020, 28 мая. с. 3.
3. Стёпин ВС. *Цивилизация и культура*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2011. 408 с.
4. Миронов ВВ. *Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью*. Москва: РГ-Пресс; 2020. 488 с.
5. Власова О. Максим Кантор: «Мы живем во времена сумерек гуманистической культуры». *Культура*. 2020, 30 января. с. 12.
6. Стёпин ВС. *Человек. Деятельность. Культура*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2018. 800 с.
7. Стёпин ВС. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;3:6–11.
8. Смирнов АВ. *Всечеловеческое vs. общечеловеческое*. Москва: Садра; 2019. 216 с. Совместно с Издательским домом ЯСК.
9. Данилова ЕН, Козлова ЛА, Козырева ПМ, Оберемко ОА, редакторы-составители. *Социология Ядова: методологический разговор*. Москва: Новый хронограф; 2019. 944 с.
10. Шавель СА. *Перспективы развития социума*. Минск: Беларуская навука; 2015. 507 с.
11. Лекторский ВА. *Человек и культура*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2018. 640 с.

References

1. Toshchenko ZhT. *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiei i revolyutsiei (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of trauma: between evolution and revolution (experiences from theoretical and empirical analysis)]. Moscow: Ves' Mir. 352 p. Russian.
2. Marakhovskii V. [Falsification of the future]. *Kul'tura*. 2020 May 28. p. 3. Russian.
3. Stepin VS. *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilisation and culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2011. 408 p. Russian.
4. Mironov VV. *Metafizika ne umiraet: izbrannye stat'i, vystupleniya i interv'y* [Metaphysics never die: selected articles, speeches and interviews]. Moscow: RG-Press; 2020. 488 p. Russian.
5. Vlasova O. [Maxim Kantor: «We live in the times of the twilight of humanistic culture»]. *Kul'tura*. 2020 January 30. p. 12. Russian.
6. Stepin VS. *Chelovek. Deyatel'nost'. Kul'tura* [Man. Activity. Culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2018. 800 p. Russian.
7. Stepin VS. Civilization in the epoch of changes: search for new development strategies. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;3:6–11. Russian.
8. Smirnov AV. *Vsechlovecheskoe vs. obshchechlovecheskoe* [All-human vs. universal]. Moscow: Sadra; 2019. 216 p. Co-published by the Publishing House YaSK. Russian.
9. Danilova EN, Kozlova LA, Kozyreva PM, Oberemko OA, editors-compilers. *Sotsiologiya Yadova: metodologicheskii razgovor* [Sociology of Yadov: a methodological conversation]. Moscow: Novyi khronograf; 2019. 944 p. Russian.
10. Shavel' SA. *Perspektivy razvitiya sotsiuma* [Prospects for the development of society]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. 507 p. Russian.
11. Lektorskii VA. *Chelovek i kul'tura* [Man and culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2018. 640 p. Russian.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 304.5

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФОРМА МОДЕРНИЗАЦИИ

В. Э. СМЕРНОВ¹⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

На основе социологического и политэкономического подходов обосновывается трактовка цифровизации как формы модернизации в постсоветских странах. Рассматриваются теоретические и практические аспекты развития цифровых технологий на Западе и в постсоветских государствах. Выявляются перспективы цифровизации в радикальной трансформации экономики и социального порядка. Доказывается мысль о том, что подобная трансформация возможна лишь при наличии социальных сил, готовых ее осуществить. Политэкономическое обоснование возникновения и развития цифровизации в современном капиталистическом обществе опирается на идею К. Маркса о затрате физических и нервных сил рабочего в процессе труда в условиях капиталистического производства. Показывается, что с политэкономической точки зрения нервная деятельность обладает одновременно и важнейшим сходством с физическим трудом, и решительным отличием от труда, определяемого как всеобщий. В отличие от творческой деятельности человека этот труд может быть измерен временем. Делается предположение о том, что цифровые технологии имитируют те аспекты умственной деятельности человека, которые можно трактовать как расходование нервных сил. В этом смысле проводится аналогия между промышленной революцией прошлого, заменившей расходование физических сил машинами, и цифровой революцией, в рамках которой расходование нервных сил будет устранено работой цифровых устройств.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая экономика; социальный порядок; социальные силы; фейкономика; физические и нервные силы; модернизация.

Образец цитирования:

Смирнов ВЭ. Цифровизация как форма модернизации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;1:23–32.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-23-32>

For citation:

Smirnov VE. Digitalisation as a form of modernisation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;1: 23–32. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-23-32>

Автор:

Виктор Эдуардович Смирнов – кандидат социологических наук; старший научный сотрудник.

Author:

Victor E. Smirnov, PhD (sociology); senior researcher.
smirnoffv67@gmail.com

DIGITALISATION AS A FORM OF MODERNISATION

V. E. SMIRNOV^a

^a*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The article substantiates the interpretation of digitalisation in post-Soviet countries as a form of modernisation on the basis of sociological and political economic approaches. Theoretical and practical approaches to the development of digital technologies in the West are considered. The prospects of digitalisation in the radical transformation of the economy and social order are revealed. It is proved that such a transformation is possible only if there are social forces ready to carry out this process. The political economic justification of the emergence and development of digitalisation in modern capitalist society is based on the idea of K. Marx about the expenditure of physical and nervous forces of the worker in the process of labour in the conditions of capitalist production. It is shown that from a political economic point of view, nervous activity has both the most important similarity with physical labour and a decisive difference from labour defined as universal. Unlike a person's creative ability, this work can be measured by time. It is assumed that digital technologies imitate those aspects of human mental activity that can be interpreted as the expenditure of nervous forces. In this sense, an analogy is drawn between the industrial revolution of the past, which replaced the expenditure of physical forces by machines, and the digital revolution, in which the expenditure of nervous forces will be removed by the operation of digital devices.

Keywords: digitalisation; digital economy; social order; social forces; fakonomics; physical and nervous forces; modernisation.

Цифровая экономика базируется на технологиях интернета и мобильных коммуникациях. Эти технологии возникли довольно давно, но о цифровизации заговорили на рубеже тысячелетия. Очевидно, данный факт связан с достижением определенного качества и скорости передачи информации, что привело к решающим изменениям в эффективности цифровых технологий и позволило говорить о их новой роли в экономике. В работе Д. Тапскотта [1] впервые было использовано понятие цифровой экономики и названы ключевые направления, послужившие основой ее формирования. Среди них можно выделить переход от аналоговой техники к цифровой, от полупроводников к микропроцессорам, от централизованных вычислений к архитектуре «клиент-сервер», от раздельного существования данных, текста, изображения и звука к мультимедиа, от специализированных систем к открытым и др. Данные изменения стали технологической основой для возможной трансформации привычного нам понятия общества в цифровое.

Часто говорится о цифровой трансформации всего общества, что связано как с масштабным увеличением доступности интернета (на первом этапе), так и с появлением большого количества всевозможных сервисов и продуктов, интегрированных в единую систему (на втором этапе). С увеличением числа включенных в единую киберфизическую структуру механизмов (от элементарных холодильников и нагревателей до заводских машин и производственных комплексов) система способна обрести тотальный характер, включающий в себя как производство, так и потребление. Ее важнейшими качествами должны стать решительное снижение транзакционных издержек в экономике, повышение гибкости и способности к реагированию на внешнее и внутреннее воздействие.

Когда мы говорим об экономике, мы имеем в виду экономическую деятельность в широком смысле, охватывающую государственное управление, здравоохранение, образование, культуру, военную сферу. Своим продуктом цифровизация должна иметь принципиально новое единство общественного порядка. Однако несмотря на большие надежды на цифровизацию как основу прогресса и построения нового, более эффективного общества, сегодня она не способна решить такие важные проблемы, как изменение климата, пандемия, кризисные явления в мировой экономике и т. д. В первую очередь речь идет об экономическом кризисе или, по мнению некоторых ученых, о целом ряде последовательных кризисов, сотрясающих мировую экономику. В свое время в качестве решения проблем в этой сфере были испробованы разные варианты, такие как войны, попытки запустить новый виток промышленного и технологического развития с помощью зеленой энергетики и др. Сегодня основным трендом развития экономики объявлена цифровая трансформация.

Действительно, современный уровень цифровизации обнадеживает. Свидетельством тому являются высокие темпы развития цифровой инфраструктуры и коммуникаций во многих странах, а также достижения в удовлетворении общественных потребностей, особенно в сфере социальных услуг, быта, коммуникаций, общения и финансовых операций. Однако все старания внедрить цифровизацию в реальное производство пока не убеждают в возможности сделать новый скачок в экономическом и технологическом развитии. Более того, господствующая экономическая теория не может объяснить, почему цифровизация расцветает в сфере коммуникаций и организаций новых структур, направленных на продвижение товара, но стагнирует в сфере производства. Нельзя сказать, что цифровые технологии

вообще не используются в непосредственном создании товаров. Согласно докладу Всемирного банка «Изменение характера труда» (2019), несмотря на провозглашаемые успехи в роботизации производства, количество не только пролетариата всех категорий, но и сотрудников, занятых непосредственно в промышленности, не снижается, а растет¹.

В данной статье мы попытаемся ответить на следующие вопросы:

1. Является ли цифровизация решающей в становлении нового способа производства или это есть не более чем управляемый технологический процесс перевода на «цифру» средств общественного производства исключительно для общения и облегчения труда и быта по типу электрификации, газификации и т. д.?

2. Каковы социальные условия и возможности цифровизации экономики, и существуют ли силы, способные ее реализовать?

3. Что в современном капиталистическом обществе выступает политэкономическим основанием возникновения и бурного развития цифровизации?

В качестве стратегически значимого понятия термин «цифровизация» актуален в основном на русскоязычном пространстве. Его англоязычный аналог *digitisation* употребляется крайне редко. В западных странах куда чаще звучат такие термины, как *internet of things* (интернет вещей), *blockchain* (блокчейн), *cryptocurrency* (криптовалюта), *augmented reality* (дополненная реальность) и т. д. Также весьма популярны термины *artificial intelligence* (искусственный интеллект) и *cloud solutions* (облачные решения). В то же время понятие *digital transformation* (цифровая трансформация) употребляется довольно редко. Так, его поиск в *Google* выдает 46 млн результатов. Для сравнения: *blockchain* выдает 235 млн результатов, *internet of things* – 203 млн, *artificial intelligence* – 143 млн, *artificial intelligence* – 4,3 млрд результатов. В русскоязычном пространстве совершенно иная ситуация. По запросу «цифровизация» Яндекс выдает 2 млн результатов, «искусственный интеллект» – 637 тыс., «интернет вещей» – 18 тыс. результатов.

Изучение использования данной терминологии за рубежом говорит о том, что в англоязычном пространстве актуальны в первую очередь термины, значение которых связано с конкретными технологиями и их применением. Такая ситуация вполне отражает и стратегию внедрения цифровых технологий в экономику западных стран. Например, в США она осуществляется не на уровне общественной идеологии и политических решений, а на уровне конкретных компаний и фирм, решающих свои прагматические задачи по повышению кон-

курентоспособности, увеличению доходов и минимизации издержек. Неудивительно, что и тексты, посвященные тем или иным элементам цифровой трансформации, обращены именно к руководству компаний и корпораций и, по сути, являются рекламой, с помощью которой продвигаются новые электронные продукты.

Отечественные авторы, перенимая, используют это смысловое наполнение понятия цифровизации, что приводит к некоторому диссонансу с интуитивно улавливаемой логикой происходящего в реальности. Например, в статье «Что такое цифровизация. Объясняем простыми словами», которую поисковая система *Google* выдает одной из первых по запросу «цифровизация», последняя определяется как «глобальное переосмысление подхода к бизнесу, повышение эффективности компании за счет оптимизации и автоматизации бизнес-процессов, а также организация согласованной работы IT-систем»². Таким образом, идея цифровизации обращается к компании и ее провозглашаемая полезность имеет частный характер. Однако на постсоветском пространстве цифровизация выступает прежде всего в виде идеологической концепции, которая имеет общегосударственный характер и находит выражение в конкретных стратегиях и государственных программах, т. е. является проектом государства, а не частной инициативой.

Конечно, можно вспомнить знаменитую фразу президента американской корпорации *General Motors* Ч. Вильсона: «Что хорошо для *General Motors*, хорошо для страны [Америки]». Однако за 69 лет, прошедших с момента произнесения этих слов (1953), мир слишком часто наблюдал конфликт частных интересов корпораций и интересов общества и государства. Далеко не всегда частная польза компаний согласуется с интересами государства и общества. Собственно говоря, проблемой истинного назначения цифровизации на Западе озабочены куда в меньшей степени, чем у нас. Во всяком случае в относительном масштабе.

Как правило, мыслители, исследующие этот вопрос, обращаются к теориям «третьей волны» (Э. Тоффлер), постиндустриального или информационного общества и подобных «футуропророчеств». К изучению роли именно цифровых технологий обратился и Е. Масуда, возглавлявший Институт информационного общества (Токио). Определяя основные черты информационного общества, на первое место исследователь поставил доступ к надежным источникам сведений, считая, что цифровые технологии станут решением проблемы их достоверности [2, p. 29]. Похоже, причиной такого

¹Изменение характера труда. Доклад о мировом развитии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/wdr2019> (дата обращения: 12.12.2021).

²Что такое цифровизация. Объясняем простыми словами [Электронный ресурс]. URL: <https://secretmag.ru/enciklopediya/chto-takoe-cifrovizaciya-obyasnyаем-prostymi-slovami.htm> (дата обращения: 07.01.2022).

заявления ученого было то, что со времен К. Маркса одним из основных доказательств грядущей гибели капиталистического мироустройства со стороны его критиков и в первую очередь марксизма было и есть убеждение в неизбежности кризисов капиталистической экономики, причем с каждым разом все более разрушительных. Причиной же этих кризисов, по мнению К. Маркса, является анархия капиталистического производства. Е. Масуда делает вывод, что в связи с этим необходимо преодолеть анархию производства за счет точности и достоверности получаемой рыночными агентами информации. А ее, по мнению ученого, и должны обеспечить цифровые технологии обработки и анализа информации, играющие роль важнейшего инструмента в обеспечении бескризисного устойчивого развития капиталистической экономики.

Этот подход сомнителен по той причине, что анархия производства является следствием прежде всего социально-экономических причин, а именно присвоения и использования плодов производства в частных интересах конкурирующих субъектов, а не общественного производства в целом. Вследствие этого капиталистическая система перманентно производит недостоверную информацию, причем вполне осознанно со стороны названных субъектов, ведь они постоянно конкурируют за присвоение максимальной доли общественного богатства. Совершенствование же средств коммуникации и обработки информации лишь интенсифицирует процесс конкуренции в сфере информации – перманентной борьбы между производством недостоверных сведений и попытками их отфильтровать. И если в этой борьбе информационного «щита и меча» более-менее крупные агенты способны оплачивать свою защиту, то масса мелких предпринимателей и граждан этого делать не в состоянии и, как мы можем наблюдать сегодня, геометрически растущее количество недостоверной информации попросту захлестывает их. Появился даже термин «фейкономика», в некоторой степени отражающий остроту ситуации. Поэтому проблема получения полной и достоверной информации, по мнению Е. Масуды, является важнейшей как с точки зрения экономического поведения частных лиц, так и с точки зрения поведения малых и крупных экономических агентов. Собственно говоря, в этом, считает ученый, и состоит обоснование необходимости развивать электронные и автоматизированные средства обработки информации – те средства, которые сегодня называют цифровыми. При этом, конечно, речь идет в первую очередь об агентах рыночной среды: именно они являются основной социальной силой, заинтересованной в цифровизации и реализующей ее.

В постсоветских обществах и, в частности, в России дела обстоят несколько иначе. Как уже было сказано, в русскоязычном (и постсоветском) простран-

стве контекст понятия «цифровизация» отсылает скорее к вопросу общественного и государственного развития. Описанные нами особенности позволяют подойти к цифровизации как к проекту, осознанной государственной стратегии, которую можно, на наш взгляд, определить как современную форму модернизации. Понятие последней далеко не однозначно. Применительно к обществам и странам под модернизацией трактовался их переход из традиционного состояния в современное. Однако с годами понятие модернизации приобретало более широкий смысл, речь стала идти о заимствовании различных социальных институтов у обществ, признанных современными в рамках актуальной идеологической доктрины. Соответственно, модернизации рассматривают как эндогенные, т. е. те, которые осуществлялись обществами на собственной основе, и экзогенными, современные институты и организации которых заимствовались у уже модернизированных стран.

Говоря о таких модернизациях, имеют в виду заимствование, самостоятельную разработку и внедрение определенного комплекса технологий, связанных с обработкой данных с помощью цифровых, компьютерных устройств. В постсоветских обществах данная стратегия традиционно осуществляется как государственная программа. В этом смысле она подобна модернизации, проводившейся в эпоху Петра Великого, а также индустриальной (технологической) модернизации в СССР, хотя масштабы, как минимум на настоящий момент, конечно, другие. Однако при несравнимости масштабов речь, как и в прошлом, идет о переосмыслении способа существования, о надежде на то, что появится какое-то новое цифровое общество, обладающее пока неизвестными, но, безусловно, положительными качествами. Как уже говорилось, в фундаментальном социологическом плане парадигма цифровизации базируется на теориях информационного общества и общества знания, которые представляют новую историческую фазу «развития цивилизации, в которой главными продуктами производства являются информация и ее высшая форма – знания» [3]. Станут ли большинство членов общества программистами и в каком отношении будет задействована наука как сфера производства знаний с деятельностью по обработке информации, не очень понятно. Впрочем, именно расплывчатость представлений о грядущем цифровом обществе убеждает нас в том, что в определенном смысле его создание является утопией и идеологическим конструктом. В связи с этим необходимо осознавать свойства подобной модернизации. С одной стороны, в прошлом модернизация продемонстрировала эффективность. С другой – она предполагает и неприятные «опции», которые идут одним пакетом с достижениями. Это и нерациональное использование государственных средств, «кампанейщина» с ограниченностью ее плодов, рост

количества созданных модернизацией институтов и организаций в структуре социума, в данном случае экономики в целом. В этом смысле с точки зрения государства целью модернизации является не столько эффективность компаний, сколько обеспечение конкурентоспособности государства на мировой арене, в первую очередь в сфере обороны. Признаки этого заметны уже сегодня. Так, в нашей стране утверждена Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. В ее рамках предусмотрено внедрение цифровых технологий в образование, здравоохранение, производство и строительство, а также интеграция белорусской экономики в мировое экономическое и цифровое пространство. Эти задачи уже реализуются. На базе существующего Министерства связи и информатизации предлагается создать новый государственный орган – Министерство цифрового развития и связи. Аналогичная ситуация наблюдается в России. Утверждена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В 2018 г. создано Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Однако при всей очевидности сказанного имеет смысл обратить внимание на два важных вопроса. Во-первых, чем вызвана необходимость модернизации? В истории, как правило, необходимость заимствования достаточно очевидна и заключается в наблюдаемых успехах в военной и экономической сфере стран-доноров в сравнении со страной-реципиентом. Во-вторых, существует ли социальная сила, которая будет заинтересована в цифровизации экономики и общества, внедрении и развитии цифровых средств и технологий в производство?

Однозначного ответа на эти вопросы пока нет. Мировая экономика находится в глубочайшем кризисе, и все оптимистичные восклицания о выходе из него со временем оказываются эпизодическими следствиями очередной попытки «залить» кризис деньгами. Структурные диспропорции в экономиках развитых стран никуда не исчезают, а лишь усугубляются. При этом наблюдается не только экономический кризис. Напряжение распространилось на социум в целом, что во многом обусловлено в том числе пандемией, которая обнажила зияющие про-

валы в социальной, культурной и образовательной политике. Наблюдается кризис идей и смыслов общечеловеческого масштаба, и если взглянуть с этой точки зрения на последние два десятилетия, можно увидеть периодические и пока неудачные попытки тем или иным образом запустить очередной виток прогресса в экономике, а за ней и всего социума. Подобной попыткой был переход на возобновляемые источники энергии, а также другие экологические программы. Таким может быть (а может и не быть) ажиотаж вокруг цифровых технологий.

Как уже отмечалось, существует глубокая проблема, связанная с разными подходами к цифровым технологиям на Западе и на постсоветском пространстве. Ее суть заключается в следующем. Поскольку на Западе цифровые технологии являются всего лишь рыночным продуктом, его рекламируют и продвигают соответствующим образом. В этом смысле продавец не должен заботиться о том, нужен ли покупателю данный продукт на самом деле, ведь задача продавца – продать товар. В странах-реципиентах покупатель, воспринимая продукт идеологически, покупает его не потому, что испытывает потребность в нем, а потому, что продукт есть и его можно внедрить. В результате возникают проблемы (например, вопросы с QR-кодами в России).

Западные компании предлагают и рекламируют технологии, которые, по сути, не пользуются спросом. Так, попытки достаточно масштабно продвигнуть систему «умный дом» на данный момент потерпели фиаско. Людям не нужен унитаз, делающий анализы и заказывающий талон к врачу. Людям не нужен холодильник, самостоятельно заказывающий продукты. Сегодня на торговой площадке *AliExpress* можно заказать умные выключатели и другие подобные гаджеты почти по цене обычных. Ажиотажа не наблюдается. Крайне сомнительным является внедрение в обозримом будущем беспилотного транспорта 4-го и 5-го уровней³.

Кроме того, представители постсоветского пространства в полной мере не обладают обыкновенной технологической зрелостью. Часто внедрение цифровых технологий производится без учета их технологического совершенства, что также связано с ценностным, идеологическим отношением

³На 1-м уровне автомобиль немного помогает водителю: можно использовать адаптивный круиз-контроль и контроль руления или торможения. Система управления 2-го уровня может контролировать и руление, и торможение, но при определенных обстоятельствах, например на шоссе, водителю приходится вмешиваться. Машина может ехать сама, но водителю нужно быть готовым в любой момент взять управление на себя. На 3-м уровне у машины чуть больше автономности, а значит, у водителя больше времени, чтобы среагировать в любой непонятной ситуации. Если 2-й уровень предполагает, что водитель всегда следит за дорогой и готов включиться в любой момент, то на 3-м уровне роль водителя – быть в резерве. При автоматизации 4-го уровня система берет на себя полный контроль, позволяя водителю отдохнуть, но только если для этого созданы все условия. Например, есть высокодетализированные трехмерные карты, чтобы система с точностью до сантиметров знала, где находится. Большинство разработчиков пытаются создать системы именно этого уровня. На 5-м уровне предполагается полная автоматизация. В данной гипотетической ситуации перед водительским креслом даже нет руля. Согласно последнему отчету *Autonomous Vehicle Technology Report 2020* работающих технологий 5-го уровня автономности не существует. Эксперты не ожидают появления таких технологий и в обозримом будущем: высокоавтоматизированные системы будут применяться только в качестве продвинутых помощников водителя. Именно такие уровни беспилотности и есть беспилотный транспорт. Реклама же, демонстрируя успехи цифровизации транспорта, часто выдает статистику по всем уровням в целом, не разделяя их.

к цифровизации и ее элементам. Вследствие этого происходят поломки, зависают компьютеры, теряются данные, причем даже без участия злоумышленников или коррупционеров ценная информация оказывается в руках посторонних лиц. Естественно, продавец не склонен акцентировать внимание на недостатках своих технологий, тем более что сами программисты вполне согласны с тем, что программная среда пока (а, возможно, и всегда) будет не строгой технологией, а чем-то, основанным на интуиции. В медицине, сфере беспилотного транспорта, цифровых решений в энергетике, других областях повышенного риска любой сбой может иметь тяжелые последствия. При этом нужно учитывать, что одинаковых процессоров не существует – это заложено в технологии их изготовления. Поэтому в программной среде они ведут себя не всегда одинаково. Так что обезопасить работу современных процессоров от сбоя и зависания невозможно.

Тем не менее продавцы технологий отчаянно завышают возможности своего продукта. Обычными стали ситуации, когда, например, в супермаркете можно увидеть длинные очереди к двум кассам с кассирами и с десятком пустых касс самообслуживания. Колл-роботы, т. е. роботы, отвечающие на звонки, уже стали притчей во языцех, они раздражают людей, когда возникает необходимость задать нестандартный вопрос. Производители подобных продуктов обещают их скорое совершенствование, однако пока прорывов в этой сфере не наблюдается. Программа беспилотного автомобиля не может предсказать поведение людей в нестандартных ситуациях, в частности понять, стоят они у обочины и просто разговаривают или намереваются перейти дорогу. А колл-роботы ни на йоту не приблизились к пониманию смысла того, о чем говорят люди.

Подобные решения лишь имитируют определенные аспекты человеческого мышления, скорее нервной, а не умственной деятельности, поэтому эффективны лишь в узких границах программных задач, куда более узких, чем те, что заявлены продавцом. К сожалению, пока наука достаточно ясно не понимает, как работает разум, как мыслит человек, поэтому при всей кажущейся простоте имитации разумного поведения часто натываются на непреодолимые границы.

Все сказанное никак не отменяет факта полезности цифровых устройств и программных продуктов. Поэтому, принимая решение по поводу их покупки и внедрения (в первую очередь с этим сталкиваются чиновники разного уровня), необходимо занимать более прагматичную и менее идеологизированную позицию. В этом ключе полезным будет повышение цифровой грамотности, которая заключается не столько в умении пользоваться теми или иными гаджетами, сколько в четком представлении о реальных возможностях, ограничениях и пользе программных продуктов.

Хотелось бы обратить внимание еще на один момент цифровизации, который в работе современных исследователей слишком часто предстает в несколько превратном виде. В качестве примера назовем успешную китайскую компанию *Alibaba Group*, хорошо известную в нашей стране в лице одного из своих подразделений *AliExpress*. С самого начала *Alibaba* рассматривалась как торговая площадка для мелких и средних предприятий. Долгое время это была система, через которую мелкие и средние предприятия оптом и в розницу продавали товары по всему миру. С некоторых пор в систему были включены турецкие, затем российские, испанские и итальянские предприятия. При этом подавляющее большинство продаж продолжают иметь китайские производители, относительные объемы продаж вполне отражают те соотношения, которые существовали в международной торговле до появления *AliExpress*. Представления, связанные с тем, что сама интернет-платформа может быть средством для развития реальных производств в макромасштабе, иллюзорны. Интернет-площадка лишь облегчила, оформила в цифровом виде уже существующие отношения производства и распределения, а не наоборот. В ней отразился тот факт, что Китай стал мастерской мира и продает свои товары по всей планете. Но такую ситуацию создала совсем не интернет-платформа. Ровно так же не стоит преувеличивать роль других цифровых продуктов. Они обеспечивают комфортность и скорость связей, но не создают экономическую ситуацию. Поэтому сомнительно, что цифровизация, под которой имеют в виду в первую очередь использование разнообразной программной продукции и технических средств, может послужить стержнем модернизации общества. При этом нужно понимать, что для конкретного стартапа стран, предприятия которых допущены к продажам, площадка *AliExpress* вполне может предопределить успех за счет широчайших рынков сбыта.

Проблема заключается и в том, что любая успешная модернизация в истории связана с той или иной социальной силой, интерес которой преодолевает сопротивление консервативных слоев общества и позволяет эту модернизацию произвести. В России в эпоху Петра Великого такой силой стало небогатое поместное дворянство, в Советской России 1930–40-х гг. – массы бывшего крестьянства, покинувшие село и освоившие разнообразные профессии в бурно развивавшейся индустрии. Именно подобные группы являются тем социальным субстратом – носителем модернизационных практик в экономической и социальной сферах, который принимает и утверждает в обществе новые институциональные формы социальной деятельности.

Если мы понимаем цифровизацию как очередную форму модернизации, нам придется задаться вопросом: существуют ли в современных постсо-

ветских обществах, в частности в белорусском и российском, слои, которые могли бы выступить социальным агентом новой, цифровой модернизации? Вряд ли под таким агентом стоит подразумевать работников ИТ-сферы. Речь скорее может идти о бизнесе, который в рамках идей цифровизационного оптимизма должен ухватиться за соответствующий букет технологий ради повышения эффективности деятельности компаний.

KMDA (организация, специализирующаяся на сфере цифрового консалтинга и стратегий бизнес-трансформации) провела опрос, который был призван изучить уровни развития цифровой инфраструктуры компаний в России. Полученные данные можно сгруппировать по пяти уровням. «Первый уровень цифровизации связан с подготовкой персонала к данному процессу, обучением сотрудников и повышением цифрового интеллекта (*Digital IQ*) компании. Второй уровень цифровизации предполагает установку CRM, ERP, правильный сбор и анализ данных. Чтобы попасть на третий уровень цифровой трансформации, компаниям нужны корректное описание бизнес-процессов и четкая ИТ-стратегия. Для большинства компаний третий уровень цифровизации обеспечивает необходимые преимущества, чтобы успешно вести бизнес. Но чтобы стать цифровым лидером и перейти на четвертый и пятый уровни, недостаточно лишь подготовить ИТ-стратегию, необходимо заложить в этой стратегии продвинутые инструменты автоматизации – предикативную самокоррекцию и открытые интерфейсы» [4].

Согласно этому подходу 83 % российских бизнесов находятся на первой или второй стадии цифровизации. Кроме того, опрос показал, что малый бизнес не спешит внедрять данные системы. Это значит, что у них нет CRM-системы, организованного сбора и анализа данных, возможности анализировать аудиторию и ее нужды, т. е. они не могут развиваться настолько быстро, чтобы успевать за текущими изменениями. Всего 10 % бизнесов находятся на третьем уровне, 5 % – на четвертом и 3 % – на пятом. В результате по итогам первого полугодия 2020 г. только 11 % российских бизнесов показали высокий уровень цифровизации.

Чтобы понять, могут ли цифровые технологии стать основанием прорыва к более справедливому и прогрессивному обществу, необходимо рассмотреть цифровые технологии с политэкономической точки зрения. Прежде всего проследим, как преобразование системы общественного производства исторически было связано с технологическими инновациями и естественно-научными открытиями. Некоторые изобретения меняли систему общественного производства и социальный порядок человеческого общежития. Например, появление окультуренных растений вроде пшеницы, ржи, риса,

маиса не только совершенно изменило способ, которым человек производит жизненные блага, но и повлияло на социальную систему. Вследствие такого сдвига в производственной сфере образовалось классовое общество, господствующее на планете по сей день. Появилось социальное разделение труда, были созданы города, структуры власти, армия и т. д.

Можно назвать и другое, не менее радикальное преобразование в сфере общественного производства. Тысячелетиями в основе трудовых процессов лежал ручной труд. Конечно, изобретение рычага, колеса уходит в глубину тысячелетий, но все же фундаментом производства всегда выступал именно ручной труд. Довольно давно люди стали использовать энергию воды и ветра. Ветряная мельница, водяное колесо и парус в немалой степени облегчили усилия людей, однако обладали одним немалым недостатком. С их помощью человек лишь приспособивался к самостоятельному течению природных процессов. Есть ветер – хорошо, нет – плохо. Даже делать запруды и пускать воду на водяное колесо сверху, что существенно увеличивало ее производительность, люди научились довольно поздно. Именно поэтому ручной труд человека оставался основой всех производственных процессов.

Решительным шагом стало изобретение и внедрение паровой машины и машинного производства в целом. Ручной труд, как базовый элемент производственного процесса, ушел в прошлое. Человек стал использовать энергию машины, а ручной труд отошел как минимум на второй план. Такие изменения прямо связаны с приходом капиталистического общества на смену феодальному. Но что еще более важно, был сделан решительный шаг в сторону от того, что К. Маркс называл общественным проклятием, в сторону преодоления отчуждения людей друг от друга и общественного разделения труда, где одним дано право заниматься высшим умственным и духовным трудом, а другим – физическим. Нужно отметить, что К. Маркс, описывая трудовой процесс как растрату мускульных сил, обратил внимание на иную его сторону, а именно на затраты нервной энергии. Более того, ликвидация господства физического труда людей при сохранении труда как затраты нервных сил рассматривалась основоположниками марксизма крайне отрицательно: «Машинный труд, до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности. Даже облегчение труда становится средством пытки, потому что машина освобождает не рабочего от труда, а его труд от всякого содержания» [5, с. 434].

К. Маркс писал о типе социальных отношений, в рамках которых освобождение от непосредственно физической деятельности не приносит облегче-

ния, а наоборот, отягощает человека в его трудовой деятельности. Однако нельзя не обратить внимание на то, что в понимании физического труда ученый делает акцент на проблеме затрат нервных сил наряду с затратами сил мускульных. К. Марксом был подмечен вид затрачиваемой человеком энергии, отличный и от затрат чисто мускульной энергии, и от затрат умственной и духовной энергии. Данный аспект труда, на котором, собственно, и зиждется капиталистический способ производства, странным образом оставлен в стороне от обсуждения в более чем столетней дискуссии, связанной с идеями марксизма. Возьмем на себя смелость утверждать, что такая ситуация связана с тем, что до второй половины XX в. не было возможности как-либо объективировать представление о затратах нервных сил, ибо человеческая практика еще не освоила эту область в качестве объекта познания и деятельности. Такое освоение произошло вследствие изобретения и внедрения цифровых устройств, которые, по сути, и стали машиной, автоматизирующей не физические, а именно нервные усилия.

Что же такое нервные силы? Очевидно – и это замечает К. Маркс – нервные силы являются следствием работы сознания и психики. При этом в полном и высшем смысле они не выступают умственной и духовной деятельностью. Понятно, что рабочий, выполняя операцию на станке, не затрачивая большого количества мускульной силы, должен внимательно следить за изготовлением той или иной детали, контролировать процесс, осуществлять действия согласно технологической карте. Это достаточно утомительно, так как расходуются силы, которые К. Маркс и назвал нервными. Но к исследованию проблемы нервных сил можно было подойти только тогда, когда данное явление объективировалось в общественной практике. Хотя ее осознание, концептуализация и сегодня оставляют желать лучшего.

На наш взгляд, здесь в какой-то степени наблюдается связь с проблемой искусственного интеллекта. Именно данная тематика затрагивает вопросы, связанные с определенными гранями умственной деятельности, которые как раз и можно трактовать как затраты нервной энергии человека. Конечно, речь идет не о философских аспектах проблемы искусственного интеллекта, не о возможности пробудить сознание в электронной машине, не о способности машины к высшим проявлениям умственной и эмоциональной деятельности. Этим пускай занимаются фантасты, футурологи и философы. Речь идет о более практических аспектах проблемы искусственного интеллекта, а именно о машинной имитации определенных граней умственной деятельности человека. Мы говорим о тех аспектах, которые трудно отнести к высшим, но без которых невозможен никакой труд. Это особенно наглядно

в решении проблемы распознавания образов и связанной с ней возможности машинного обучения. Дело в том, что машина распознает образы, обучается и выполняет подобные функции совсем не так, как человек. У человека такие процессы связаны с пониманием, к машине же такая категория неприменима. Распознавая образы, машина всего лишь перебирает множество вариантов на соответствие заданным критериям, и существует только возможность заменить их, если человек укажет на ошибку.

С политэкономической точки зрения нервная деятельность обладает одновременно и важнейшим сходством с физическим трудом, и решительным отличием от труда, определяемого как всеобщий. В отличие от творческой способности человека этот труд может быть измерен временем. И физический труд, и труд, связанный с расходом нервных сил, могут быть измерены рабочим временем, т. е. при среднем напряжении и средних навыках и технологиях рабочий при равном времени произведет равную стоимость. В этом состоит кардинальное политэкономическое отличие творческого труда ученого и художника, который, по сути, нельзя измерить рабочим временем. Вернее сказать, плоды этого труда крайне слабо связаны со временем, потраченным на него. Мы обращаем внимание на этот фактор потому, что закон стоимости, описывающий товарное производство и товарообмен в рыночном обществе, связан с абстрактным трудом (специальной категорией политэкономии К. Маркса) и, соответственно, с затратами рабочего времени (средними и общественно необходимыми в случае абстрактного труда).

Здесь мы подходим к политэкономической точке зрения о цифровизации. Сегодня можно наблюдать специфическую ситуацию. Если в эпоху Нового времени были созданы технические средства, которые смогли существенно сократить изнуряющий физический труд, то сейчас появились технические средства, потенциально избавляющие человека от затрат нервных и физических сил. Если промышленная революция создала полноценную капиталистическую систему – индустриальное общество, то следующая революция должна быть связана с не менее грандиозными общественными изменениями. Однако в том-то и состоит главная проблема цифровизации. На вопросы, будет ли достигнута конечная цель цифровизации, появится ли цифровая экономика, очень сложно ответить. С одной стороны, технические средства цифровой революции есть. Однако с другой – комплекс этих изобретений и технологических новаций пока не привел к решительным изменениям в сфере общественного производства. Показательно то, что цифровизировались лишь средства контроля и наблюдения

за работниками, а сам процесс труда не претерпел принципиальных изменений.

Можно признать, что цифровизация в постсоветских обществах в целом и в Беларуси и России в частности является формой модернизации, исторически связанной с модернизациями прошлого. Это выработанный в культуре традиционный механизм, позволяющий осваивать и успешно использовать инновации. При этом даже в случае успешной реализации модернизационные программы имеют как плюсы, так и минусы. Если плюсы очевидны и, как уже сказано, заключаются в освоении самых современных технологических и социальных новаций, то минусы могут выражаться в нерациональном использовании государственных средств, «кампанейщине» и ограниченности ее плодов, разрастании числа создаваемых модернизацией институтов и организаций в структуре социума и др.

Очевиден и другой риск, который заключается в том, что популярные сегодня в странах-донорах структуры и технологии вовсе не являются прорывными и не представляют собой панацею, способную запустить новый виток технологического и социального развития. Как, видимо, не стали таким драйвером экологические технологии вроде электромобилей или зеленой энергетики, последствия усиленного внедрения которой вкупе с ликвидацией доминирующих средств генерации электроэнергии вылились в катастрофический рост цен на электричество в Европе. Вследствие этого огромные затраты средств и усилий в наших странах пропадают втуне. Впрочем, это, конечно, крайность. Отношение к цифровизации должно стать менее идеологизированным и более прагматичным. Технологии цифровизации, продвигаемые производителями, есть просто продукты, которые могут обеспечить определенное удобство, скорость и эффективность в сфере управленческих операций, а также в быту. Но средством, гарантирующим экономический рост, преодоление кризисных явлений и прогресс, цифровые технологии не станут до тех пор, пока не произойдет принципиального изменения концепции цифровых технологий и не осуществится решительное их внедрение в производство, где автоматиза-

ция труда перейдет на новую ступень. Сегодня цифровые технологии применяются главным образом в управлении и обслуживании производства. Вывоз промышленности из западных стран в Азию порождает ложное впечатление о том, что добавленная стоимость формируется средствами цифровизации в управленческих и финансовых структурах компаний. На самом деле богатство в форме капитала всегда создается только рабочими производственных предприятий.

Если рассматривать эту проблему с политэкономической точки зрения, то на базе цифровых технических средств должна произойти такая же революция, как в XIX в., которая заменила физический труд работой машин. Теперь с помощью цифровых технологий должна быть заменена трата нервных сил человека. В этом смысле понятие нервных сил, отмеченное в трудах К. Маркса наряду с физическими, нуждается в дальнейшей экспликации.

Сегодня подобная революция в общественном производстве не ограничена возможностями, которые уже реализованы в цифровых технологиях. Она ограничена мировой социально-экономической системой, в частности господствующей формой общественного богатства, которая существует в форма капитала. Капитал формируется исключительно прибавочным трудом рабочих. С одной стороны, вследствие этого сама система производства, в рамках которой общественное богатство создается в форме капитала, не позволяет исключить из нее центральный момент в виде присвоения прибавочной стоимости, производимой рабочими. Это выражается в периодическом обнищании и снижении уровня жизни целых регионов. За последние 30 лет таким регионом стал Ближний Восток. С другой стороны, можно предположить, что утверждение цифровых технологий именно в производстве приведет к ликвидации капитала как господствующей формы общественного богатства, что неизменно изменит социальный мир. Это возможно благодаря ликвидации труда, который можно измерить рабочим временем, т. е. труда, который создает стоимость и, соответственно, капитал в рамках особых общественных отношений.

Библиографические ссылки

1. Тапскотт Д. *Электронно-цифровое общество. Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта*. Дубинский И, переводчик. Киев: INT Пресс; 1999. 403 с.
2. Masuda Y. *The information society as postindustrial society*. Washington: World Future Society; 1983. 171 p.
3. Агеев АИ, Аверьянов МА, Евтушенко СН, Кочетова ЕЮ. *Цифровое общество: архитектура, принципы, видение* [Интернет]. 2017 [протитировано 7 января 2022 г.]. Доступно по: <https://www.centre-it.com/assets/images/uploads/ЦО%20архитектура,%20принципы,%20видение.pdf>.
4. Крецу К. *Пять уровней развития цифровизации бизнеса: как в России стать компанией будущего* [Интернет; процитировано 7 января 2022 г.]. Доступно по: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/60b4cb349a79473d14ea025f>.
5. Маркс К. Капитал. Том 1. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 23*. Москва: Госполитиздат; 1960. 908 с.

References

1. Tapscott D. *The digital economy*. New York: McGraw Hill; 1996. 342 p.
Russian edition: Tapscott D. *Elektronno-tsifrovoye obshchestvo. Plyusy i minusy epokhi setevogo intellekta*. Dubinskii I, translator. Kyiv: INT Press; 1999. 403 p.
2. Masuda Y. *The information society as postindustrial society*. Washington: World Future Society; 1983. 171 p.
3. Ageev AI, Aver'yanov MA, Evtushenko SN, Kochetova EYu. *Digital society: architecture, principles, vision* [Internet]. 2017 [cited 2022 January 7]. Available from: <https://www.centre-it.com/assets/images/uploads/ЦО%20архитектура,%20принципы,%20видение.pdf>. Russian.
4. Kretsu K. *Five levels of business digitalisation development: how to become a company of the future in Russia* [Internet; cited 2022 January 7]. Available from: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/60b4cb349a79473d14ea025f>. Russian.
5. Marks K. [Capital. Volume 1]. In: Marks K, Engel's F. *Sochineniya. Tom 23* [Works. Volume 23]. Moscow: Gospolitizdat; 1960. 908 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 06.03.2022.
Received by editorial board 06.03.2022.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ: ДВИЖУЩАЯ СИЛА МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ИЛИ ГУМАНИТАРНАЯ УГРОЗА?

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются проблемы модернизации системы высшего образования Республики Беларусь, которые связаны с анализом форм и методов цифровизации обучения. Выявляется неразрывная связь цифровизации обучения с процессом четвертой промышленной революции. На основе эмпирических данных опросов, проведенных в БГУ, показано, что белорусские и иностранные студенты повысили свой уровень знаний и навыков в области использования информационно-коммуникационных технологий за период обучения в условиях пандемии. Студенческая молодежь позитивно оценивает перевод значительной доли занятий на дистанционный формат. Отмечается, что эффективная цифровизация обучения способствует росту конкурентоспособности образовательных учреждений. Делается вывод о том, что активное применение цифровых технологий соответствует целям модернизации системы высшего образования и не представляет существенной угрозы саморазвитию студентов. Полученные результаты могут быть использованы в исследовании процессов цифровизации высшего образования в Беларуси и других странах ЕАЭС, а также в подготовке специалистов из числа белорусских и иностранных студентов, обучающихся в белорусских учреждениях высшего образования.

Ключевые слова: высшее образование; цифровизация обучения; гуманитарная угроза; модернизация; пандемия; конкурентоспособность; дистанционное обучение.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект № Г21АРМ-020).

DIGITALISATION OF LEARNING: A DRIVING FORCE FOR HIGHER EDUCATION MODERNISATION OR A HUMANITARIAN THREAT?

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses the problems of modernisation of the system of higher education in the Republic of Belarus related to the implementation of digital forms and methods of education. The inextricable link between the digitalisation of education and the ongoing fourth industrial revolution is revealed. On the basis of empirical data from studies carried out at Belarusian State University, it is shown that Belarusian and foreign students have increased their level of knowledge, skills and competencies in the use of information and communication technologies during a year of study in a pandemic period. Students appreciate the transfer to distance methods of a significant proportion of classes. The author noted that effective digitalisation of education contributes to the growth of the competitiveness of educational institutions. It is concluded that the active use of digitalisation is consistent with the goals of modernisation of the higher education system and does not

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. Цифровизация обучения: движущая сила модернизации системы высшего образования или гуманитарная угроза? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;1:33–41. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-33-41>

For citation:

Titarenko LG. Digitalisation of learning: a driving force for higher education modernisation or a humanitarian threat? *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;1:33–41. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-33-41>

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. larissa@bsu.by

pose a significant threat to the self-development of students. The results obtained can be used in research of the digitalisation of higher education in Belarus and other EAEU countries, and in teaching the Belarusian and foreign students studying in Belarusian universities.

Keywords: higher education; digitalisation of education; humanitarian threat; modernisation; pandemic; competitiveness; distance learning.

Acknowledgements. The research was supported by the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (project No. Г21APM-020).

Введение

Тема модернизации системы высшего образования (СВО) в Беларуси тесно связана с проблемами цифровизации экономики республики, решение которых представляет ключевую важность для продвижения всего народного хозяйства страны по пути устойчивого социально-экономического развития. На первый взгляд, высшее образование и цифровая экономика не являются близкими сферами, тем не менее в нынешних условиях их развитие неразрывно связано. Согласно концепции модернизации СВО нашей страны, ее цель – совершенствование учебно-образовательной среды для достижения мирового уровня качества обучения, а также формирование условий для подготовки высокообразованных специалистов, отвечающих потребностям рынка труда. Поставленная задача модернизации учебно-образовательной среды включает как создание условий для качественного практико-ориентированного обучения молодежи, так и существенное улучшение материально-технической базы учебно-образовательной среды (включая внедрение современного технического оборудования, технологий, электронных платформ и т. д.). Совершенствование процесса преподавания и обучения предполагает качественное обновление образовательного контента, широкое использование гибких методов обучения и, что особенно важно, интернационализацию сферы высшего образования. Все эти цели могут быть достигнуты только в том случае, если будут обеспечены материально-технические и социально-экономические условия для повышения качества обучения.

Отметим, во-первых, что концепция модернизации белорусской СВО ориентирована на международные стандарты. Она соответствует глобальным целям развития образования (в том числе цели устойчивого развития человечества, выдвинутой ООН и ориентирующей страны на обеспечение справедливого качественного образования для всех граждан, а также на предоставление возможности обучения человека на протяжении всей жизни). Достижение этой цели призвано обеспечить интеллектуальное развитие всех жителей планеты. Качественное образование объявлено общечеловеческой ценностью, необходимой каждому гражданину для

полноправной жизни в социуме и стабильного существования общества.

Во-вторых, рост качества обучения, являющийся ключевой идеей концепции модернизации СВО, неизбежно требует широкого использования современных ИКТ, интеграции телекоммуникаций и компьютеров, создания новых методов и средств в образовательном процессе. В контексте цифровизации обучения получают существенное развитие разнообразные методы и формы дистанционного обучения (ДО) [1]. Поскольку принятие нынешней концепции модернизации СВО почти совпало по времени с началом COVID-19, пандемия стала своеобразным драйвером цифровизации. В условиях вынужденной изоляции она стимулировала переход на дистанционные методы обучения значительного количества учреждений высшего образования (УВО) во всем мире и сделала необходимым быстрое овладение этими методами и преподавательским составом, и студентами [2]. В рамках национального студенческого опроса, проведенного под нашим руководством весной 2021 г. в Беларуси, было выяснено, что немногим более пятой части студентов не переводились на ДО, тогда как остальные студенты либо полностью, либо частично обучались в таком формате, т. е. имели опыт своеобразной виртуализации образования [3]. В Беларуси, как и в других странах, наблюдалась следующая тенденция: чем более высоким технико-технологическим уровнем характеризовалось УВО, тем успешнее и безболезненнее происходил переход на ДО. И, наоборот, во многих странах Азии и Африки, согласно международным исследованиям, произошел коллапс в сфере образования ввиду скудных технологических ресурсов образовательных учреждений, отсутствия цифровой грамотности у населения и т. п. Для того чтобы УВО смогли успешно адаптироваться к цифровым технологиям, был сделан вывод о необходимости улучшить цифровые навыки студентов и преподавателей в соответствии с новыми глобальными тенденциями и реалиями в образовании [4, p. 108].

Наконец, в-третьих, в качестве позитивного момента, усиливающего роль цифровизации в сфере

обучения, отметим, что цифровая модернизация СВО является неотъемлемым компонентом четвертой индустриальной революции, в которую Беларусь была вовлечена в XXI в. «Индустрия 4.0» является глобальной [5; 6]. Несмотря на неравномерность развертывания этих процессов в разных отраслях и странах, продвижение по пути индустриальной революции необходимо, если Беларусь не хочет катастрофически отставать от наиболее развитых стран. Поэтому в ответ на требования развития рынка в белорусских УВО открываются новые специализации, готовятся кадры для тех отраслей, которые получают первостепенное значение: для биоинженерии, геномной инженерии, биоинформатики, биоэкологии и др. Поскольку владение навыками ИКТ в условиях «индустрии 4.0» востребовано и в других профессиях, все молодые люди независимо от специальности должны освоить соответствующие компетенции в процессе получения высшего образования. В целом же развитие цифровизации в Беларуси является одним из приоритетных направлений.

В то же время в литературе на этот счет высказываются негативные мнения, согласно которым цифровизация является элементом технократического подхода к образованию и ведет его к дегуманизации, исключающей возможность развития личности обучающегося за пределами выбранной профессии [7]. Еще больше негатива наблюдается в оценках влияния пандемии на высшее образование. Авторы подобных публикаций акцентируют внимание толь-

ко на отрицательных аспектах: на психологическом стрессе субъектов обучения, плохой технологической оснащенности многих УВО и обучающихся, неравенстве доступа к новым технологиям среди населения. Дистанционные методы, на взгляд этих авторов, есть зло, неизбежное в условиях COVID-19, которое должно исчезнуть из университетов после того, как пандемия будет побеждена [8].

Исследовательская проблема состоит в том, чтобы выяснить, способствует ли цифровизация образования, включая формы ДО, широко используемые в условиях пандемии, поддержанию и росту качества обучения студентов УВО. Цель статьи – показать роль цифровизации образования как компонента и движущей силы модернизации высшего образования.

Исследование предполагает решение следующих задач:

- анализ влияния дистанционной формы обучения на цифровые навыки и компетенции студентов в условиях пандемии;
- выявление на основе эмпирических данных отношения белорусских и иностранных студентов к цифровым методам обучения;
- выяснение потенциальных и актуальных угроз, связываемых с цифровизацией, на основе студенческих оценок;
- изучение взаимосвязи между цифровой модернизацией обучения и конкурентоспособностью белорусских УВО.

Теоретические основы и эмпирические методы исследования

В качестве теоретических основ нашего исследования выступают концепции модернизации СВО, опирающиеся на идеи американского философа и выдающегося педагога Дж. Дьюи. Одним из первых он обосновал мнение о том, что центральным местом в педагогике является ориентация на студента как на активного субъекта образовательного процесса. Он также предложил широкое использование коммуникационных связей между студентом и педагогом для роста качества обучения. Следуя гуманистическим традициям, Дж. Дьюи утверждал, что обучение является жизненной необходимостью каждого человека, потому что способствует творческому развитию личности [9].

Мы также опираемся на современную теорию модернизации обучения, которая рассматривает цифровизацию как условие инновационного развития высшего образования. Сторонники данной парадигмы признают, что цифровизация образовательного процесса приносит новые позитивные возможности в педагогическую деятельность,

способствует внедрению новых средств обучения и популяризирует формы ДО, которые могут привести к повышению качества образования [10]. Ранее нами отмечалось, что процессы модернизации СВО Беларуси включают выход этой системы на международный уровень, причем в разных направлениях [11]. Сегодня модернизация высшего образования связывается с использованием цифровых технологий для повышения конкурентоспособности УВО в международном разрезе. Выстраивание интеграционных образовательных объединений в рамках ЕАЭС, обмен опытом и инновациями также могут помочь УВО Беларуси выйти на новый уровень.

Эмпирические материалы были собраны нами в 2021 г. методом онлайн-опросов. В статье используются данные нескольких онлайн-опросов, проведенных среди студентов БГУ, Минска и всей республики. Эти результаты дополнялись данными онлайн-опросов среди иностранных студентов, обучающихся в БГУ.

Результаты и их обсуждение

Обратимся к результатам республиканского опроса, проведенного практически через год после

начала пандемии COVID-19 и перевода основной части белорусских студентов на онлайн-обучение.

Напомним, что если весной 2020 г. абсолютное большинство УВО перешли на ДО, то в следующем учебном году эти формы были задействованы не постоянно и не повсеместно, а в зависимости от эпидемиологической ситуации. Республиканский онлайн-опрос проводился с 1 марта по 7 апреля 2021 г., репрезентативная выборка составила 1733 респондента, представлявших студенчество 26 УВО всех областей и Минска по трем основным направлениям обучения: естественнонаучному, техническому, социально-гуманитарному. Согласно полученным данным только 22 % студентов, участвовавших в опросе, не переходили на ДО. Для анализа влияния ДО на знания, навыки и компетенции студентов были задействованы только те представители выборки, которые имели опыт дистанционного обучения.

Сначала студентам предлагалось оценить собственные знания и навыки владения цифровыми технологиями и устройствами, которые в той или иной степени могли быть задействованы в процессе ДО, по пятибалльной шкале, где 5 баллам соответствовал вариант ответа «Свободно владею», 1 баллу – «Не имею никаких навыков». Затем подсчитывался

средний балл ответов по каждой технологии (табл. 1). Также студентам был задан вопрос относительно того, стали ли они, по их мнению, лучше владеть этими же цифровыми технологиями за последний год. Ответы фиксировались по несколько иной пятичленной шкале: с двумя позитивными вариантами ответа («Да», «Скорее да»), двумя негативными («Нет», «Скорее нет») и нейтральным ответом («Затрудняюсь ответить»). В табл. 2 приводятся ответы только тех, кто ответил позитивно, т. е. признал, что в условиях пандемии и перехода на ДО повысил знания и навыки владения ИКТ.

Наиболее высоко студенты оценили свои умения и знания по работе с поисковиками, персональным компьютером и электронной почтой. Видимо, эти технологии чаще всего использовались ими в обучении. Знание профессиональных программ необходимо далеко не всем, что отразилось в самой низкой оценке умения работать с ними.

Отметим, что среди студентов, которые не переходили на ДО, средний балл отличался только по уровню умений работать с приложениями для видеоконференций. Остальные навыки и знания были на том же уровне.

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Оцените, насколько хорошо Вы умеете работать
со следующими цифровыми технологиями и устройствами?»**

Table 1

**Distribution of respondents' answers to the question:
«Rate how well you are able to work
with the following digital technologies and devices?»**

ИКТ	Средний балл
Поисковые системы (<i>Google</i> , Яндекс и др.)	4,8
Персональный компьютер, смартфон	4,6
Электронная почта	4,6
Пакет программ <i>Microsoft Office</i> (<i>Word</i> , <i>Excel</i> , <i>PowerPoint</i>)	4,2
Приложения для видеоконференций (<i>Zoom</i> , <i>Webex</i>)	3,9
Облачные хранилища (<i>Google Drive</i> , Яндекс.Диск, <i>OneDrive</i> , <i>iCloud</i>)	3,8
Профессиональные программы и информационно-аналитические системы	2,7

Таблица 2

**Распределение позитивных ответов респондентов на вопрос:
«Стали ли Вы за последний год лучше владеть следующими цифровыми технологиями?»**

Table 2

**Distribution of positive answers of respondents to the question: «Over the past year,
have you become better at using the following digital technologies?»**

ИКТ	%
Персональный компьютер, смартфон	85,1
Пакет программ <i>Microsoft Office</i> (<i>Word</i> , <i>Excel</i> , <i>PowerPoint</i>)	84,0

Окончание табл. 2
Ending table 2

ИКТ	%
Приложения для видеоконференций (<i>Zoom, Webex</i>)	81,3
Электронная почта	75,2
Поисковые системы (<i>Google, Яндекс</i> и др.)	73,1
Облачные хранилища (<i>Google Drive, Яндекс.Диск, OneDrive, iCloud</i>)	64,1
Профессиональные программы и информационно-аналитические системы	40,3

Судя по приведенным ответам, студенты больше всего повысили свои навыки работы с персональным компьютером, пакетом программ *Microsoft Office*, а также с приложениями для видеоконференций. Очевидно, что без перехода на ДО последние технологии вообще не были бы задействованы студентами. В целом, на наш взгляд, полученные данные демонстрируют существенный рост студенческих знаний и умений работать с ИКТ за последний год, что связано с пандемией и переходом на ДО. Можно предположить, что при наличии в учебных заведениях и у самих студентов первоклассных технологий для ДО этот уровень мог быть еще выше (именно технические неполадки образовательного портала УВО вызвали больше всего критики среди студентов).

Рассмотрим, как к цифровым методам обучения относятся белорусские и иностранные студенты БГУ. По этому вопросу данные взяты из нескольких онлайн-опросов, проведенных весной и осенью 2021 г. Среди белорусских студентов одобрение получили формы ДО, которые предполагали минимальное взаимодействие педагогов с аудиторией. Так, 71,0 % студентов готовы и после пандемии к проведению управляемых самостоятельных работ в онлайн-формате, а 76,8 % – и к проведению лекций в таком режиме. Больше сторонников такого перевода оказалось среди студентов технического и экономического профилей, где специфика обучения тесно связана с использованием компьютерных программ. Однако почти половина этих студентов высказались за то, чтобы практические занятия, проводимые в лабораториях, не переводились в онлайн-режим. Студентов привлекают в ДО доступность и визуализация всех учебных материалов на одном ресурсе (образовательном портале университета). Возможно, на факультетах, где эти достоинства могут быть задействованы в полной мере, постковидная практика ДО действительно будет уместна. Независимо от специальности студенты положительно оценили экономию времени, безопасность подключения к занятиям из дома, возможность самостоятельно планировать время. Судя по успеваемости студентов в конце 2020/21 учебного года, результаты их учебы практически не ухудшились по сравнению с доковидным периодом, хотя небольшая часть сту-

дентов (около 20 %) отметили снижение качества получаемых знаний. Основное недовольство у студентов вызвал рост количества домашних заданий, требовавших дополнительной подготовки, и технические сбои в работе портала [12, с. 64]. Если пандемия продлится долго, то, вероятно, эти проблемы будут решены и позитивные оценки ДО станут еще выше. Уже сейчас студенческие самооценки уровня освоения ими дистанционных методов обучения очень высокие – в среднем 4,53 по пятибалльной шкале [13, с. 108].

При аналогичных опросах иностранных студентов, обучающихся в БГУ (большинство опрошенных были выходцами из Китая), выяснилось, что они владеют цифровыми технологиями несколько лучше белорусских. На вопрос об умении работать с первыми пятью цифровыми технологиями и устройствами из списка, представленного в табл. 1, были получены ответы только на уровне 4-й и 5-й позиций шкалы («Свободно владею» и «Очень хорошо владею»). Умение работать с двумя оставшимися в списке технологиями иностранные студенты оценили ниже, чем белорусские. В конце 2020/21 учебного года, проходившего в дистанционном формате, опрос китайских магистрантов подтвердил, что их умения и компетенции в области ИКТ повысились. Такой ответ дали 100 % опрошенных. Как видим, иностранные студенты, обучающиеся в БГУ, показали те же результаты, что и белорусские студенты, а именно рост навыков и компетенций в работе с ИКТ в условиях пандемии. Только 5 % из всех опрошенных указали на то, что процесс ДО вызвал трудности. Недовольство было связано в основном с низкой скоростью интернета и большим объемом домашних заданий.

Что касается отношения иностранцев к переводу на ДО в дальнейшем, то оно оказалось очень позитивным: в условиях COVID-19 43 % студентов готовы к удаленной форме всех занятий, еще 40 % высказались за перевод половины занятий на дистанционный формат. Главная причина таких оценок – пандемия, потенциальная опасность для здоровья иностранных студентов.

Более сложным является вопрос об актуальных и потенциальных угрозах цифровых технологий для человека. Цифровая трансформация экономики

и повседневной жизни в рамках четвертой индустриальной революции является сложнейшим многоаспектным процессом, ввиду чего не может быть оценена однозначно. Ускорение цифровизации обучения, обусловленное пандемией, может вызвать разные следствия, поскольку не только открывает новые возможности, но и продуцирует риски, связанные с отказом от традиционных методов коммуникации, форм взаимосвязи студента и преподавателя, пересмотром педагогических стратегий [8].

Неоднозначность проявления дигитализации обучения и ее восприятия разными субъектами этого процесса имеет как объективные, так и субъективные причины. Быстрый рост цифровизации разных сфер жизнедеятельности создал у части людей, особенно у молодых, иллюзию, что с помощью ИКТ можно будет решить многие социально-экономические задачи (ликвидировать ручной неквалифицированный труд, поднять уровень дохода ввиду роста производительности труда за счет умных машин и искусственного интеллекта, преуспеть в карьере и т. д.). Генерализация успехов индустриальной революции в замене труда человека машинами породила миф о всемогуществе технологий. Преувеличение возможностей воздействия ИКТ на социальную жизнь появилось непреднамеренно, как следствие их широкого распространения в условиях пандемии и как проявление гносеологических особенностей диалектического процесса познания молодежью этого нового феномена. В сфере образования такая абсолютизация ИКТ тоже может иметь место, если полагать, что широкая цифровизация обучения тождественна росту его качества. На практике, например, преклонение перед ИКТ проявлялось в позитивной оценке студентами только тех преподавателей, которые широко использовали новые технические средства и методы, и недовольстве теми педагогами (обычно более старшего возраста), которые продолжали следовать традиционным представлениям о сущности и методах обучения и не увлекались презентациями. Таким образом, стремительное расширение ДО в условиях пандемии создало реальные риски искаженного восприятия ИКТ. На уровне индивидуального сознания такое восприятие может привести к недооценке роли и значения других форм знания, не связанных с технологиями напрямую, а в своей крайней форме – к отрицанию необходимости изучения социально-гуманитарных наук. Неслучайно многие интеллектуалы и раньше высказывали опасения, связанные с тем, что чрезмерная цифровизация и упование на научно-техническую революцию приведут общество к дегуманизации личности, созданию «нового дивного бравого мира», где все решают технологии и те, кто ими владеет. Конечно, в данном случае изначально речь шла не о сфере образования. Но и эта сфера

подвержена воздействию подобных рисков. Если целенаправленно использовать новые технологии для воздействия на умы молодых людей, то у них может сложиться фрагментарная картина мира, в которой доминирует научно-техническая сфера. Новый виток индустриальной революции и модернизации образования должен привести к осознанию необходимости создания целостной картины мира и торжеству междисциплинарности в научных исследованиях, которые бы соединяли новейшие технологии со знаниями социологии, психологии, биологии и других дисциплин о человеке. Без целостного восприятия мира технологии действительно могут стать опасными. Синтез научного знания, слияние его научно-технического и гуманитарного аспектов – приоритет науки техногенной эпохи [14]. Уже доказано, что даже производительность труда современного работника зависит больше от уровня его удовлетворенности и чувства счастья на работе, чем от используемых технологий [15]. ИКТ остаются средством, с помощью которого человек и человечество могут вершить и добро, и зло. Образовательные технологии потенциально предоставляют новые возможности для творческого развития личности. Это творчество может проявляться в разных формах самореализации индивида – от инновационной деятельности в области ИКТ до использования новых технологий в кинематографе, музыкальных шоу, создании лекарственных препаратов.

Чтобы выяснить, насколько белорусские и иностранные студенты воспринимают риски и возможности ИКТ в повседневной жизни, им было предложено ответить на восемь вопросов, где технологии связывались и с негативным, и с позитивным влиянием на человека. Большинство ответов и белорусов, и иностранцев были позитивными, они продемонстрировали уверенность студентов в том, что ИКТ значительно изменили все стороны жизни. При этом ответы обеих групп студентов имели общие тенденции. Так, 93 % белорусов и 86 % иностранцев согласились с тем, что цифровые технологии делают жизнь более легкой и упрощают процесс обучения, почти 90 % белорусов и 96 % иностранцев признали, что цифровые технологии создают дополнительные возможности для карьерного роста и образования. С тем, что цифровые технологии обеспечивают возможность творчества и самореализации, согласились 79 % белорусов и 86 % иностранцев. Относительно небольшая часть студентов отметили негативные аспекты влияния ИКТ на жизнь человека и общества. Так, 38 % белорусов указали на то, что цифровые технологии могут быть опасны для здоровья человека и окружающей среды, а 23 % признали, что ИКТ отнимают у них много сил и времени, делают жизнь беспокойной. Самый большой минус, связанный с цифровыми технологиями, студенты

увидели в том, что ИКТ делают человека зависимым и управляемым. Так считают 40 % белорусских и более 60 % иностранных студентов [16, с. 359].

Совершенно иные оценки цифровизации дают преподаватели. Они намного лучше осознают возможности манипулирования сознанием с помощью ИКТ и выше ценят межличностное общение со студентами. Поэтому большинство преподавателей поддерживают необходимость баланса онлайн- и офлайн-методов обучения и выражают надежду на то, что после окончания пандемии роль ДО снизится.

Исследователи цифровой модернизации белорусской СВО также высказывают опасения насчет последствий, которые связаны с ДО. Так, по мнению Д. Г. Доброродного, массовые открытые онлайн-курсы могут стать угрозой для выполнения университетами их классической функции «гуманистического просвещения и формирования национальной элиты» [17, с. 36]. Однако это лишь потенциальная угроза, так как белорусская система ДО не тождественна формату массовых открытых онлайн-курсов: университетские курсы организуются для конкретных студентов конкретных университетов, на них нельзя записаться «со стороны». Кроме того, в СВО Беларуси уже несколько лет проходит эксперимент перехода на прагматическую модель предпринимательского университета, соединения обучения с бизнесом («Университет 3.0»), поэтому модель классического

университета стала исчезать и до массового использования ДО¹.

Отметим еще один немаловажный аспект, связанный с цифровой модернизацией СВО. Условия пандемии, которые способствовали быстрому росту цифровизации обучения, не помешали тому, что в последние годы международные рейтинги белорусских университетов подросли. Вряд ли этот факт может быть результатом влияния цифровой модернизации, но, поскольку она проходила параллельно росту международных рейтингов, цифровизацию также можно считать причастной к этому процессу. Рост рейтинга БГУ непосредственно отразился и на росте его международной конкурентоспособности. Согласно расчетам популярного в регионе Восточной Европы и Средней Азии рейтинга *QS EECA* в 2022 г. БГУ впервые занял 22-е место среди 450 УВО региона². Тем самым университет надежно обеспечил приток иностранных студентов на ближайшее будущее, так как многие иностранцы, судя по исследованиям, хотят получать образование только в тех учреждениях, которые имеют высокий международный рейтинг. Действительно, в последние годы в БГУ и в Беларуси в целом наблюдается некоторый приток студентов из зарубежных стран. Поэтому дальнейшее развитие цифровой модернизации СВО может способствовать и повышению рейтингов белорусских университетов, и росту численности иностранных студентов в Беларуси.

Заключение

Поскольку на мировом уровне за годы пандемии было проведено огромное количество исследований влияния этого феномена на высшее образование, а также ввиду постоянно ведущихся в научной среде замеров качества обучения и уровня адаптации участников образовательного процесса к удаленному формату мы полагаем, что наши результаты, выявившие высокий уровень адаптации студентов к цифровым методам обучения (включая дистанционные) и приемлемый уровень адаптации к ним представителей педагогического сообщества, являются релевантными. Ни в одном из студенческих опросов, проведенных на уровне УВО, города, страны, не было преобладания негативных оценок как цифровизации обучения, так и ДО.

Результаты опросов подтвердили, что цифровизация обучения в условиях пандемии привела к повышению навыков и умений студентов в области ИКТ. Иностранные студенты адаптировались к методам ДО, а их ИКТ-компетенции даже немного превосходят уровень белорусских студентов. Пока пандемия продолжается, иностранные студенты очень

позитивно оценивают использование современных технологий в обучении.

Рост международных рейтингов ведущих белорусских университетов, прежде всего БГУ, за годы пандемии подтверждает, что COVID-19 и переход на ДО как минимум не помешали (а, возможно, отчасти и поспособствовали) повышению конкурентоспособности белорусских УВО на мировом рынке образования.

Можно с уверенностью сказать, что цифровизация СВО предоставляет новые возможности для модернизации данной сферы с помощью цифровых технологий и дистанционных методов обучения. Этот вывод важен для развития концепции модернизации высшего образования и реализации отдельных инноваций (например, создания на базе БГУ междисциплинарного учебно-исследовательского учреждения с новыми лабораториями и центрами коллективного пользования). Цифровизация останется неотъемлемой составляющей модернизации высшего образования даже тогда, когда пандемия, ее нынешняя движущая сила, закончится [18].

¹Почти все вузы Беларуси будут развивать концепцию «Университет 3.0» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/society/view/pochti-vse-vuzy-belarusi-budut-razvivat-kontseptsiju-universitet-30-370643-2019/> (дата обращения: 26.10.2021).

²QS EECA University Rankings 2022 [Electronic resource]. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/eeca-rankings/2022> (date of access: 20.12.2021).

Библиографические ссылки

1. Matthews D. How will technology reshape the university by 2030? *The World University Rankings* [Internet]. 2018 [cited 2020 November 16]. Available from: <https://www.timeshighereducation.com/features/how-will-technology-reshape-university-2030>.
2. Almeida F. COVID-19 and the digitalisation pace. *ResearchGate* [Internet]. 2021 [cited 2021 December 20]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/350314651_COVID-19_and_the_Digitalization_Pace.
3. Титаренко ЛГ. Виртуализация образования в условиях цифровой экономики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;1:23–30.
4. Onyema EM, Eucheria NC, Obafemi FA, Sen S, Atonye FG, Sharma A, et al. Impact of coronavirus pandemic on education. *Journal of Education and Practice*. 2020;11(13):108–121.
5. Шваб К. *Четвертая промышленная революция*. Москва: Эксмо; 2016. 208 с.
6. Рот А. *Внедрение и развитие Индустрии 4.0*. Москва: Техносфера; 2017. 286 с.
7. Ильин ГЛ. «Трансгуманизация» современного образования. *Высшее образование в России*. 2018;1(219):133–142.
8. Галажинский Э, Кузьминов Я, Кропачев Н, Мау В. *Уроки стресс-теста: вузы в условиях пандемии и после нее: доклад на заседании Общественного совета при Министерстве образования и науки Российской Федерации* [Интернет]. 2020 [процитировано 20 декабря 2021 г.]. Доступно по: <https://www.tsu.ru/news/uroki-stress-testa-vuzy-v-usloviyakh-pandemii-i-po/>.
9. Dewey J. *Democracy and Education*. Teddington: Echo Library; 2007. 263 p.
10. Батракова ИС, Глубокова ЕН, Писарева СА, Тряпицына АП. Изменения педагогической деятельности преподавателя вуза в условиях цифровизации образования. *Высшее образование в России*. 2021;8–9:9–19. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-9-19.
11. Титаренко ЛГ, Заславская МИ, Аветисян ПС, Галикян ГЭ, Клименко ВА, Лебедева ЕВ и др. *Модернизация систем высшего образования Беларуси и Армении в контексте процессов евразийской и европейской интеграции: проблемы и перспективы*. Титаренко ЛГ, Заславская МИ, редакторы. Минск: БГУ; 2019. 175 с.
12. Кузьмин СВ, Савчук АА. Цифровая трансформация высшего образования в восприятии белорусских студентов. *Вести БГПУ. Серия 2. История. Философия. Политология. Социология. Экономика. Культурология*. 2021;3:62–65.
13. Савчук АА, Гузнякова АИ. Использование информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения. В: Курилович НВ, редактор. *Эвристические формы применения информационно-коммуникационных технологий в преподавании социально-гуманитарных дисциплин: сборник научно-методических материалов XVIII Научно-методической конференции факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, посвященной памяти профессора И. Л. Зеленковой; 31 марта 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 106–108.
14. Стёпин ВС, Кузнецова ЛФ. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. *Гуманитарный портал* [Интернет]. 1994 [процитировано 14 декабря 2021 г.]. Доступно по: <https://gtmarket.ru/library/basis/5362/5369>.
15. Pérez LVZ, Figueroa RD. Happiness and labour productivity. *Academia Letters* [Internet]. 2021 [cited 2022 January 3]. Available from: <https://doi.org/10.20935/AL2266>.
16. Титаренко ЛГ. Гуманитарные риски цифровой трансформации как угроза национальной безопасности Беларуси. В: Достанко ЕА, редактор. *Материалы Международной научной конференции «Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь»; 17 декабря 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 355–360.
17. Доброродный ДГ. Дистанционное обучение как глобальная перспектива и вызов для классического университета. *Высшая школа*. 2019;5(133):36–39.
18. Vincent-Lancrin S. Coronavirus and the future of learning: towards a new EdTech industry? *OECD Education and Skills Today* [Internet]. 2020 [cited 2020 July 10]. Available from: <https://oecdutoday.com/coronavirus-future-learning-new-edtech-industry/>.

References

1. Matthews D. How will technology reshape the university by 2030? *The World University Rankings* [Internet]. 2018 [cited 2020 November 16]. Available from: <https://www.timeshighereducation.com/features/how-will-technology-reshape-university-2030>.
2. Almeida F. COVID-19 and the digitalisation pace. *ResearchGate* [Internet]. 2021 [cited 2021 December 20]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/350314651_COVID-19_and_the_Digitalization_Pace.
3. Titarenko LG. Virtualisation of education in a digital economy. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;1:23–30. Russian.
4. Onyema EM, Eucheria NC, Obafemi FA, Sen S, Atonye FG, Sharma A, et al. Impact of coronavirus pandemic on education. *Journal of Education and Practice*. 2020;11(13):108–121.
5. Shvab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution]. Moscow: Eksmo; 2016. 208 p. Russian.
6. Rot A. *Vnedreniye i razvitiye Industrii 4.0* [Implementation and development of Industry 4.0]. Moscow: Tekhnosfera; 2017. 286 p. Russian.
7. Ilyin GL. «Transhumanisation» of modern education. *Higher Education in Russia*. 2018;1(219):133–142. Russian.
8. Galazhinskiy E, Kuz'minov Ya, Kropachev N, Mau V. *Stress test lessons. Universities in a pandemic and after it: report at a meeting of the Public Council under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation* [Internet]. 2020 [cited 2021 December 20]. Available from: <https://www.tsu.ru/news/uroki-stress-testa-vuzy-v-usloviyakh-pandemii-i-po/>. Russian.
9. Dewey J. *Democracy and Education*. Teddington: Echo Library; 2007. 263 p.
10. Batrakova IS, Glubokova EN, Pisareva SA, Tryapitsyna AP. Changes in university teacher's pedagogical activity in the context of digitalisation of education. *Higher Education in Russia*. 2021;8–9:9–19. Russian. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-9-19.

11. Titarenko LG, Zaslavskaya MI, Avetisyan PC, Galikyan GE, Klimenko VA, Lebedeva EV, et al. *Modernizatsiya sistem vysshego obrazovaniya Belarusi i Armenii v kontekste protsessov evraziiskoi i evropeiskoi integratsii: problemy i perspektivy* [Modernisation of higher education systems in Belarus and Armenia in the context of the processes of Eurasian and European integration: problems and prospects]. Titarenko LG, Zaslavskaya MI, editors. Minsk: Belarusian State University; 2019. 175 p. Russian.
12. Kuz'min SV, Savchuk AA. Digital transformation of higher education in the perception of Belarusian students. *BSPU Bulletin. Series 2. History. Philosophy. Political Science. Sociology. Economics. Culture Studies*. 2021;3:62–65. Russian.
13. Savchuk AA, Guznyakova AI. [The use of information and communication technologies in the learning process]. In: Kurilovich NV, editor. *Evristsicheskie formy primeneniya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii v prepodavanii sotsial'no-gumanitarnykh distsiplin: sbornik nauchno-metodicheskikh materialov XVIII Nauchno-metodicheskoi konferentsii fakul'teta filosofii i sotsial'nykh nauk Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, posvyashchennoi pamyati professora I. L. Zelenkoi; 31 marta 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Heuristic forms of application of information and communication technologies in teaching social and humanitarian disciplines: a collection of scientific and methodological materials of the 18th Scientific and methodological conference of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, dedicated to the memory of professor I. L. Zelenkova; 2021 March 31; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 106–108. Russian.
14. Stjopin VS, Kuznecova LF. Scientific picture of the world in the culture of technogenic civilisation. *Humanitarian portal* [Internet]. 1994 [cited 2021 December 14]. Available from: <https://gtmarket.ru/library/basis/5362/5369>. Russian.
15. Pérez LVZ, Figueroa RD. Happiness and labour productivity. *Academia Letters* [Internet]. 2021 [cited 2022 January 3]. Available from: <https://doi.org/10.20935/AL2266>.
16. Titarenko LG. [Humanitarian risks of digital transformation as a threat of national security of Belarus]. In: Dostanko EA, editor. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Sovremennyi mir i natsional'nye interesy Respubliki Belarus'»; 17 dekabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Proceedings of the International scientific conference «Modern world and national interests of the Republic of Belarus»; 2021 December 17; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 355–360. Russian.
17. Dobrorodny DG. [Distance learning as a global perspective and challenge for a classical university]. *Vyshhejskaja shkola*. 2019;5(133):36–39. Russian.
18. Vincent-Lancrin S. Coronavirus and the future of learning: towards a new EdTech industry? *OECD Education and Skills Today* [Internet]. 2020 [cited 2020 July 10]. Available from: <https://oecdeditoday.com/coronavirus-future-learning-new-edtech-industry/>.

Статья поступила в редколлегию 26.01.2022.
Received by editorial board 26.01.2022.

УДК 316.334.22+316.324

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БОЛЬШОГО ГОРОДА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Е. В. ЛЕБЕДЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На примере городской среды представлен социологический анализ феномена «цифровая трансформация». Описываются этапы становления научного дискурса о данном феномене (автоматизация, оцифровка, цифровизация и цифровая трансформация). На основе эмпирических данных предлагаются конкретные индикаторы социологического измерения цифровой трансформации города (соотношение цифровых и традиционных способов решения прикладных задач, выход цифровых технологий за пределы утилитарного использования, мотивация освоения новых технологий). С использованием полученных индикаторов выстроена типология цифровых типов горожан.

Ключевые слова: городская среда; цифровой город; цифровая трансформация; эмпирические индикаторы; цифровые типы горожан.

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г20Р-109 от 04.05.2020 г., тема исследования «Влияние цифровой трансформации на трудовую активность городского населения (на примере Минска и Санкт-Петербурга)»).

DIGITAL TRANSFORMATION OF A BIG CITY AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

E. V. LEBEDEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article presents a sociological analysis of the digital transformation phenomenon (the case of Minsk). The chronology of the stages of the formation of scientific discourse about this phenomenon (automation, digitisation, digitalisation and digital transformation) is described. Specific indicators of the sociological dimension of the digital transformation of the city based on empirical data are proposed (the ratio of digital and traditional methods of solving applied problems, the exit of digital technologies beyond their utilitarian use, motivation for the development of new technologies). Using the obtained indicators, a typology of digital types of citizens is constructed.

Keywords: urban environment; smart city; digital transformation; empirical indicators; digital types of citizens.

Acknowledgements. The study was supported by the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (contract No. Г20Р-109 dated 2020 May 4, the research topic «The effects of digital transformation on the labour activity of the urban population (based on the example of Minsk and Saint Petersburg)»).

Образец цитирования:

Лебедева ЕВ. Цифровая трансформация большого города как объект социологического анализа. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;1:42–50 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-42-50>

For citation:

Lebedeva EV. Digital transformation of a big city as an object of sociological analysis. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;1:42–50.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-42-50>

Автор:

Елена Викторовна Лебедева – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью факультета журналистики.

Author:

Elena V. Lebedeva, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of communication and public relations, faculty of journalism.
elena_lebedeva_bsu@tut.by

Introduction

Initially the ideas of digital city appeared in the social sciences in the 1970–80s as a concept of new urbanism and smart growth based on sustainable development and preservation of urban specificity that should replace the industrial model of extensive, unified and ecologically wasteful urban development [1], as the capabilities of individual, collective and artificial intelligence due to information and communication technologies [2, p. 122–123]. This term became widespread around the middle of 1990s as a metaphor of the close connection between urban life and digital technologies. Despite the immense popularity of digital transformation researches, both in the scientific community [3–5] and in the business environment¹, there is still no common understanding of the term «digital city». Thus, the «digital city» depending on the context is interpreted as «smart», as «ubiquitous» or as «intelligent». The digital transformation is also understood as the process of integrating digital technologies into the socio-economic systems or the result of this process, and also as a certain stage of social and organisation development. Moreover, in public rhetoric digital transformation is described by using a variety of concepts – digitalisation, automation, technological modernisation, etc. As a result, the term «digital transformation» often refers to an extremely wide range of different phenomena and processes. In other words, the scientific discourse on digital transformation is still fragile and fragmentary. There is no universal interpretation neither of theoretical basis, nor the specific parameters of its measurement. Such flexibility could be acceptable in certain cases (for example, in the regional development documents) but if we speak about the sociological measurement of the digital transformation of any certain sphere or object ones need some fundamental postulates. Therefore, the digital transformation phenomenon as a sociological category still needed to be reviewed for accuracy and completeness.

For this reason, the main research questions of the article are the following: what the key empirical indicators illustrates the digital transformation of the city and what parameters allow adequately distinguish digitalisation and digital transformation in the case of a big city?

The theoretical framework of the research is represented by the concepts of the information and communication society (M. Castells [6], D. Tapscott [7]), digital urba-

nisation (C. Ratti and M. Claudel [8], A. M. Townsend [3], A. Greenfield [4] and R. Kitchin [5]), as well as the idea of «three generations of smart cities» by B. Cohen [9].

The empirical basis of the article is the results of an automated telephone interview (CATI) conducted in February 2021 among the Minsk employees (mobile phone numbers were chosen using the random number method). In total, 415 working citizens of Minsk took part in the interview (based on the size of the general population, the estimated value of the sampling error is 4.81 %); 57.8 % are men and 42.2 % are women of the total number of respondents. By age, the respondents were distributed as follows: 23.2 % aged from 18 to 29 years, 42.7 % – from 30 to 39 years old, 18.8 % – aged from 40 to 49 years old, 12.4 % – 50–59 years old and 2.9 % of respondents belong to the age group over 60 years old. A significant part of the respondents (73.4 %) at the time of the study had higher education, 20.7 % – secondary special education (technical school or college), 2.2 % – primary vocational, 2.4 % – complete secondary and 0.2 % – lower secondary. By areas of activity, the sample corresponded to the general population (table 1). The existing discrepancies between the parameters of the achieved sample and the socio-demographic characteristics of the general population (the employed population of Minsk, based on the population census conducted in 2019) could be explained for the next reason. During the interview there was a significant percentage of refusals related to the research topic (the use of digital technologies in professional activities and everyday life). Actually, the topic of the survey (digital technologies) acted as a filter and eliminated some of the respondents in such parameters as gender, age and level of education. The maximum discrepancy was observed in the level of education (the number of respondents with higher education in the sample significantly exceeds the number of employed Minsk residents with higher education) – the better-educated citizen are more likely to be loyal to everyday usage of digital technologies (and to speaking about it). The next factors are gender (men are more involved in digital technologies) and age (the heavy users of digital technologies are at the age from 30 to 39 years). In other words, the collected data reflects the opinion of urban professionals with higher education who have some experience gained by using digital technologies.

Table 1

Field of activity (comparison of the sample and the general population), %

Areas of activity	Sample	General population*
Information technologies (websites, programming, etc.), telecommunication services	11.0	8.5
Professional, scientific and technical activities	6.6	7.3

¹Minsk Smart City Forum 2020 [Electronic resource]. URL: <https://events.dev.by/minsk-smart-city-forum-2020> (date of access: 15.06.2021).

Ending table 1

Areas of activity	Sample	General population*
Health care and social services	13.1	9.1
Education and upbringing	7.1	9.2
Industrial production	17.1	16.9
Agriculture and forestry, gardening	0.2	0.2
Building sphere	9.0	7.6
Trading sphere	15.9	17.9
Transport sphere	4.4	6.5
Others	15.7	16.8

Note.* – compiled on the basis of data of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus².

Discussion and results

The scientific discourse genesis on the digital transformation of society. The digital age begins in 1950s with the appearance of electronic computers that made possible to process and transmit information without human intervention. The peak of digitalisation was in the 2010s. One of the key points was the publication by the Capgemini Consulting (Center for Digital Business of Massachusetts Institute of Technology) the report named «Digital transformation: a road-map for billion-dollar organisations»³ in 2014. Obviously, not only the content of digitalisation itself has changed significantly but also the approaches to its interpretation during this period. Here we will briefly cover the main stages of the digital transformation scientific discourse genesis.

Automation stage (1950–90s) – the self-regulating technical means and mathematical methods usage in order to relief a human from participation (or to reduce such participation) in the receiving, transforming, transferring and using energy, materials, products or information and to decrease the complexity of the operations performed. Comprehensive automation led to increasing labour productivity, improving product quality, optimising management processes, removing people from industries that are hazardous to health. The period of automation is associated with the theoretical concepts describing the social reality transformation under the influence of technogenic factors: the post-industrial society of D. Bell [10], the smart or intellectual city of P. Drucker [11], Sh. Tatsuno [12], M. Castells [6].

Digitising stage (1990s – beginning 2000s) – the transition period from automation to digitalisation, the initial stage of introducing digital technologies,

converting information into electronic form for subsequent processing in digital format (creating digital copies). The essence of digitalisation became conceptualised in details, including the definitions of its key terms, while the idea that digitalisation may cause significant social consequences had also arisen. American computer scientist N. Negroponte outlined the ideas of the digital economy believing that digital media and data processing will soon become the defining factors of everyday life [13]. According to D. Tapscott, key changes in the modern world are due to the transition from analog technology to digital technology, from semi-conductors to microprocessors, from centralised computing to client-server architecture, from the separate existence of data, text, image and sound to multimedia, from specialised systems to open systems and others. The set of the indicated inevitable changes is the basis for the formation of an electronic community [7, p. 14]. In other words, a special culture associated with the information technologies usage emerged during this stage.

Digitalisation stage (2000–2015) chronologically intersects with the Fourth Industrial Revolution (Industry 4.0) and involves not only the creation of new digital products (robotisation, blockchain, augmented reality, etc.) but also the development of a digital interaction (accumulation and analysis of big data, internet of things, horizontal and vertical integration of digital technologies). There was a transition from individual technologies to innovative technological complexes – smart factory, smart city, smart planet, etc. Digital technologies went beyond that of a mere assistance in solving specific tasks (storage and processing of information, communication, etc.) and gradually transformed

²Численность занятого населения по видам экономической деятельности в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: <https://minsk.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statisticheskaya-informatsiya/demograficheskaya-i-sotsialnaya-statistika/trud/graficheskiy-material/chislennost-zanyatogo-naseleniya-po-vidam-ekonomicheskoy-deyatelnosti-v-2017-godu/> (дата обращения: 29.03.2022).

³Digital transformation: a road-map for billion-dollar organisations // MIT Center for Digital Business and Capgemini Consulting [Electronic resource]. URL: https://www.capgemini.com/resource-file-access/resource/pdf/Digital_Transformation_A_Road-Map_for_Billion-Dollar_Organizations.pdf (date of access: 17.06.2021).

into a habitat. This idea is most fully illustrated by the concept of smart city which gained popularity in the business community, and then in academia [3–5; 8; 9]. One can see an increase of the individuals and social spheres involvement in the digital reality at this stage. If at the previous stage of digitisation, very few people could use digital technologies (it was a closed, unknown, unpopular subculture – «freaks» or «nerds»), then digitalisation supposes an increased involvement of heterogeneous and multi-level actors. The establishment of digital elite is gradually taking place, the degree of closeness to which often determines its place in the social hierarchy (especially in developing countries).

In addition, the last one, digital transformation stage (2016 – up to now) – the transition of quantitative transformations to qualitative, evolving the digitalisation processes beyond the production and economic sphere, search for the consensus between technological efficiency and humanitarian aspects in digital transformation, attempts to mitigate the negative image of digital technologies as technocracy result (replacement of human beings with robots). Digital transformation finally blurs the line between the physical and digital aspects of society; they closely interpenetrate each other becoming a single human habitat. C. Ratti and M. Claudel metaphorically name such hybrid reality as integration of bits and atoms [8, p. 26]. Digital transformation in such circumstances is not only the new technologies but also the way of thinking – striving for continuous innovation, the necessity to integrate new technologies into all areas of activity. This means not only the installation of modern equipment or software but also fundamental changes in culture, worldview and communications. Russian economist Yu. I. Gribov defines digital transformation as the process of radical transformation of the concept and format of functioning of socio-economic systems in all levels through digitisation, that is, the resources transfer to digital format, implementation and formation of a digital technologies pool, and digitalisation – creation of network platforms for the integration and interaction of digital technologies users, in order to achieve sustainable and long-term existence in the dynamic digital space conditions [14, p. 31]. In other words, the projection of existing social relations onto the digital city is gradually been replaced by their transformation (qualitatively new, initially digital phenomena of urban life appear). The key features of the new sociality are the convergence (merging) of previously divided spheres of life (home/work, public/private, etc.), transformation of value orientations, worldview, lifestyle (social responsibility, the concept of shared values, ethics, social aspect and environmental friendliness of technical innovations). Japanese researchers identified this transformation as a strategy for the transition to a digital society (Society 5.0), that designed to solve social problems through the integration of physical space,

cyberspace and high technologies. This strategy raises questions about the role of technologies in the life of society, about democracy in the era of digitalisation, about new principles of economics, ethics, social interaction, jurisprudence, about the role of information technology in solving the most pressing social problems (aging of the population, poverty, discrimination). The principles of smart growth need to be revised with the focus not only on the technological, but also on the socio-cultural aspect. Human and social capital are seen as a sources of wealth, which requires a conceptual shift in people's consciousness from maximising profit to maximising utility – when investments in human and social capital, as well as in traditional (transport) and modern (ICT) communication infrastructure, contribute to sustainable economic growth and a high quality of life with sound management of natural resources based on broad participation of the population [15, p. 105]. The research perspective is shifting towards the study of the social comfort of the smart city (mixed urban reality), includes educational and socialising aspects of the urban environment digitalisation (smart city – smart citizens), questions about the ethical dimension of smart cities is raised. A growing number of papers on the digital transformation sustainability shows the research-based attempts to synthesise the economy and ecology that lead to the birth of such a direction as the green economy, green cities [16].

Therefore, there is a significant expansion of the digital transformation research subject, which also involves the rights and opportunities of smart cities residents, their active role in the urban environment production, justice and social innovation, social comfort and safety, the transition to a circular economy, smart mobility and citizen participation in processes shaping the democratic principles of smart cities.

Empirical indicators of digital transformation of the urban environment (Minsk case). As noted above, digital transformation ensures the fullest possible disclosure of the digital technologies potential through their use in all spheres of human life. Such elements of a smart city as e-government, pilot projects of energy-efficient smart houses from the Ministry of Construction and Architecture are being introduced actively in Belarus, also, within the framework of the National Action Plan for the Development of a Green Economy it is planned to implement a pilot project of the ecologically attractive city «SymbioCity» [17, p. 65]. It should be emphasised that just the presence of smart technologies is not enough for digital transformation. Sticking point that often causes most difficulties for society is the transformation – consistent deliberate restructuring of habitual daily and professional practices. Digital transformation is often forced when a person uses digital technologies reluctantly, having no choice (like during the pandemic of COVID-19). This situation is often accompanied by technostress – anxiety, fear of

missing something important, an obsessive desire to follow technological innovations [18, p. 108]. People of retirement and pre-retirement age face forced digitalisation (and, therefore, with technostress) most often [19]. Obviously, the main problems are aroused not only in the field of technological modernisation and not even in teaching individuals to use new technologies, but in a fundamental restructuring of the way of life and thinking.

According to a report by the Center for Digital Business of Massachusetts Institute of Technology digital maturity [17, p. 62] can be represented as a combination

of two interrelated parameters: digital activity (the frequency and intensity of use of digital technologies in everyday urban practices in this case), and the presence of the necessary conditions to stimulate change (the attitude of citizens to digital technologies, a conscious desire to replace analog actions with digital). Consider the empirical expression of these parameters based on the results of telephone interviews.

The results showed a high degree of digitalisation of the urban professionals. Thus, 76.3 % of respondents are fluent in various search engines, 68.8 % confidently use e-mail (table 2).

Table 2

The level of digital technologies and devices possession of working citizens, %

Digital technologies and devices	Use fluently
Search engines (Google, Yandex)	76.3
E-mail	68.8
Personal computer, notebook, smartphone	58.5
Microsoft Office (Word, Excel, Power Point)	32.0
Cloud Storage (Google.Disc, Yandex.Disc, OneDrive, iCloud)	31.4
Video conferencing applications (Zoom, Webex)	27.4
Professional software (Autocad, Photoshop), information and analytical systems	20.5

One can note a significant positive dynamics in the digital technologies development that apparently caused by the recent COVID-19 pandemic. It forced the whole world to virtualise most of the everyday and professional practices in a short time – 74,5 % urban professionals have faced the need to master independently technical innovations (new programs, mobile applications, technical devices) over the past 12 months. Such a need had developed not only at the workplace (33.1 %), but also at home (27.8 %), and more than a third of the respondents (38.9 %) noted that they had to master new technologies at both work and everyday life. As a result, more than 50 % of respondents noted that over the past 12 months they have become better at using a personal computer, laptop or smartphone, 49.8 % noted more confident use of search engines compared to last year, 40.5 % were closely acquainted with various applications for video conferencing. These facts shows indirectly the radical

transformations in the citizen’s interpersonal and professional communications sphere.

Digital transformation involves the release of digital technologies beyond professional practices with the increasing use of them in everyday life. Among others that means the emergence of new behavioural patterns and habits among citizens that become impossible (or much more complicated) without digital technologies. The study revealed that modern urban life and digital technologies are inseparable. According to the results of the survey citizens use social networks and messengers daily, use the services of Internet banking, mobile banking, watch Internet TV, use navigation systems at least once a week, use food delivery services, do online shopping or make the appointment of a doctor via the Internet regularly. Less popular, but quite acquainted the opportunities to rent a car, bike or scooter through special mobile applications, as well as taxi aggregators (table 3).

Table 3

Frequency of use of Internet resources in everyday life, %

Internet applications	Daily	Few times a week	Several times a month	Several times a year
Social networks (VKontakte, Facebook, Odnoklassniki, etc.)	69.8	13.9	5.9	3.4
Messengers (Viber, Telegram, Skype)	93.4	4.4	1.0	0.2
Food delivery services	1.2	16.1	35.9	16.3
Online shopping sites	2.2	9.5	43.2	29.8

Ending table 3

Internet applications	Daily	Few times a week	Several times a month	Several times a year
Online appointment with a doctor, ordering coupons to a polyclinic, online doctor's consultation	–	1.2	17.6	39.5
Internet banking, mobile banking	31.0	30.7	31.5	2.0
Internet Protocol Television (ivi, Megogo, Voka)	33.2	10.2	7.8	4.9
Car sharing, bike sharing, taxi aggregators (Uber)	2.0	14.4	26.1	18.8
Navigation systems (Navitel, Google Maps)	23.2	32.7	31.5	6.8
Online utility service (115.by)	0.5	0.7	9.5	25.6

Digital transformation in this case can be interpreted as an increasing number of digital actions performed – to what extent personal life is virtualised, how strong the dependence of it on the availability of digital technologies. Vice versa, how comfortable and painless the individual will be able to maintain his usual lifestyle if offline practices would be limited (as it was during the COVID-19 pandemic lockdown).

It is obvious that the degree of modern citizen's digitalisation may differ – someone feels comfortable in the digital environment and replaces traditional (analogue) practices with digital ones easily, while someone needs long-term adaptation and external support.

In order to identify the existing types of citizens depending on their immersion in the digital environment, a cluster analysis was carried out (hierarchical agglomerative cluster analysis using the Ward method). The basis for the cluster analysis was the frequency of

various Internet resources usage in everyday urban life. A working hypothesis is that the more often an individual uses digital technologies in everyday life, and the more everyday actions he replaces with digital ones, the more deeply he is immersed in the digital environment and feels more comfortable in it.

Cluster analysis highlighted four types of «digital citizens»:

- 1) «digital immigrants»;
- 2) «digital natives»⁴;
- 3) utilitarian users;
- 4) unadapted users.

If we arrange these types sequentially depending on the frequency of digital technologies usage, «digital immigrants» and «digital natives» will be polar opposites, while the remaining two types (utilitarian and unadapted users) gravitate towards one of the poles above (figure).

Distribution of the types of «digital citizens» depending on the frequency of use of digital technologies

The article proceeds to the detailed analysis of these types in the socio-demographic and value-psychological perspectives.

Socio-demographic portrait of «digital citizens». «Digital immigrants» – routinely use only 1–2 digital solutions (messengers and social networks as a rule), while all the other everyday practices they prefer to perform traditionally (make purchases in a store, pay bills at a bank office, visit a polyclinic in order to make an appointment with a doctor, etc.). While entering the digital environment they may feel insecure and try to seek help. According to the interview data, 22.0 % of respondents are «digital immigrants» (56.0 % – fe-

male and 44.0 % – male). Most of them are older people (50 years and older), with a low income – 56.1 % «digital immigrants» have average monthly income up to 1000 Belarusian rubles.

«Digital natives» – routinely use at least 5–6 digital solutions (social networks and messengers, various electronic payments, Internet TV, navigation systems, online purchases, online registration, etc.). The number of digital actions they perform probably exceeds the number of analog ones (without the use of digital technologies). In fact, «digital natives» consider the digital urban environment their natural habitat and feel themselves comfortable there. On the contrary, the access to

⁴The concepts proposed by the American writer M. Prensky were used as the names of the digital types [20].

«analogue world» is more uncomfortable for them – the necessity to going to a bank, contacting the reception personally or making a phone call instead of messaging and so on. Among the total number of surveyed «digital natives» was 34.1 %. Mostly «digital natives» are young citizens, under 39 years old (71.4 %), 55.0 % – male, 45.0 % – female; 60.7 % of them have upper intermediate income level (more than 1000 Belarusian rubles monthly) – for comparison, among the «digital immigrants» only 28.6 % of the same one.

Unadapted users – unlike «digital immigrants», they strive for a more active digital technologies usage, but face certain difficulties and barriers (perhaps a lack of digital competencies or material resources, psychological difficulties). There are 16.3 % unadapted users among the whole surveyed. Typically, their age is between 40 and 59 years old (less often over 60), 64.2 % – male, 35.8 % – female. In terms of income, they are closest to «digital immigrants» (below the average for the sample).

Utilitarian users – close to «digital natives», but prefer limited use of digital technologies (mainly in practical application – messaging, Internet banking payments, routing with the help of navigation system). Unlike «digital natives», who perform most professional and everyday practices virtually, utilitarian users combine digital activities with offline ones. The total amount of utilitarian users is 27.3 % of which 68.8 % – male, 31.3 % – female. Utilitarian users are a little older than «digital natives» are – there are more over 30 years’ old persons among them (54.5 %). The income level of uti-

litarian users, like that of «digital natives», is upper intermediate (more than 1000 Belarusian rubles monthly).

Psychological profile of «digital citizens». The available data is not enough for the detailed analysis of psychological characteristics of «digital citizens». However, some features can be distinguished.

The respondents indicated their agreement or disagreement with the statements about the role of digital technologies in everyday life during the interview. Comparison of the different «digital citizens» types responses made it possible to trace certain differences between them.

Thus, «digital natives» more than «digital immigrants» consider new technologies as a tool for creativity, self-development and self-realisation, which allows people to be closer to each other, forms trust and cohesion. «Digital immigrants» on the contrary emphasise the negative effects of digitalisation – the growth of addiction and anxiety, damage to human health and environment.

In turn, utilitarian users are skeptical about the creative possibilities of new technologies and do not see them as an effective tool for rallying and solidarising people, but also they do not fear of new technologies unlike «digital immigrants». Unadapted users pay less attention to the negative aspects of the new technologies and accept their ability to connect people and enhance the level of mutual trust. However, in comparison with «digital natives» unadapted users have less information about the benefits of using new technologies in a pragmatic manner (tables 4 and 5).

Table 4

Positive aspects of digital technology using, %

Consent with statements	«Digital immigrants»	Unadapted users	Utilitarian users	«Digital natives»
Digital technologies have created more opportunities for career, education and development	87.9	88.1	95.5	98.6
Digital technologies allow people to be closer to each other, increase the level of cohesion and trust	38.5	65.7	44.6	59.3
Digital technologies provide freedom, provide opportunities for creativity, self-realisation and self-expression	73.6	77.6	89.3	95.7

Table 5

Negative aspects of digital technology using, %

Consent with statements	«Digital immigrants»	Unadapted users	Utilitarian users	«Digital natives»
Digital technologies can be dangerous to human health and the environment	50.5	40.3	42.0	34.3
Digital technologies take a lot of time and energy, make life hectic	47.3	32.8	32.1	32.1
Digital technologies make a person dependent and manageable	69.2	64.2	57.1	56.4

Another important aspect that distinguishes different digital types is the issue of new technologies mastering motivation. One can divide the key motives pushing citizens to learn digital technologies into three groups:

- benefit motives – the desire to work more efficiently, to cope with complex tasks, to get a promotion, to change a job, or to increase an income level;
- interest motives – the desire to make life more interesting and eventful, learn something new;
- fear motives – management pressure, fear of isolation, fear of losing a job.

The data showed that interest motives are take priority for the «digital natives». They usually learn new

technologies in order to progress and move forward (77.9 %), to make their life more eventful and interesting (59.3 %). Utilitarian users emphasize the pragmatic usage of new technologies that help do things better, faster and more efficiently, allow to perform more complex professional tasks (61.6 %). No wonder that utilitarian users most often learn new technologies in order to change job – 28.6 % (in comparison the same things do 15.4 % of «digital immigrants» and 20.0 % of «digital natives»). The fear motives have an equal impact on all digital types of citizens. The only exception is the fear of losing a job due to the lack of digital competencies – it was mainly expressed by «digital immigrants» (14.3 %, while for other groups this figure is less than 9.0 %).

Conclusion

The paper has explored what the key empirical indicators and parameters illustrate the digital transformation of the city. Firstly, the concept of digital transformation differs fundamentally from the similar terms «digitalisation» and «digitisation». Digital transformation not first and foremost a driver of growth (efficiency, acceleration, maximisation), but a basis for qualitative transformations of society (new culture, new way of life, new thinking). The behavioural aspects when technical innovations become a means of social transformation, an important tool for thinking comes to the forefront. There are three empirical aspects of the urban environment digital transformation – the availability of new technologies (the access to various technological solutions in the smart city), the presence of the necessary digital skills and the last but not least the interiorisation of new technologies, i. e. conscious, voluntary, internally initiated usage of them for solving routine tasks, not only in professional sphere, but also in daily life.

In addition, the urban environment digital transformation is not a one-time transition from the old state to the new one. Digital transformation is an evolutionary process that involves different individuals with different rates. Empirical indicators of the urban environment digital transformation stage include, firstly, the ratio of online and offline behaviour patterns – the greater the number of personal everyday actions performed digitally, the higher the level of urban environment digital transformation; secondly, the going of digital technologies beyond their utilitarian use. As new technologies become instrument that facilitate creativity, self-realisation, rallying, solidarity and mutual trust, the urban digital transformation is growing. Finally, the motivation for new technologies mastering. The more often citizens learn newly emerging digital solutions guided not by the fear or external pressure but by the interest or the desire to makes their life variegated, the more correctly one can highlight the emergence of qualitatively new social phenomenon – the digital city.

Библиографические ссылки

1. Иванькина НА, Перькова МВ. Концепция нового урбанизма: предпосылки развития и основные положения. *Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова*. 2018;8:75–84. DOI: 10.12737/article_5b6d585f08a625.50385604.
2. Komninos N. *Intelligent cities and globalisation of innovation networks*. London: Routledge; 2008. 320 p. DOI: 10.4324/9780203894491.
3. Townsend A. *Smart cities. Big data, civic hackers, and the quest for a new utopia*. New York: W. W. Norton & Company; 2013. 416 p.
4. Greenfield A. *Against the smart city*. New York: Do Projects; 2013. 147 p.
5. Kitchin R. The ethics of smart cities and urban science. *Philosophical Transactions of the Royal Society A*. 2016; 374(2083):201–225. DOI: 10.1098/rsta.2016.0115.
6. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. Москва: Высшая школа экономики; 2000. 608 с.
7. Тапскотт Д. *Электронно-цифровое общество: плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта*. Дубинский ИМ, Родионов ЮВ, переводчики; Писарев С, редактор. Москва: Рефл-бук; 1999. 406 с.
8. Ратти К, Клодел М. *Город завтрашнего дня: сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни*. Бондал Е, переводчик. Москва: Институт Гайдара; 2018. 248 с.
9. Cohen B. *The 3 generations of smart cities inside the development of the technology driven city* [Internet]. 2018 [cited 2021 June 12]. Available from: <https://www.fastcoexist.com/3047795/the-3-generations-of-smartcities>.
10. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. Иноземцев ВЛ, редактор. Москва: Academia; 2004. 788 с.
11. Drucker P. *The practice of management*. New York: Harper Collins; 2010. 404 p.
12. Тацуно Ш. *Стратегия – технополисы*. Москва: Прогресс; 1989. 344 с.

13. Negroponte N. *Being digital*. London: Hodder & Stoughton; 1996. 243 p.
14. Грибанов ЮИ. *Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции* [диссертация]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет; 2019. 355 с.
15. Головенчик ГГ. Концепция «умный город»: генезис, приоритетные направления развития, проблемные аспекты и рейтинги. *Журнал Белорусского государственного университета. Экономика*. 2020;1:103–117.
16. Седаш ТН, Егорова ДА. Зеленая экономика и умные города: использование европейского опыта в России. *Финансовая жизнь*. 2018;3:14–18.
17. Ильина ЕМ, Ильин МВ. Политико-управленческие аспекты процесса цифровой трансформации в Республике Беларусь. В: Гайсёнок ВА, редактор. *Философско-гуманитарные науки: сборник научных статей*. Минск: РИВШ; 2017. с. 61–70 (Научные труды Республиканского института высшей школы; выпуск 16).
18. Лебедева ЕВ, Денискина АИ. Цифровая трансформация городской среды и цифровые компетенции горожан. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;3:101–110. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-101-110.
19. Карапетян РВ, Лебедева ЕВ, Титаренко ЛГ. Техноэйджизм и техноповедение пожилых горожан: результаты российских и белорусских исследований. *Успехи геронтологии*. 2021;34 (2):311–318. DOI: 10.34922/AE.2021.34.2.019.
20. Prensky M. Digital natives, digital immigrants. *On the Horizon*. 2001;9(5):1–6. DOI: 10.1108/10748120110424816.

References

1. Ivankina NA, Perkova MV. New urbanism movement: prerequisites of evolution and basic planning models. *Vestnik BGTU im. V. G. Shukhova*. 2018;8:75–84. Russian. DOI: 10.12737/article_5b6d585f08a625.50385604.
2. Komninos N. *Intelligent cities and globalisation of innovation networks*. London: Routledge; 2008. 320 p. DOI: 10.4324/9780203894491.
3. Townsend A. *Smart cities. Big data, civic hackers, and the quest for a new utopia*. New York: W. W. Norton & Company; 2013. 416 p.
4. Greenfield A. *Against the smart city*. New York: Do Projects; 2013. 147 p.
5. Kitchin R. The ethics of smart cities and urban science. *Philosophical Transactions of the Royal Society A*. 2016; 374(2083):201–225. DOI: 10.1098/rsta.2016.0115.
6. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age: economy, society and culture]. Moscow: Higher School of Economics; 2000. 608 p. Russian.
7. Tapscott D. *The digital economy: promise and peril in the age of networked intelligence*. New York: McGraw Hill; 1996. 342 p.
Russian edition: Tapscott D. *Elektronno-tsifrovoye obshchestvo: plyusy i minusy epokhi setevogo intellekta*. Dubinskii IM, Rodionov YuV, translators; Pisarev S, editor. Moscow: Refl-buk; 1999. 406 p.
8. Ratti C, Claudel M. *The city of tomorrow: sensors, networks, hackers, and the future of urban life*. New Haven: Yale University Press; 2016. 192 p.
Russian edition: Ratti C, Claudel M. *Gorod zavtrashnego dnya: sensory, seti, khakery i budushchee gorodskoi zhizni*. Bondal E, translator. Moscow: Gaidar Institute Press; 2018. 248 p.
9. Cohen B. *The 3 generations of smart cities inside the development of the technology driven city* [Internet]. 2018 [cited 2021 June 12]. Available from: <https://www.fastcoexist.com/3047795/the-3-generations-of-smartcities>.
10. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming post-industrial society. Social forecasting experience]. Inozemtsev VL, editor. Moscow: Academia; 2004. 788 p. Russian.
11. Drucker P. *The practice of management*. New York: Harper Collins; 2010. 404 p.
12. Tatsuno Sh. *Strategiya – tekhnopolisy* [Strategy – technopolises]. Moscow: Progress; 1989. 344 p.
13. Negroponte N. *Being digital*. London: Hodder & Stoughton; 1996. 243 p.
14. Gribanov YuI. *Tsifrovaya transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem na osnove razvitiya instituta servisnoi integratsii* [Digital transformation of socio-economic systems based on the development of the institution of service integration; dissertation]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics; 2019. 355 p. Russian.
15. Goloventchik GG. «Smart city» concept: genesis, priority development directions, problem aspects and ratings. *Journal of the Belarusian State University. Economics*. 2020;1:103–117. Russian.
16. Sedash TN, Egorova DA. Green economy and smart cities: use of European experience in Russia. *Finansovaya zhizn'*. 2018;3:14–18. Russian.
17. Ilyina EM, Ilyin MV. Political and administrative aspects of the process of digital transformation in the republic of Belarus. In: Gaisenok VA, editor. *Filosofsko-gumanitarnye nauki: sbornik nauchnykh statei* [Philosophical and humanitarian sciences: collection of scientific articles]. Minsk: National Institute For Higher Education; 2017. p. 61–70 (Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly; issue 16). Russian.
18. Lebedeva EV, Deniskina AI. Digitalisation of city and digital competencies of citizens. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;3:101–110. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-101-110.
19. Karapetyan RV, Lebedeva EV, Titarenko LG. Technoagism and technical behaviour of the elderly citizens: results of Russian and Belarusian researches. *Advances in Gerontology*. 2021;34 (2):311–318. Russian. DOI: 10.34922/AE.2021.34.2.019.
20. Prensky M. Digital natives, digital immigrants. *On the Horizon*. 2001;9(5):1–6. DOI: 10.1108/10748120110424816.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 101.8+316.4

СПЕЦИФИКА МОРАЛЬНОГО ФАКТОРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ БЕЛАРУСИ

О. А. ПАВЛОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

В контексте современных социальных трансформаций раскрыты характерные черты проявления духовно-нравственных ценностей в обеспечении национальной безопасности белорусского общества. Обосновано, что в качестве фактора общественного развития специфика морали выражается в социально-регулятивной роли со стороны общества, в культуросозидательной роли со стороны личности и, соответственно, в согласовании между ними. На основе исторических и философских источников определены социокультурные предпосылки развития духовно-нравственного потенциала белорусского народа, в котором органически взаимосвязаны, с одной стороны, становление национального самосознания и государственности, с другой – раскрытие личностной природы человека. В качестве серьезной внутренней угрозы белорусской государственности обозначены социально-моральные риски, связанные с общемировыми трансформационными процессами. Особое внимание уделяется освещению проблемы духовно-нравственного развития личности, ее достойной самореализации и мировоззренческого выбора в условиях современного транзитивного общества. На основе социологических данных обозначены некоторые особенности моральной регуляции в молодежной среде.

Ключевые слова: национальная безопасность; моральный фактор; духовно-нравственный потенциал; личностная культура; христианские ценности; национальное самосознание; свобода совести.

Благодарность. Автор выражает благодарность О. Г. Лукашовой за организацию и проведение социологического исследования, содействие в разработке научно-исследовательских проектов.

Образец цитирования:

Павловская ОА. Специфика морального фактора в обеспечении национальной безопасности Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;1:51–63.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-51-63>

For citation:

Pavlovskaya OA. The specificity of the moral factor in provision of the national security of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;1:51–63. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-51-63>

Автор:

Ольга Александровна Павловская – кандидат философских наук, доцент; ведущий научный сотрудник отдела философии культуры.

Author:

Olga A. Pavlovskaya, PhD (philosophy), docent; leading researcher at the department of philosophy of culture.
olga.pavl@tut.by

THE SPECIFICITY OF THE MORAL FACTOR IN PROVISION OF THE NATIONAL SECURITY OF BELARUS

O. A. PAVLOVSKAYA^a

^a*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

In the context of modern social transformations, the characteristic features of the manifestation of spiritual and moral values in ensuring the national security of the Belarusian society are revealed. It is substantiated that the specificity of morality as a factor of social development is expressed: on the part of society in a socio-regulatory role, on the part of the individual in a culturally creative role and, accordingly, in coordination between them. On the basis of historical and philosophical sources, the sociocultural prerequisites for the development of the spiritual and moral potential of the Belarusian people are determined, in which, on the one hand, the formation of national self-consciousness and statehood are organically interconnected, and on the other hand, the disclosure of the personal nature of a person. As a serious internal threat to the Belarusian statehood, the socio-moral risks associated with the ongoing global transformation processes are identified. Particular attention is paid to highlighting the problem of the spiritual and moral development of the individual, its worthy self-realisation and worldview choice in the conditions of a modern transitive society. On the basis of sociological data, some features of moral regulation in the youth environment are indicated.

Keywords: national security; moral factor; spiritual and moral potential; personal culture; Christian values; national identity; freedom of conscience.

Acknowledgements. The author expresses his gratitude to O. G. Lukashova for organising and conducting a sociological study, assistance in the development of research projects.

Введение

Исследование трансформационных процессов в белорусском обществе непосредственно связано с выявлением глубинных изменений общемирового масштаба. Как отмечает А. И. Зеленков, «метаморфозы глобализации убедительно демонстрируют амбивалентную природу происходящих трансформаций мирового сообщества, создавая поистине сюрреалистическую картину нашей эпохи» [1, с. 11]. В социально-экономическом плане феномен глобализации обусловлен современными информационно-технологическими и производственными процессами, в социокультурном – «заметно преобладают процессы негативной направленности... явления гипертрофированного индивидуализма, угасания надличностных смыслов и ценностей развития, ощущения отчужденности человека от общества и его бессилия перед лицом репрессивной информационной мегасистемы» [1, с. 6]. Происходящие трансформации сопровождаются различными рисками, порождают неожиданные, часто жестокие вызовы социоприродной жизни, несущие угрозу физическому и моральному здоровью человека. Ж. Т. Тощенко определяет современное общество как «общество травмы», которое «характеризуется отсутствием стратегических целей развития, хаотичностью действий, неспособностью мобилизовать активные творческие силы для реализации программы развития и преодоления деструктивных изменений» [2, с. 78]. Также он отмечает, что в социально-психологическом плане в «травмированном обществе» наблюдаются «увеличение влияния

изоляция и национализма, уменьшение влияния гуманизма и терпимости» [2, с. 79]. Популярным направлением современных исследований стало общество потребления. С одной стороны, общество потребления как сугубо экономическая категория, ориентированная на удовлетворение материальных потребностей людей и эффективное функционирование хозяйственного комплекса, сохраняет потенциал в структурах индустриализма, а с другой – оно, как идеальный прообраз будущего, сегодня не выдерживает критики, непосредственно связано с негативными проявлениями человеческой природы. А. Н. Данилов отмечает: «Мы строим общество по чужим лекалам, с “грамотным потребителем” в основе нового мироздания. Но насколько устойчива такая опора? Ведь эти ступеньки человека разумного в потребительском обществе становятся не опорами личной свободы, счастья и благоденствия, а источником эгоизма, агрессии, человеческой не-терпимости друг к другу» [3, с. 8].

Реальная ситуация как на постсоветском пространстве, так и в западном обществе свидетельствует о переходе на новый уровень социального развития, который сопровождается расшатыванием (падением) общественных нравов, деформациями индивидуального сознания, ростом насилия и враждебности. В центре общественного внимания находятся многие острые проблемы духовно-нравственного характера: кризис традиционных ценностей и открытое пренебрежение общественными моральными устоями, а также этическими нормами

при всевозможных медицинских экспериментах, пропаганда различных форм моральной распущенности и порочности (свободных сексуальных отношений и нетрадиционной ориентации), насилие в семье, дискриминация женщин, рост числа подростковых беременностей и аборт, распростра-

нение девиантного поведения в молодежной среде и т. д. Такое обострение морально-психологической обстановки представляет собой внутренний, латентный источник роста социальной напряженности и конфликтности, что, в свою очередь, следует расценивать как угрозу национальной безопасности.

Духовно-нравственные ценности в системе национальной безопасности

В социально-философском плане национальную безопасность можно определить как состояние общественной системы, которое характеризуется стабильностью, устойчивостью, сбалансированностью структурных компонентов, связей и отношений, их эффективным функционированием и способностью к саморазвитию, что является главным условием и надежной основой для защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз. Деятельность по обеспечению национальной безопасности теснейшим образом связана с последовательным и неустанным повышением роли духовно-культурных факторов, в том числе морального фактора.

Мораль выполняет на первый взгляд незаметную, но важнейшую социальную функцию – консолидирующую. Посредством общепринятых принципов и норм, убеждений и целей, механизмов регуляции и саморегуляции, сформированных в определенных народных традициях и культурно-цивилизационных парадигмах, она образует своего рода остов общественной структуры, скрепляет в единое целое различные части социального организма, является внутренним источником его функционирования и развития. В случае военного нападения или острого политического противостояния мораль превращается в один из основных инструментов как сохранения народного духа, так и упрочения национальной государственности [4, с. 169].

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь сохраняется преемственность по отношению к ранее проводимой политике в этой сфере. Изменения и дополнения в документ вносятся с учетом происходящих глобальных геополитических процессов, а также современной социально-экономической и политической ситуации в стране. Среди национальных интересов в социальной сфере – «развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала общества, сохранение и преумножение его культурного наследия, укрепление духа патриотизма, обеспечение гармоничного развития межнациональных и межконфессиональных отношений»¹. В документе подчеркивается, что серьезную опасность для духовно-культурного развития граждан несут потенциальные или реально существующие

угрозы: деструктивное информационное воздействие на личность и общество, снижение научно-технологического и образовательного потенциала до уровня, не способного обеспечить инновационное развитие, утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, попытки разрушения национальных духовно-нравственных традиций и необъективного пересмотра истории, снижение уровня доверия граждан к основным государственным институтам.

Обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь в значительной степени детерминировано, во-первых, исторически сформированным духовно-нравственным потенциалом белорусского народа, вобравшим в себя совокупность сохранившихся народных традиций и общечеловеческих ценностей, во-вторых, историческим и современным опытом государственного строительства и международного сотрудничества, практикой межкультурного, межнационального и межконфессионального общения и взаимодействия, в-третьих, уровнем личностного развития отдельного человека, который является как объектом воздействия внешних угроз (и, соответственно, нуждается в защите и получает ее от различных социальных структур), так и их субъектом, способным обеспечить самозащиту и защиту других людей от негативного воздействия.

В качестве фактора общественного развития специфика морали выражается в социально-регулятивной роли со стороны общества, в культурозидательной роли со стороны личности и, соответственно, в согласовании между ними (либо рассогласовании в условиях социальных трансформаций).

На общественном уровне осуществляется масштабное и мощное социокультурное воздействие на индивидов как стихийно, в потоке народной жизни, так и целенаправленно, в деятельности социальных институтов (государства) и отдельных субъектов. Первостепенное значение в саморегуляции жизни людей играют нравы, в структуре которых нравственные элементы рассматриваются в качестве естественного основания для сохранения и воспроизведения человеческого рода (народа), механизма упорядочивания и контролирования

¹Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575> (дата обращения: 17.11.2021).

человеческих взаимоотношений в пределах локальной социальной группы. Социокультурное воздействие общества на личность немислимо без усилий, действий, мероприятий целенаправленного характера, проводимых государством, иными общественными институтами (семьей, школой, трудовым коллективом, СМИ, церковью и др.), отдельными субъектами и направленными как на поддержание действующей системы социального регулирования, так и на ее реформирование в кризисных условиях.

Социально-регулятивная роль морали реализуется посредством совокупности ценностей, императивов, идеалов, принципов, норм и правил, в которых отражаются общепризнанные представления о добре и зле, дозволенном и недозволенном, а также через традиционные механизмы регулирования, способы воспитания, идеологические и правовые установки, символы исторической памяти и образы будущего. Это комплексное воздействие образует духовно-нравственный потенциал общества, который, в свою очередь, составляет ядро его духовной культуры.

Реальное проявление духовно-нравственного потенциала социума осуществляется благодаря теснейшей взаимосвязи народного (массового), государственного и личностного уровней в структуре движущих социальных сил. С учетом этого можно выделить следующие источники социального действия:

- духовно-нравственный потенциал (моральный дух) народа, когда в социальное целое сливаются общественные нравы и сознание отдельных людей как обладателей человеческой индивидуальности (народность – индивидуальность);
- духовно-нравственный потенциал государства (моральная сила, дух Отечества), когда во имя общих целей соединяются народное сознание, политическая воля государственных и общественных деятелей, личностные качества граждан (народность – государственность – гражданственность);
- духовно-нравственный потенциал личности (сила человеческого духа), когда в человеке его неповторимая индивидуальность, этническая и гражданская идентичность преломляются через самосознание и он становится личностью, т. е. способен

действовать самостоятельно, свободно, осознанно и относиться к жизни ответственно (индивидуальность – гражданственность – человеческое достоинство личности).

Культуроразвивающая роль морали непосредственно связана с реальной жизнедеятельностью, духовно-культурным развитием личности. На индивидуальном уровне содержание и значение общественных культурных ценностей преломляются через призму сугубо личных потребностей, чувств, стремлений, осознаются и принимаются либо критикуются и отвергаются, находят отражение в поступках, личностных качествах и жизненной позиции, в результате чего формируется культура личности.

Культура личности как внутренний источник актуализации социально значимой деятельности может быть рассмотрена в двух основных плоскостях – структурно-функциональной и ценностно-императивной. В структурно-функциональной плоскости личностная культура представляет собой органическое единство (синтез) потребностей, интересов, чувств, взглядов, ориентаций, убеждений, мотивов, поступков и других составляющих внутреннего мира человека, выступает итоговым результатом интериоризации и экстериоризации. В ценностно-императивной плоскости личностная культура целостно определяет степень отражения во внутреннем мире человека ценностей и требований, транслируемых обществом (социально-экономических, политических, правовых, религиозных, экологических, художественных и др.), а также функционирование внутриличностных механизмов саморегуляции (чувства стыда, здравомыслия, долга, совести, чести и др.).

В структуре личностной культуры совокупность моральных компонентов составляет духовно-нравственный потенциал человека, который является, с одной стороны, своеобразным стержнем (ядром), вокруг которого вращается и с которым взаимодействует весь арсенал ценностей, с другой – катализатором ценностно-ориентационных, мотивационно-волевых и поведенческих структур человеческой деятельности.

Культурно-исторические предпосылки становления духовно-нравственного потенциала белорусского народа

Формирование духовно-нравственного потенциала белорусского общества имеет глубокие исторические корни и насыщенную, противоречивую практику социально-политических отношений. Условно можно выделить два взаимосвязанных процесса, характеризующих создание духовно-нравственного потенциала белорусского общества:

1) этнокультурогенез народа и его включенность в общемировые тенденции социокультурного развития;

2) реальное обретение политического суверенитета, повышение роли государства в жизни социума (этатизация) и формирование гражданского общества.

В силу объективных и субъективных причин эти процессы значительно расходились между собой по времени. Первый процесс начался в лоне древнеславянского мира и продолжался в рамках различных государственных образований (Киевской Руси, Московского царства, Великого княжества

Литовского, Речи Посполитой, Российской империи), второй – был непосредственно связан сначала с провозглашением БССР (январь 1919 г.) и социально-экономическим и культурным развитием в составе СССР, затем с обретением политического суверенитета, образованием Республики Беларусь (август 1991 г.) и осуществлением целенаправленной государственной политики по развитию социально ориентированной экономики, формированию правового государства и гражданского общества.

В историко-культурном плане моральные элементы непосредственно включались в структуру традиционного общества, растворялись в субстанциональной природе народной жизни. На начальных этапах этногенеза доминировало массовое (общинное) начало в структурах общественного и индивидуального сознания, представления о мироздании и человеке, божественном и земном, добре и зле, красивом и безобразном существовали в синкретическом виде. В рамках языческой обрядности формировался и своеобразный свод моральных требований. «Славяне, как и другие народы на этой ступени развития, – отмечает Г. М. Филист, – привлекли природу для регулирования общественных отношений. Но у других народов такое регулирование осуществлялось на уровне запретов (табу). <...> А у славян оно в виде правил здравого смысла излагалось в поговорках, преданиях, приметах, позже – в сказках и мифах» [5, с. 47]. В рамках языческой традиции отражался не только здравый смысл в самоорганизации народной жизни, но и вечная мечта о народном счастье и доброй доле. Как пишет В. М. Конон, безымянные создатели народных сказок и песен, «увабраўшы ў сваю паэтычна ўражлівую, спагадлівую душу ўсе радасці, пакуты і трагічныя канфлікты свайго часу, да болю сэрца спасцігнуўшы, як *не трэба* жыць, далі нам у неўміручых творах краінаючы сваім драматызмам карціны непазбежнай пагібелі несправядлівага свету і бездухоўнасці. Разам з тым яны прыадчынілі дзверы ў свет гарманічнага, духоўна багатага жыцця, якое павінна быць» [6, с. 177].

Принятие христианства стало важным поворотным моментом в духовно-культурном развитии народов, приобщив их к универсальным гуманистическим идеям и общечеловеческим ценностям, способствуя их включению во всемирный исторический процесс. В истории белорусского народа начало осмысления универсализма христианских ценностей связывают с просветительской деятельностью Ефросинии Полоцкой. Дошедшие до нас сведения об ее моральном облике и культурно-просветительской работе выступают ярким свидетельством проявления личностного начала, обусловленного великой нравственной силой христианства.

Процесс распространения христианских ценностей на древнеславянских землях имел свою специфику, которая выражалась прежде всего в обра-

зовании такого феномена, как двоеверие, представлявшее собой своеобразный синтез христианства и язычества. Появление двоеверия было обусловлено социально-историческим развитием Киевской Руси, где отчетливо проявилось противоречие: с одной стороны, необходимость укрепления государственной власти с помощью христианства византийского образца, с другой – устойчивое сохранение в сознании народа языческих образов, мифов, обрядов и праздников.

Динамичное осуществление этногенеза белорусов приходится на период существования Великого княжества Литовского, с конца XIII до середины XVII в. Это не только способствовало консолидации территорий, на которых проживали белорусы, формированию их специфических лингвистических особенностей (языка), своеобразного образа жизни, но и создало объективные условия для межкультурного обмена, что, естественно, отразилось на формировании менталитета белорусов, усилив в нем элементы общечеловеческого плана.

Значительное распространение на территории ВКЛ получили идеи Возрождения и Реформации с характерными для них моральными представлениями. В творчестве таких отечественных мыслителей, как Франциск Скорина, Николай Гусовский, Михалон Литвин, Сымон Будный, Андрей Волан, Бенеш Будный, Фауст Социн, отчетливо прослеживается стремление гармонично связать в единое целое традиционные представления о должном и гуманистические идеи. Так, анализируя философское творчество Ф. Скорины, С. А. Подокшин пишет: «У сваім этычным вучэнні Скарына зрабіў спробу злучыць сузіральную візантыйска-праваслаўную парадыгму зямнога жыцця з заходнееўрапейскім ідэалам духоўнай і сацыяльнай актыўнасці, адраджаючы тым самым цэласнасць хрысціянска-гуманістычнага вучэння аб прадвызначэнні чалавека» [7, с. 35]. Деятельность Ф. Скорины по книгопечатанию, изданию библейских текстов на родном языке и с комментариями способствовала проникновению идей христианства в массовое сознание: «...тым самым Скарына імкнуўся абгрунтаваць права дэмакратычнага чытача на свабоднае вывучэнне Бібліі, сцвярджаючы, па сутнасці, рэфармацыйна-гуманістычны асобны прынцып адносін чалавека да веры» [7, с. 30]. Реформация укоренила в общественную жизнь ВКЛ идеи веротерпимости и толерантности, которые нашли отражение в ряде государственных документов.

Исторический процесс становления национального сознания белорусского народа существенно осложнялся по политическим причинам. Белорусские земли не раз становились полем военных сражений, были разорены, разграблены. Такая ситуация отрицательным образом сказалась на демографическом состоянии, социально-экономическом и духовно-культурном развитии белорусского народа,

не говоря уже о возможности оформления своей национальной религии, обретения национальной государственности. На длительный период белорусы оказались в жесточайших рамках политической, экономической и духовной зависимости сначала от Речи Посполитой, затем от Российской империи. В этот исторический период в формировании менталитета белорусов отчетливо проявились две тенденции: с одной стороны, проводимая со стороны господствующих классов политика экономического угнетения и насильственного принуждения в вопросах религиозной веры и языка способствовала нивелированию собственно белорусских духовно-культурных особенностей, с другой – постепенно набирающий силу процесс национально-культурной идентификации и отстаивания своих прав в противовес существующему социально-политическому гнету становился важнейшим фактором возрождения и дальнейшего развития самосознания белорусского народа.

Сложнейшие социально-экономические и политические обстоятельства, выпавшие на долю белорусского народа, не могли не сказаться на его духовно-нравственном состоянии, лишая отдельных его представителей ощущения личного достоинства, духовной свободы, но в то же время стимулируя проявление лучших моральных качеств. В первом случае наглядным подтверждением может быть описание мужика, изображенного на литографии «Славянский невольник», которая издана А. Мицкевичем и описана А. Герценом: «Белорусский мужик без шапки, обезумевший от страха, нужды и тяжелой работы, руки за поясом, стоит середь поля и как-то косо и безнадежно смотрит вниз» [8, с. 238]. Во втором случае проявление чувства собственного человеческого достоинства отчетливо звучит в получившем широкое распространение в народном сознании призыве: «Людзьмі звацца».

Сильнейшим импульсом для роста национального самосознания белорусского народа во второй половине XIX – начале XX в. стал процесс демократизации общественной жизни, получивший название эпохи национального возрождения. Для белорусского народа эта эпоха связана с такими общественными и культурными деятелями, как Кастусь Калиновский, Франциск Богушевич, Адам Гуринович, Алоиза Пашкевич, Янка Купала, Якуб Колас, Максим Богданович, Максим Горецкий и др. Как отмечает А. С. Майхрович, в социально-моральном плане белорусское демократическое движение опиралось,

с одной стороны, «на достаточно широкий содержательный объем выработанных ранее нравственных представлений, прежде всего в русле христианской доктрины» (К. Калиновский, Ф. Богушевич), с другой – на принципы трудовой этики, которая являлась по существу «утилитарной, крестьянской, связанной с идеями живорождения и животворения и бережного отношения ко всему живому, а также с осознанием своей фундаментальной роли в жизни общества как кормителя» [9, с. 127]. В истоках народной жизни усматривались образцы истинности, подлинности и справедливости человеческого существования, что весьма существенно идеализировало всю систему духовно-нравственных представлений.

В советский период для белорусов открылись широкие возможности для развития национального самосознания и образования белорусской государственности на базе идеи социалистического общественного устройства. Влияние передовых научно-технических и культурных достижений, развитие системы народного образования и просвещения, появление национальной литературы и искусства и, конечно же, созидательный труд на благо общества, героическая борьба с иноземными захватчиками, дружба народов – эти факторы заметно обогатили менталитет белорусов. Устойчивую реализацию в сознании и поведении людей получили принципы патриотизма, коллективизма, интернационализма, гуманизма, что существенно препятствовало распространению сугубо националистических настроений и ориентаций в общественном сознании [10].

Таким образом, одной из основных детерминант исторического развития духовно-нравственного потенциала белорусского народа являются пересечение и взаимодействие традиционных, универсальных и инновационных ценностей. Это было связано с трансформациями религиозного сознания, в структурах которого с принятием христианства и его распространением значительно усиливался общечеловеческий компонент, способствовавший расшатыванию общественных нравов и формированию собственной жизненной позиции индивидов. Кроме того, по мере становления национального самосознания народа и связанных с ним новаций значительно возрастал диапазон проявления личностной природы человека, его свободного и творческого отношения к жизни, что в той или иной мере вело к качественным изменениям уклада народной жизни, а также к деятельности за утверждение национальной государственности.

Социально-моральные риски в развитии белорусской государственности

В ходе советской истории наряду с масштабными экономическими, научно-техническими и культурными достижениями имели место и со временем существенно обострились различного рода соци-

ально-политические, в том числе морально-политические, противоречия. Так, отчетливо стало проявляться противоречие между социалистической формой общественной морали, опирающейся на

партийно-идеологические установки, и реальной жизнью людей, сопряженной с различными морально-психологическими проблемами, которые были обусловлены кризисными явлениями и бытовыми трудностями. На практике все чаще приходилось сталкиваться либо с явно выраженной конформистской позицией, в основе которой лежали формальное усвоение моральных норм, приверженность стереотипам, пассивность, приспособленчество, либо с отклоняющимися формами поведения, когда открыто нарушались нормы социалистической законности и нравственности.

Отдельно следует сказать о деформировании морального сознания и девиантном поведении среди представителей руководящего состава. Длительное время считалось, что моральный компонент должен изначально быть присущим облику советского руководителя (понятие «моральная устойчивость» не требовало особых расшифровок), приоритет безоговорочно отдавался их идейно-политическим убеждениям и деловым качествам. В условиях командно-административной системы получили распространение такие явления, как коррупция, злоупотребление служебным положением, чванство, показная деловитость, лицемерие, подхалимство, «очковтирательство», стяжательство, грубость в обращении с подчиненными. В действительности все более усугублялось состояние морального сознания руководящей элиты, что в конце концов дестабилизировало советскую общественную систему. «Власть переживает кризис, – пишет А. Н. Данилов, – не только тогда, когда кризис переживает общество, власть переживает кризис, как правило, когда общество еще стоит накануне испытаний» [11, с. 176].

В этих условиях мораль все более отдалялась, абстрагировалась от реальной жизни, не выполняла в должной мере свои регулятивные и воспитательные функции. Активно пропагандировался официально принятый и идеологически оформленный кодекс моральных принципов и норм, основанный на идеях социальной справедливости, равенства, коллективизма, гуманизма, но усилиями той же пропагандистской машины он все более отчуждался от насущных проблем людей. Командно-административная система управления не смогла сама и не позволяла другим субъектам критически переосмыслить накопленный нравственный опыт и на основе этого выработать эффективные механизмы регулирования и саморегулирования. Данное обстоятельство неизбежно повлекло за собой снижение уровня индивидуального освоения морали, ослабление ее роли в налаживании межличностных связей и социально-групповых отношений [4, с. 242–243].

В контексте социально-политического кризиса, поразившего советское общество, показательными являются результаты социологического исследования «Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя» (2005). К числу негативных факторов респонденты

отнесли утрату стабильности (на это указали 57 % опрошенных), падение морали (50 %), утрату чувства защищенности, уверенности в завтрашнем дне (50 %), ослабление порядка в стране (44 %), нарастающие межнациональные конфликты (30 %) [12, с. 30]. Эти и многие другие эмпирические материалы могут служить подтверждением тезиса о том, что существенную, хотя и незаметную на первый взгляд роль в разрушении советской системы сыграл именно морально-психологический фактор.

Современное состояние белорусского общества теснейшим образом связано с общемировыми трансформационными процессами, что непосредственно сопряжено и с различного рода социально-моральными рисками. Следует подчеркнуть, что применительно к белорусскому обществу существенно усиливается степень их проявления.

В социально-экономическом плане данные риски связаны с совпадением по времени процесса погружения во вторую волну капитализации и процесса вступления на путь информационного развития, что, соответственно, сопряжено как с разрастанием деформаций и деструкций, обусловленных отчужденной природой труда и социально-имущественным расслоением, так и с поиском альтернативных этому форм и способов социального взаимодействия.

Курс на развитие социально ориентированной экономики, проводимая политика государственного регулирования, освоение и внедрение новых технологий – все это направлено на преодоление в Беларуси негативных последствий «дикого рынка», динамизацию хозяйственной жизни. Сегодня очевидно, что введение рыночных механизмов должно быть не стихийным, а цивилизованным процессом, который предполагает развитие духовно-нравственных отношений, способствующих обогащению внутреннего мира человека, а следовательно, и более эффективной и плодотворной реализации его в качестве субъекта производственной и креативной деятельности.

В социально-политическом плане риски связаны с переходом от ситуации постсоветской деидеологизации к созданию новой идеологической платформы, в структуре которой устанавливается приоритет административно-правовых компонентов, но в то же время имеет место слепое, упрощенное воспроизведение этнонациональных представлений и обычаев, чреватое возможным пробуждением явно выраженных националистических настроений. В связи с этим следует отметить, что в настоящее время содержательно изменяется понятие «национальное». История XX в. показала, что в структурах национального сознания содержится источник вражды, конфликтности, противостояния. Быстро и незаметно происходит переход от национального к националистическому со всеми вытекающими отсюда негативными в человеческом плане последствиями. На современном этапе термин

«национальное» во внутривополитическом смысле все чаще ассоциируется уже не столько с этнической принадлежностью отдельного человека, сколько с его гражданством, принадлежностью к государству, в котором проживают люди различных этносов и национальностей, а во внешнеполитическом смысле связывается с названием той или иной страны как субъекта международной деятельности, обладающего отличительными свойствами геополитического и социально-культурного характера.

В социально-культурном плане риски представляют собой явно выраженное противоречие между массовым и личностным началами в сознании человека. С одной стороны, массовое начало, как ментальная, консервативная по своей природе структура, достаточно быстро и легко приспособилось к изменившимся обстоятельствам (поэтому произошло довольно быстрое переключение на традиционные религиозные ценности), что обусловило всплеск религиозности, с другой – новая реальность, связанная как с утверждением рыночных отношений, так и с развитием инновационных процессов, выводит на передний план принцип индивидуализма во всех его позитивных и негативных проявлениях.

Развитие новейших информационных технологий значительно расширяет пространство коммуникационных связей между различными субъектами, но в то же время серьезно усиливает формальный характер их взаимоотношений, существенно сокращает сферу реального, живого общения между людьми, получает распространение деперсонализация человеческих отношений. Открывающиеся огромные возможности виртуального мира сопровождаются чрезмерной перегрузкой интеллекта индивида и явно ограниченными возможностями для развития его нравственных чувств и представлений. Весьма проблематичной в духовно-нравственном отношении представляется сегодня деятельность СМИ. Здесь отчетливо наблюдается ориентация на зрелищность и развлечения, удовлетворение примитивных потребностей индивидов, в результате чего пошлость, насилие, моральная распушенность, мещанский образ жизни навязчиво заполняют эфир и открыто демонстрируются на страницах прессы. Складывается впечатление, что рассмотрение духовно-нравственной тематики связывается преимущественно с пропагандой религии и освещением деятельности различных конфессий. Расширение информационно-коммуникационного пространства практически оставляет без внимания духовно-нрав-

ственные проблемы. Поэтому научное обоснование, поиск оптимальных и эффективных путей целенаправленного воздействия на формирование морального сознания человека приобретают сегодня огромную как личностную, так и социальную значимость.

Деформации морального сознания, нестабильность социально-нравственных отношений наиболее отчетливо проявляются в разного рода социальных девиациях. Наряду с социальными детерминантами отклоняющегося поведения весьма существенно выделяются и причины личностного характера: низкий уровень индивидуальных духовных запросов и целей, преобладание эгоистической, корыстно-потребительской жизненной позиции. По мнению Н. А. Барановского, комплексное взаимодействие «социальных и личностных причин порождает в современном белорусском обществе массовую социокультурную аномию (противоречивость и конфликтность нравственных, правовых и других социальных норм, их несоблюдение, “пробельность” и т. д.), а также высокую степень деструктивности в системе межличностных, групповых и социально-институциональных отношений» [13, с. 466–467]. Следует отметить, что масштабы распространения и отрицательные последствия различных моральных деформаций и видов девиантного поведения уже достигли критической черты. Очевидным становится то, что игнорирование острых социально-нравственных проблем, бездействие в этом отношении представляют собой серьезную угрозу национальной безопасности.

Таким образом, в белорусском обществе, находящемся в состоянии транзитивности, отчетливо обнаруживает себя основное противоречие: между старым, в виде материально-технических возможностей индустриализма и его негативных социогуманитарных последствий, и новым, в виде социально-культурных перспектив, связанных со вступлением на путь информационного развития. Особенно остро и болезненно это противоречие проявляется в сфере социально-моральных отношений, где, с одной стороны, наблюдаются расшатывание традиционных социальных и моральных устоев, снижение степени гражданской активности, возрастание в массовом сознании настроений отчаяния, безысходности, разочарованности и иных психологических реакций, с другой – начинает осознаваться необходимость и исключительная важность духовно-нравственного потенциала личности как решающего фактора качественного преобразования социума.

Проблемы личностной самореализации и мировоззренческого выбора в контексте национальной безопасности

Отличительной особенностью современных общественных трансформаций является возрастание роли личности как субъекта социально-нравственных отношений. «Личностное возвышение челове-

ка, – отмечает Е. М. Бабосов, – неразрывно связано с качественными изменениями ядра личностной самоидентификации, основными компонентами которой являются сознание, креативность мышле-

ния и действия и система ценностных ориентаций, воплощенных в практических проявлениях нравственности» [14, с. 364].

С позиции национальной безопасности следует отметить, что в интеллектуальной и духовно-нравственных сферах различного рода угрозы, постепенно накапливаясь, способны превратиться в мощную силу, выходящую за пределы внутреннего мира человека, и стать серьезной опасностью как для его жизни, так и для функционирования различных общественных институтов. К внутренним угрозам на личностном уровне следует отнести неразвитость индивидуальных чувств и интеллектуальных способностей, нездоровые амбиции, неадекватность оценок и самооценок, деформации жизненных ориентаций, ведущие подчас к полной личностной деградации. В качестве внешних угроз выступают различного рода идеологические и психологические вторжения в индивидуальное сознание в целях дезориентации, расшатывания и разрушения смысловых установок и нравственных ориентаций. В настоящее время действия подобного рода предпринимаются через определенные сетевые структуры, способствуя распространению моральной распущенности и бездуховности, а также через новые религиозные организации (неокульты), которые осуществляют целенаправленные атаки на духовный мир личности.

О сложной, неоднозначной ситуации в духовно-нравственной сфере свидетельствуют результаты социологических исследований, проведенных в Беларуси. Так, среди личностных качеств, которые востребованы в современной жизни, респонденты называют трудолюбие (на это указали 84,0 % опрошенных), образованность (79,2 %), творчество (76,1 %), честность (75,0 %), независимость (57,3 %), но в то же время угодничество начальству (78,5 %), умение обходить закон (51,3 %), эгоизм (49,5 %), корыстолюбие (45,0 %). Это, по мнению С. А. Шавеля, свидетельствует о том, что «в общественном сознании происходят не просто некоторые подвижки, а настоящие флуктуации, перестраивающие нравственные критерии в пользу прагматико-приспособительского свойства» [15, с. 351–352].

Одним из важных социально-моральных показателей является сознание молодого поколения. На основании данных социологического опроса учащейся молодежи отметим несколько характерных особенностей моральной регуляции в молодежной среде².

Кризисные явления в системе социальных отношений заметно расстроили функционирование традиционных механизмов моральной регуляции

на общественном уровне, что находит выражение в так называемом падении нравов. Эта проблема сегодня волнует уже не только представителей старшего поколения. Молодые люди отмечают, что наряду с проблемами социально-экономического характера их больше всего волнует падение уровня нравственности – на это указали 25,5 % респондентов. Причем, чем выше образовательный уровень респондентов, тем заметнее тревога относительно этой позиции: проблема падения нравов беспокоит 40,8 % юристов, 30,7 % студентов учреждений высшего образования, 21,1 % учащихся средних специальных учебных заведений, 10,6 % учащихся профессионально-технических учебных заведений. Также опрос показал, что нравственная проблематика обходит по актуальности экологические проблемы (18,1 %), а также вопрос расслоения общества на богатых и бедных (20,2 %).

Результаты социологического опроса выявили весьма интересную тенденцию в плане проявления ценностных ориентаций на уровне личностной регуляции. Так, отвечая на вопрос: «Какие цели Вы преследуете в жизни?», большинство (64,8 %) респондентов на 1-е место поставили стремление «быть самим собой, не поддаваться влиянию других людей, обстоятельству». Данной позиции придерживаются 72,3 % юристов, 62,1 % студентов учреждений высшего образования, 69 % учащихся средних специальных учебных заведений, 56,3 % учащихся профессионально-технических учебных заведений. Эти данные весьма убедительно свидетельствуют о том, что молодые люди большое значение придают такому механизму жизнедеятельности, как саморегуляция. Далее отмеченные респондентами целевые установки ранжируются следующим образом: на 2-м месте находится утверждение «стать хорошим семьянином, дать достойное воспитание детям» (это отметили 64,1 % опрошенных), на 3-м – «быть хорошим другом, верным товарищем» (54,7 %), на 4-м – «стать профессионалом в своей сфере деятельности» (52 %), на 5-м – «сделать карьеру, занять высокое положение в обществе» (47,8 %), на 6-м – «стать ответственным человеком, у которого слово не расходится с делом» (37,4 %), на 7-м – «стать богатым человеком, научиться зарабатывать деньги» (33,4 %), на 8-м – «быть верным общественному долгу» (20,2 %). Следовательно, преобладают ориентации на достойную самореализацию в семейно-бытовой и профессионально-деловой сферах, т. е. в ближайшем социальном окружении.

Среди негативных целевых установок мнения респондентов выглядят следующим образом: 26,2 %

²Социологическое исследование «Нравственно-правовая культура молодежи как фактор противодействия социальным девиациям в условиях инновационного развития белорусского общества» (проект БРФФИ № Г110Б-097(3), руководитель – О. Г. Лукашова, исполнитель – О. А. Павловская). Эмпирическая база исследования – анкетный опрос среди студентов учреждений высшего образования (в том числе будущих юристов) и учащихся учреждений профессионального образования (среднего специального и профессионально-технического).

опрошенных считают для себя приемлемым «научиться приспосабливаться к обстоятельствам», 19,3 % – «добиваться своих целей любой ценой, поступать так, как мне выгодно», 11,9 % – «работать не напрягаясь, с прохладцей, но с выгодой для себя». Оценивая эти показатели, необходимо соотносить их с реальной кризисной ситуацией в сфере социальных отношений. Явно выраженная эгоистическая направленность этих позиций у части молодых людей может быть расценена как индивидуально-психологическая реакция самозащиты и самосохранения, а не как осознанное противодействие общественно-политическим действиям. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в условиях современных трансформаций молодые люди, реализуя жизненные планы, предпочитают значительную долю усилий возлагать на самих себя, о чем свидетельствует достаточная высокая оценка, с одной стороны, самостоятельности (на что указали 40,8 % опрошенных), с другой – ловкости и хитрости (40,6 %) как личностных качеств [4, с. 275–277].

Как известно, культурная политика в советском государстве осуществлялась на светской основе. Это способствовало усилению элементов свободомыслия и атеизма в ментальных структурах. Религиозные доктрины, в том числе христианская, были, по существу, исключены из сферы официально признанной духовно-культурной деятельности. Но в народной памяти сохранилась приверженность христианским традициям, которая в дальнейшем дала новый импульс развитию религиозно-нравственных отношений.

На законодательном уровне в Республике Беларусь получают последовательное развитие традиции светского государства и светской системы образования, но при этом особо подчеркивается необходимость неукоснительного соблюдения права на свободу совести и вероисповедания, уважительного отношения к религиозному/нерелигиозному выбору личностью своей мировоззренческой позиции.

Согласно социологическим данным роль религии в условиях социального кризиса респонденты (независимо от типа мировоззрения) связывают преимущественно с ее нравственно-регулятивной функцией. Среди представителей традиционных религий значение своей конфессии непосредственно связывают с реализацией духовных потребностей человека 79,0 % опрошенных, с нравственными проблемами и потребностями человека – 64,7 %, с семейными проблемами – 45,3 %, с актуальными социальными проблемами – 30,2 % респондентов. «Восстановленные религиозные смыслы заполнили мировоззренческий и ценностный вакуум пе-

риода масштабных общественных трансформаций, то есть были использованы как средства быстрого спасения. <...> Религия сохраняет компенсаторные функции мировоззренческого ориентира и ресурса жизненных сил» [16, с. 59–60].

Серьезную опасность для духовно-нравственного развития личности представляет деятельность нетрадиционных религиозных организаций (неокультов). По мнению Е. С. Прокошиной, «неокультурная идеология в ее моральных установках вопреки многообещающим рекламным декларациям не только не помогает укреплению нравственности в обществе или совершенствованию человека, но размывает содержание привычных нравственных понятий» [17, с. 18]. В идеологии и практике неокультов предлагаются различные «суперновые» психологические технологии воздействия на человека в целях совершенствования его духовного мира, устранения тех или иных личных жизненных проблем, которые по своей сути являются не иначе как сугубо субъективным выражением взглядов основателей этих организаций, резкой критикой традиционных религиозных верований, сознательным искажением представлений о природе духовной жизни человека и общества.

Такого рода деятельность неокультов представляет серьезную угрозу национальной безопасности, физическому и моральному здоровью личности. В Законе Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» (ст. 23) особо выделяются юридические основы по запрещению религиозных организаций, если их деятельность направлена против суверенитета республики, конституционного строя и гражданского согласия, на пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной, расовой вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства; сопряжена с нарушением прав, свобод и законных интересов граждан, а также препятствует исполнению гражданами их государственных, общественных, семейных обязанностей или причиняет вред их здоровью и нравственности³.

В целях обеспечения национальной безопасности важно не только зафиксировать кризисное состояние, обозначить проблемные зоны, выявить причины деформаций, но и определить имеющийся в обществе позитивный духовно-нравственный потенциал, который может стать исходной базой для последующей деятельности по моральному оздоровлению и духовному возрождению. В современном белорусском обществе в качестве такого потенциала могут выступать следующие элементы:

- духовно-культурное наследие белорусского народа, в исторической памяти которого сохранились

³Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» [Электронный ресурс]. URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_svobode_sovesti_i_religioznyh_organizatsiyah.htm (дата обращения: 17.11.2021).

как национально-культурные традиции, так и общечеловеческие ценности, возвышающие и обогащающие личность;

- достижения в реализации государственных программ по развитию социально ориентированной экономики, разработке и внедрению научных достижений и новейших технологий, осуществлению социальных и культурных проектов, которые непосредственно улучшают условия жизни людей, а следовательно, оказывают положительное воздействие на их морально-психологическое состояние;

- сформированный еще в советские годы духовно-нравственный потенциал нескольких поколений людей, в содержании которого, несмотря на кризисные периоды, сохранились общечеловеческие нравственные ценности, устойчивые жизненные принципы и моральные качества;

- находящийся в стадии активного формирования духовно-нравственный потенциал молодого поколения, который хотя и не отличается еще

определенной устойчивостью, но имеет мощный внутренний заряд на самореализацию в социальной сфере [4, с. 257].

Таким образом, в контексте современных вызовов, угроз и социальных преобразований значительную актуальность приобретают проблемы духовно-нравственного развития человека и общества как необходимого условия обеспечения национальной безопасности. При этом их решение не может быть связано только с попытками возрождения религиозности, оно должно носить системный и целенаправленный характер. Деятельность государства и общественных институтов в этом направлении должна стать серьезной базой для личностного развития человека, формирования его нравственно-правовой культуры, согласованного действия механизмов правовой и моральной регуляции, эффективной образовательно-воспитательной деятельности, оздоровления общественных нравов, преодоления и профилактики социальных девиаций.

Заключение

Качественные изменения в духовно-нравственной жизни Беларуси как в историческом прошлом, так и в наши дни осуществляются в русле общемировых тенденций социокультурного развития. Среди ведущих аспектов этого процесса следует назвать соотношение традиционных, универсальных и инновационных ценностей, их степень развития, масштаб пересечения и характер взаимодействия.

Проявление духовно-нравственного потенциала белорусского народа в ходе истории имеет свою специфику: во-первых, в ментальных и поведенческих структурах преобладает традиционность, что обусловлено, по всей видимости, выпавшими на долю белорусов тяжелейшими жизненными испытаниями, выдержать которые помогали как инстинкт самосохранения, так и чувство общинной солидарности; во-вторых, несмотря на сложнейшие перипетии исторической судьбы, в народном самосознании доминировали миролюбие и добрососедство, трудолюбие и добросовестность, доброжелательность и отзывчивость, толерантность и веротерпимость и другие общечеловеческие моральные черты, которые носят универсальный характер и составляют основу гуманистического отношения к жизни; в-третьих, и традиционность, и универсальность выступают фундаментом для конструктивного и безопасного проявления личностного фактора как инновационной силы в ходе современных социальных трансформаций.

В контексте обеспечения национальной безопасности важно учитывать специфические особенности проявления морального фактора. Уникальность

морали обусловлена ее онтологической природой: несмотря на происходящие социальные и природные катаклизмы, естественным путем (хотя и весьма медленно) могут запускаться механизмы самосохранения и самовоспроизведения человеческой жизни как таковой, усиливаться потребность в оздоровлении общественных нравов. Социально-регулятивный и культуросозидательный потенциалы морали формируются и раскрываются посредством упрочения взаимосвязи и взаимообогащения духовной культуры общества и личностной культуры человека.

В центре национальной безопасности должен находиться человек не только как объект, который необходимо защищать от различного рода угроз, но и как субъект обеспечения своей личной, семейной, национальной безопасности. Такой подход позволяет не абстрактно, голословно рассуждать о моральных проблемах, а выявлять болевые точки, внутренние резервы, целенаправленно влиять на разрешение социально-психологических противоречий. Причем появляется реальная возможность активно вовлекать в этот процесс самого человека как гражданина, используя его творческий потенциал, повышая меру его личной ответственности. Поэтому одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности является работа по гражданско-правовому и нравственному воспитанию подрастающего поколения, профилактике девиантного поведения в молодежной среде. В комплексе соответствующих мероприятий и действий в качестве решающего фактора может и должна

статья культура личности, посредством которой и самоконтроля, формируется осознанное и ответ-
приводятся в активное состояние духовные силы ственное отношение человека к своей личной жиз-
человека, включаются механизмы саморегуляции ни и жизни общества.

Библиографические ссылки

1. Зеленков АИ. Блеск и нищета глобализации. *Философия и социальные науки*. 2013;3(4):4–12.
2. Тощенко ЖТ. Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии). *Полис. Политические исследования*. 2017;1:70–84.
3. Данилов АН. Новые геополитические реалии будущей цивилизации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;4:4–12.
4. Павловская ОА. *Мораль в транзитивном обществе: социально-философский подход*. Минск: Беларуская навука; 2021. 308 с.
5. Филист ГМ. *Введение христианства на Руси: предпосылки, обстоятельства, последствия*. Минск: Беларусь; 1988. 253 с.
6. Конан У. *Ля вытокаў самапазнання: станаўленне духоўных каштоўнасцей у святле фальклору*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1989. 238 с.
7. Падокшын СА. *Этычная думка ў культуры Беларусі XVI–XVII стст.* Мінск: Беларуская навука; 2004. 151 с.
8. Герцен АИ. *Избранные философские произведения. Том 2*. Ленинград: Госполитиздат; 1948. 366 с.
9. Майхрович АС. *Становление нравственного сознания. Из истории духовной культуры Беларуси*. Минск: Беларускі кнігазбор; 1997. 206 с.
10. Павловская ОА, Лаптёнок АС, Винокурова СП, Степаненко НА. Национальное этическое знание в контексте социально-исторического развития Беларуси. *Философские исследования*. 2017;4:226–245.
11. Данилов АН. *Социология власти: теория и практика глобализма*. Минск: Университетское; 2001. 447 с.
12. Горшков М, Петухов В. Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя. *Социологические исследования*. 2005;9:23–34.
13. Евелькин ГМ, редактор. *Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси: социологический анализ*. Минск: Беларуская навука; 2006. 496 с.
14. Бабосов ЕМ. *Человекомерность социальных систем*. Минск: Беларуская навука; 2015. 392 с.
15. Шавель СА. *Перспективы развития социума*. Минск: Беларуская навука; 2015. 507 с.
16. Карасева СГ, Шкурова ЕВ, Шатравский СИ. Значимость религии в белорусском обществе: оценка верующих. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018;2:49–70.
17. Прокошина ЕС, Кутузова НА, Короткая ТП, Рекуц ИФ, Малишевский НН. *Неокульты: идеология и практика*. Минск: Четыре четверти; 2005. 200 с.

References

1. Zelenkov AI. The splendors and miseries of globalisation. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 2013;3(4):4–12. Russian.
2. Toshchenko ZhT. Trauma of society: between evolution and revolution (invitation to discussion). *Polis. Political studies*. 2017;1:70–84. Russian.
3. Danilov AN. New geopolitical realities of the future civilisation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;4:4–12. Russian.
4. Pavlovskaya OA. *Moral' v tranzitivnom obshchestve: sotsial'no-filosofskii podkhod* [Morality in a transitive society: socio-philosophical approach]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2021. 308 p. Russian.
5. Filist GM. *Vvedenie khristianstva na Rusi: predposylki, obstoyatel'stva, posledstviya* [Introduction of Christianity in Russia: preconditions, circumstances, consequences]. Minsk: Belarus; 1988. 253 p. Russian.
6. Konan U. *Lja vytokaw samapaznannja: stanawlenne duhownyh kashtownascej u svjatle fal'kloru* [At the origins of self-knowledge: the formation of spiritual values in the light of folklore]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1989. 238 p. Belarusian.
7. Padokshyn SA. *Jetychnaja dumka w kul'tury Belarusi XVI–XVII stst.* [Ethical thought in the culture of Belarus 16th–17th centuries]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2004. 151 p. Belarusian.
8. Gertsen AI. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 2* [Selected philosophical works. Volume 2]. Leningrad: Gospolitizdat; 1948. 366 p. Russian.
9. Maikhrovich AS. *Stanovlenie nravstvennogo soznaniya. Iz istorii dukhovnoi kul'tury Belarusi* [Formation of moral consciousness. From the history of the spiritual culture of Belarus]. Minsk: Belaruski knigazbor; 1997. 206 p. Russian.
10. Pavlovskaya OA, Laptenok AS, Vinokurova SP, Stepanenko NA. *Natsional'noe eticheskoe znanie v kontekste sotsial'no-istoricheskogo razvitiya Belarusi* [National ethical knowledge in the context of the socio-historical development of Belarus]. *Filosofskie issledovaniya*. 2017;4:226–245. Russian.
11. Danilov AN. *Sotsiologiya vlasti: teoriya i praktika globalizma* [Sociology of power: theory and practice of globalism]. Minsk: Universitetskoe; 2001. 447 p. Russian.
12. Gorshkov M, Petukhov V. Perestroika through the eyes of Russians: 20 years later. *Sociological Research*. 2005;9:23–34. Russian.
13. Evelkin GM, editor. *Sotsial'nye i sotsiokul'turnye protsessy v sovremennoi Belarusi: sotsiologicheskii analiz* [Social and socio-cultural processes in modern Belarus: sociological analysis]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2006. 496 p. Russian.
14. Babosov EM. *Chelovekomernost' sotsial'nykh sistem* [Human dimension of social systems]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. 392 p. Russian.

15. Shavel' SA. *Perspektivy razvitiya sotsiuma* [Prospects for the development of society]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. 507 p. Russian.
16. Karassyova SG, Shkurova EV, Shatrauski SI. Importance of religion in the Belarusian society based on the believers' assessments. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018;2:49–70. Russian. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.03.
17. Prokoshina ES, Kutuzova NA, Korotkaya TP, Rekuts IF, Malishevskii NN. *Neokul'ty: ideologiya i praktika* [Neocults: ideology and practice]. Minsk: Chetyre chetverti; 2005. 200 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 27.02.2022.
Received by editorial board 27.02.2022.

УДК 001.323

ЗАМАЛЧИВАНИЕ КАК СПОСОБ ДЕКОММУНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

В. Ф. БЕРКОВ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Минск, Беларусь

Исследуется феномен замалчивания как способ декоммунизации современного отечественного обществоведения. В качестве дефиниции термина «замалчивание» предлагается рассматривать осуществление устремлений, позволяющих преднамеренным молчанием скрыть, не дать узнать о чем-нибудь (толкование, представленное в лексикографическом словаре С. И. Ожегова). Показано, что замалчивание философии марксизма как методологии исследования социальных процессов привело к пагубным последствиям, особенно с учетом того обстоятельства, что на смену этой философии пришел давно изживший себя позитивизм. Отмечается, что при господстве такой «передовой» методологии современное отечественное обществоведение оказалось в глубоком кризисе. Фактически перестала быть обязательной установка на познание глубинных причинно-следственных связей, соотношения сущности и явлений, необходимости и случайности, возможности и действительности и т. д. Получили опасное хождение методологические подходы, претендующие на внесубъектное (объективистское) изображение реальности. Показано, что замалчивание стало способом декоммунизации предметно-практических сторон и уровней обществоведения. В связи с этим подлежит обсуждению крайне бедное использование информационных богатств, позволяющих полнообразно говорить о деятельности Коммунистической партии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Подчеркивается исключительно важное значение объективного и полного освещения истории ВКП(б) и КПБ в воспитании молодежи в духе патриотизма, разоблачении переписываний истории западными проводниками декоммунизации, решении назревших проблем воспрепятствования умалению коммунистической идеологии, отстранению от нее и тем самым усилению буржуазной идеологии.

Ключевые слова: замалчивание; декоммунизация; современное отечественное обществоведение; марксистская методология; позитивизм; Коммунистическая партия Белоруссии.

SILENCING AS A WAY TO DE-COMMUNISE CONTEMPORARY DOMESTIC SOCIAL SCIENCE

V. F. BERKOV^a

^aIndependent researcher, Minsk, Belarus

The idea is to consider the phenomenon of silencing as a way of decommunisation of modern Russian social science. The term «silencing» is absent in the methodological literature, so as a working definition is proposed to use the interpretation, which is given in the lexicographical dictionary S. I. Ozhegov, – as the implementation of aspirations, allowing by deliberate silence to hide, not to let know about something. The task is twofold: firstly, to present silence as a way to decommunicate the philosophical and methodological basis of modern domestic social science; second, to consider the use of this action on its subject-practical level. In the first case, it is proposed to demonstrate the fact that the silencing of the philosophy of Marxism as a methodology for studying social processes has had detrimental consequences, especially given the fact that this philosophy has been replaced by positivism (in the forms of postmodernism, poststructuralism, deconstructivism, etc.) which

Образец цитирования:

Берков ВФ. Замалчивание как способ декоммунизации современного отечественного обществоведения. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;1:64–70.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-64-70>

For citation:

Berkov VF. Silencing as a way to de-communise contemporary domestic social science. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;1:64–70. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-64-70>

Автор:

Владимир Федотович Берков – доктор философских наук, профессор.

Author:

Vladimir F. Berkov, doctor of science (philosophy), full professor.
vlad-berkov@yandex.ru

has long since become obsolete. Under the predominance of such «advanced» methodology, modern Russian social science and its branches have found themselves in a fundamental crisis. In fact, the attitude to cognition of deep cause-and-effect relations, correlation of essence and phenomena, necessity and contingency, possibility and reality and other is no longer obligatory. Methodological approaches that aspire to a non-subjective (objectivist) representation of reality have become dangerously popular. Secondly, by design, is to show that silencing has become a way of de-communising the subject-practical sides and levels of social science. In this connection, we should condemn the extremely poor use of information riches allowing to talk about the activity of the Communist Party of Belarus during the Great Patriotic War in various spheres of social life (in the educational process, in educational and propaganda work, in the training of scientific-pedagogical personnel). The exceptional importance of objective and full coverage of Communist Party history (the All-Union Communist Party of Bolsheviks and its part) for educating young people in the spirit of patriotism, for exposing the rewriting of history by Western proponents of de-communisation, for solving the urgent problems of preventing the reduction of Communist ideology, its withdrawal from it and thus strengthening the bourgeois (liberal, in the current terminology) ideology, should be emphasised.

Keywords: silencing; de-communisation; modern domestic social science; Marxist methodology; positivism; Communist Party of Belarus.

Введение

Термин «замалчивание» отсутствует в современной методологической литературе. Поэтому на начальной стадии его толкования допустимо взять за основу лексикографическое определение, данное С. И. Ожеговым и подразумевающее устремление к тому, чтобы «преднамеренным молчанием скрыть, не дать узнать о чем-нибудь» [1, с. 183]. В ряде случаев замалчивание сопровождается такими софистическими приемами, как просеивание и подтасовка фактов, информационные шумы, использование высказываний, взятых вне общего контекста документа, и т. д.

Под термином «декоммунизация» будем понимать деятельность, направленную против коммунистической идеологии, совокупности взглядов и идей (политических, правовых, нравственных, художественных и др.), выражающих интересы такого крупного социального класса, как наемные работники.

Говоря о современном отечественном общественном сознании, обратим внимание прежде всего на его состояние в Республике Беларусь. Некоторые его черты могут быть присущи и другим странам на постсоветском пространстве (даже, возможно, и вне его).

Отметим, что вся история декоммунизации неразрывно связана с назойливыми декларациями апологетов буржуазии об утопизме коммунистической идеологии, агрессивной сущности коммунизма, отрицании совместимости коммунистических принципов с природой человека.

В современной литературе, особенно в публицистической, отправную точку декоммунизации относят обычно к началу 1990-х гг. и связывают с развалом Советского Союза. На самом же деле истоки этого процесса уходят еще глубже. Вспомним хотя бы знаменитые слова, с которых начинается работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии»: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь,

Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские» [2, с. 423].

Процесс декоммунизации затронул и Беларусь. Здесь он начался сразу после августовского путча 1991 г., с решения Верховного Совета БССР 12-го созыва о временном приостановлении деятельности КПБ – КПСС и департизации органов государственной власти и управления, учреждений и собственности КПБ и ЛКСМБ. Была прекращена работа Минской высшей партийной школы при ЦК КПБ, занимавшейся подготовкой и переподготовкой партийных, советских и комсомольских кадров, работников печати, радио и телевидения. Институт истории партии при ЦК КПБ, где на протяжении многих лет ученые исследовали прошлое по многим направлениям (историю революционного движения в Белоруссии, роль в нем большевистских организаций и других партий, образование КПБ и БССР, организаторскую и идеологическую деятельность КПБ на разных этапах гражданской войны и военной интервенции на территории республики, национально-освободительное движение в Западной Белоруссии, участие белорусского народа в борьбе против немецко-фашистских захватчиков), в результате преобразований стал Белорусским научно-исследовательским центром документоведения и ретроинформации, где изучавшаяся ранее тематика стала неактуальной, ушла в небытие. Были переименованы ряд улиц и площадей. В сознание людей напористо внедрялись идеи законодательного осуждения марксистского учения, отказа от всего, что носило на себе печать советского прошлого.

В феврале 1993 г. Верховный Совет Республики Беларусь отменил решение о приостановлении деятельности КПБ. Против проходящей кампании декоммунизации резко выступил А. Г. Лукашенко, 20 июля 1994 г. избранный президентом. Эта кампания не приобрела популярность в народе. И сегодня приезжие удивляются, что в Минске есть улицы

К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, проспекты Ф. Э. Дзержинского и Газеты «Правда», сохранились памятники В. И. Ленину, М. И. Калинин, Ф. Э. Дзержинскому, Э. Тельману, советская топонимика представлена в названиях станций Минского метрополитена и т. д. Республика Беларусь – единственная страна, где 7 ноября, День Октябрьской революции, является праздничным.

И все же зерна, посеянные ревнителями декоммунизации в начале 1990-х гг., бесследно не пропали. Более того, они густо проросли, заложенные

в них потенции приобрели воинствующий характер и оказывают тлетворное влияние на общественное сознание до сих пор. Поэтому понятно внимание широкой общественности к сложившемуся положению дел, его целенаправленное изучение, выявление факторов, которые можно ему противопоставить. Эти задачи имеют крайне актуальное значение. На переднем плане – развенчание методов, используемых проводниками декоммунизации. В данной статье сконцентрируем внимание на одном из этих методов – замалчивании.

Основная часть

Замалчивание как способ декоммунизации философско-методологического фундамента современного отечественного обществоведения. Глубокая эрозия фундамента обществознания, его методологии исследования – очевидный продукт декоммунизации. Идеологи либеральной ориентации приложили немало усилий для того, чтобы подорвать доверие к классикам марксистской философии. Труды последних, особенно те, которые имеют важное методологическое значение и призваны быть настольными книгами каждого обществоведа («Капитал», «Гражданская война во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркса, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и др.), в явочном порядке исключаются из учебного процесса и исчезают с библиотечных полок. Исследователи, особенно молодые, остерегаются использовать их и ссылаться на них. Говоря обобщенно, происходит замалчивание марксистского наследия как методологии познания и общечеловеческой культурной ценности.

В свое время Ф. Энгельс предупреждал о пагубных последствиях поверхностного отношения к философским основаниям научного познания. «Какую бы позу ни принимали естествоиспытатели (на наш взгляд, и обществоведы. – В. Б.), над ними властвует философия, – писал он. – Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы над ними властвовала какая-нибудь скверная модная философия, или же они желают руководствоваться такой формой теоретического мышления, которая основывается на знакомстве с историей мышления и ее достижениями» [3, с. 525]. Позже, как бы продолжая и конкретизируя эту мысль Ф. Энгельса и противопоставляя себя такого рода литераторам, французский философ и писатель Ж.-П. Сартр заметил: «Так называемое “преодоление” марксизма в худшем случае может быть лишь возвратом к домарксистскому мышлению, в лучшем случае – открытием мысли, уже содержащейся в той философии, которую мнят преодоленной» [4, с. 7].

Пожалуй, наиболее «скверной модной философией» ныне является давно изживший себя позитивизм, но поспешно возрожденный в глянцевах

упаковках постмодернизма, постструктурализма, деконструктивизма, которые, по мнению некоторых интеллектуалов, якобы не только новы, но и более прогрессивны [5, с. 71–101]. Согласно этим «передовым» веяниям нет необходимости вскрывать глубинные причинно-следственные связи, вникать в соотношение сущности и явлений, давать последним рациональное объяснение, отделять необходимое от случайного, общее от особенного и т. д., достаточно ограничиться предъяснением фактического материала с его первичной, поверхностной обработкой.

Как следствие, в научной и учебной литературе по экономической теории, социологии, политологии, историографии входят в обычное подходы, претендующие на внесубъектное (объективистское) изображение реальности, которая якобы предстает перед исследователем в естественном состоянии. Под лозунгом деидеологизации (читай «декоммунизации») марксистская концепция материалистического понимания исторического процесса объявляется потерпевшей крушение. Широкое хождение получают концепции методологического плюрализма, допускающие суждения о множественности «правд» с претензией каждой из них на роль абсолютной истины. Явно снижается уровень культуры теоретического мышления, резко обостряются «застарелые болезни» обществоведческих текстов: описательность, фрагментарность, эклектизм. Создается реальная почва для антинауки, лженауки и всего, что с ними связано. Преуспели на этом поприще прежде всего поборники декоммунизации в Украине, Польше, странах Прибалтики.

Но важно иметь в виду следующее. Исследовательский метод Маркса можно замолчать, отклонить, заменить другим или ограничить. Но его нельзя опровергнуть. Он доказал свою плодотворность, прежде всего при анализе капиталистического способа производства. Поспешны выпады против него и в настоящее время. Попытки обосновать несостоятельность данного метода делались неоднократно, но всегда обнаруживались изъяны в их осуществлении, и они в конечном счете терпели провал. Одна

из широко известных таких попыток – опровергающие пассажи британского философа К. Поппера. По его мнению, «капитализм в том историческом смысле этого термина, в котором использовал его Маркс, никогда не существовал на Земле» [6, с. 485]. И в этом К. Поппер был совершенно прав. Но когда он же заявляет, что открытые К. Марксом законы – абсолютное заблуждение, то упускает из виду тот факт, что они (как и любые иные положения теоретического уровня познания) фиксируют идеализированные, а не явленческие (в данном случае – существовавшие на Земле) отношения. Стало быть, замысел К. Поппера (раз и навсегда свести счеты с К. Марксом и, следовательно, декоммунизировать общественную науку) не осуществлен.

Замалчивание как способ декоммунизации предметно-практического уровня современного отечественного обществоведения. Противники марксизма, видя бесплодность своих поползновений победить его в конструктивной научной дискуссии, не гнушаются клеветы, подлогов, вульгаризаций, софистических приемов и прочих нечистоплотных способов рассуждений. Одним из противников ныне воинствующих антикоммунистов является хорошо известный (в том числе в Беларуси) философ, бывший ответственный работник ЦК КПСС А. С. Ципко. По его хлестким, но голословным, взятым с потолка утверждениям, «...тоталитаризм большевистской системы неизбежно вытекал из исходного тоталитаризма марксистского (более точно – бабувистского) учения о коммунистическом равенстве. <...> Декоммунизация невозможна без признания самой главной правды, признания того, что к варварству и преступлениям большевиков звали сами идеалы Октября, учение Карла Маркса о диктатуре пролетариата, учение Карла Маркса о коммунизме в целом. Здесь и главное условие полной и окончательной декоммунизации России, и одновременно главное препятствие к полному и окончательному очеловечиванию России» [7].

Декоммунизация Беларуси и ее истории – сокровенная мечта ряда местных политических деятелей. По словам одного из них, П. Знавеца, она должна быть стремительной и «...начаться сразу после ухода Лукашенко. Кто бы и какие политические силы Беларуси ни пришли к власти, они должны осознать неизбежность и необходимость этого процесса для самой Беларуси и ее народа» [8]. Предложенный им список действий декоммунизации сориентирован прежде всего на снос памятников В. И. Ленину и другим деятелям ВКП(б), переименование улиц, ликвидацию и запрет советской символики, учреж-

дение национального дня жертв советских преступлений, открытие доступа ко всем архивам КГБ относительно репрессий. О некоторых устремлениях говорится весьма скудно и невнятно. Например, неясно, что означает «десоветизация мышления» или «воздействие на школьные и университетские учебники»¹.

Если же сопоставить этот документ с общепринятым, данным в начале статьи определением декоммунизации (как деятельности, направленной против коммунистической идеологии), то становится очевидно, до какого интеллектуального примитива дошли «наши» радетели преобразований. За рамки обозначенных перемен они не решаются идти, что, видимо, неслучайно. Ведь тогда придется столкнуться с авторитетом ВКП(б), ставшей с началом Великой Отечественной войны воюющей партией и разделившей собственную судьбу с трагической и героической судьбой сражающегося народа. При этом, несомненно, доведется попасть в неловкое положение при неприятии звучащего в трудные минуты призыва: «Коммунисты, вперед!», – с которым они, коммунисты, в первых рядах шли в атаку и первыми героически погибали. За годы войны партия потеряла свыше половины предвоенного численного состава. Только за первые шесть месяцев боев смертью храбрых пало более 500 тыс. коммунистов, а за всю войну на фронтах погибло более 3 млн из них². Это ли не бесспорные факты, твердо стоящие на пути реализации замыслов декоммунизаторов?

Напрашивается вывод: даже в случае исполнения замыслов, обозначенных П. Знавецем, коммунистическая идеология фактически не пострадает, планируемой декоммунизации не произойдет. Серьезная опасность есть, но она кроется в другом месте – в сфере негласно формируемых, искаженных представлений о месте и роли ВКП(б) (и КПБ) как субъекта деятельности в сложных обстоятельствах Великой Отечественной войны. Нескрываема следующая неприглядная картина.

По умолчанию, но с ориентацией на либеральные идеологические установки (за редким исключением [9]) прекратились исследования роли КПБ как организатора и руководителя борьбы белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков. Соответствующей тематики нет в исследовательских планах научных учреждений, на эту тему за последнюю четверть века не организовано ни одной научной конференции, не опубликовано ни монографии, ни сборника научных трудов, не защищено ни одной диссертации.

¹Декоммунизация. 7 пунктов для декоммунизации Беларуси [Электронный ресурс]. URL: https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=717605048789273&substory_index=0&id=171056956777421 (дата обращения: 10.10.2021).

²Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) [Электронный ресурс]. URL: https://studme.org/117164/istoriya/kommunisticheskaya_partiya_period_velikoy_otechestvennoy_voyny_19411945_gody (дата обращения: 10.11.2021).

Учебный процесс в школах и учреждениях высшего образования не дает полного и целостного представления о деятельности КПБ в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. В литературе обычно описываются фрагменты этого противостояния, подчеркивается, причем заслуженно, место и роль в ней отдельных партизанских руководителей: П. К. Пономаренко, П. З. Калинина, В. И. Козлова, К. Т. Мазурова, П. М. Машерова, С. О. Притыцкого и др. Но авторы учебников, учебных пособий, научно-популярных изданий, преподаватели, освещая события Великой Отечественной войны, даже избегают употребления термина «Коммунистическая партия Белоруссии», заменяя его более общими и менее определенными выражениями, эвфемизмами. Такая же картина наблюдается при проведении праздников государственного уровня. Поэтому создается опасность распространения искаженного восприятия борьбы с врагом – без участия КПБ. И можно понять озабоченность, выражаемую в связи с этой ситуацией А. П. Петрунниковым: «Когда сегодня говорят о Великой Отечественной войне, порой становится непонятным, чья же это Победа. <...> Особенно не повезло в смысле исторической правды Коммунистической партии и Ленинскому комсомолу. Не рассматривая их роль в годы войны (для этого надо было бы написать десятки и сотни монографий и крупных статей), отметим: и без партии, и без комсомола фактически невозможно было бы выиграть войну» [10, с. 55].

Почти 71 % воинов, удостоенных в годы Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза, были коммунистами³. Надо отдать должное авторам издания «Беларуская савецкая энцыклапедыя» (1969–1976), которые посчитали важным и нужным указывать партийную принадлежность тех, кто носил это высокое звание. Составители же издания «Беларуская энцыклапедыя» (1996–2004) решили поступать наоборот и не давать такой информации, тем самым содействуя (не побоимся этого сказать) процессу декоммунизации исторических фактов.

Ни в одном из отечественных музеев, в том числе в ведущем из них, Музее истории Великой Отечественной войны, нет экспозиции, посвященной деятельности КПБ (как части ВКП(б)), носителя идеологии, объединяющей и направляющей всю силу и ненависть белорусского народа против общечеловеческого зла, фашистской нечисти. Информированию посетителей свойственны фрагментарность, отсутствие системности и четкости в представлении событий, зыбкость критериев и субъективность при отборе выставочного материала.

Так, преднамеренным желанием скрыть истину, не дать узнать о действительном положении дел, замалчиванием страдает, притом существенно, преподнесение информации, связанной с деятельностью КПБ (как части ВКП(б)), и не будет преувеличением подчеркнуть, что это одно из самых распространенных средств декоммунизации. Его применение чревато известными последствиями: умалением коммунистической идеологии, отстранением от нее и тем самым усилением буржуазной (в нынешней терминологии – либеральной) идеологии. Последняя воплощается прежде всего во всеохватывающем потоке западных потребительских настроений и ценностных ориентаций, которые, к сожалению, становятся обычными в нынешней молодежной среде. Создаются реальная почва и простор для пробуждения массового эксцентризма и, более того, обыкновенного фашизма (М. Ромм).

Сделаем оговорку. Бывает, что запрет не является неуместным. Один из распространенных случаев такого рода – столкновение научной деятельности с «дурной единичностью». В общественных науках это обычное явление. Ситуацию популярно и убедительно разъяснял известный советский философ Э. В. Ильенков. Он писал: «Для научного познания важно не просто единичное как таковое, как нечто абсолютно неповторимое, однократное, то, что Гегель назвал дурной единичностью (скажем, цена отдельного товара на рынке для политической экономии или цвет волос государственного деятеля для политики), а только такое единичное, в котором выражаются строение и развитие определенной конкретной действительности. Для понимания действительности важно такое единичное, которое выражает свой собственный общий тип. Так, всеобщие определения стоимостной формы в “Капитале” добываются путем анализа отношения “20 аршин холста = 1 сюртуку”, т. е. на первый взгляд единичного факта. Разумеется, что важны здесь не сюртук и холст со стороны их “дурной единичности”... Единичное раскрывается здесь со стороны их конкретной всеобщности» [11, с. 103].

Ценность единичности, которая выражает собственный общий тип, методологически непреходяща. Ее выделение и исследование дают в ряде случаев значительно больше, чем индуктивное обобщение множества эмпирических данных. Замалчивание именно такой сущностной единичности (как, например, методологического значения материалистического истолкования исторического процесса или деятельности КПБ в годы Великой Отечественной войны) чревато появлением неполных и искаженных представлений о действительности.

³Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) [Электронный ресурс]. URL: https://studme.org/117164/istoriya/kommunisticheskaya_partiya_period_velikoy_otechestvennoy_voyny_19411945_gody (дата обращения: 10.11.2021).

Заключение

Замалчивание – весьма распространенное средство сознательного искажения актуальной информации. Не только на Западе, но и в наших условиях оно широко используется как способ декоммунизации общественной жизни. Современное отечественное обществоведение (воплощенное в экономической теории, социологии, политологии, историографии) не исключение. Здесь замалчивание касается прежде всего двух его сторон – философско-методологического фундамента и предметно-практического уровня деятельности.

В первом случае замалчивание привело к пагубным последствиям, особенно с учетом того обстоятельства, что на смену философии марксизма пришел давно изживший себя позитивизм (в формах постмодернизма, постструктурализма, деконструктивизма и др.). При господстве такой «передовой» методологии современное отечественное обществоведение оказалось в глубоком кризисе. Фактически перестала быть обязательной установка на познание глубинных причинно-следственных связей, соотношения сущности и явлений, необходимости и случайности, возможности и действительности

и т. д. Получили опасное хождение методологические подходы, претендующие на внесубъектное (объективистское) изображение реальности. Создается реальная почва для антинауки, лженауки и всего, что с ними связано.

Во втором случае замалчивание есть способ декоммунизации сфер деятельности, нуждающихся в теоретической поддержке обществоведения, в частности образовательного процесса в школах и учреждениях высшего образования, воспитательной и агитационно-пропагандистской работы, подготовки научно-педагогических кадров и др. Убедительное подтверждение этому – замалчивание деятельности КПБ в период Великой Отечественной войны.

Задача состоит в том, чтобы решительно расстаться с неблагоприятным явлением замалчивания. Напрасны надежды на ее выполнение там, где господствуют и почитаются потребительские ценности буржуазного общества. Вопрос В. В. Маяковского: «Делать жизнь с кого?» – может исчерпывающе решаться в сфере деятельности партии коммунистов.

Библиографические ссылки

1. Ожегов СИ, составитель. *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык; 1985. 798 с.
2. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Издание второе. Том 4*. Москва: Госполитиздат; 1955. 615 с.
3. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Издание второе. Том 20*. Москва: Госполитиздат; 1961. 827 с.
4. Сартр Ж-П. *Проблемы метода*. Москва: Прогресс; 1994. 240 с.
5. Сидорцов ВН, Яновский ОА, Яскевич ЯС, редакторы. *Постижение истории: онтологический и гносеологический подходы*. Минск: БГУ; 2002. 292 с.
6. Поппер КР. *Открытое общество и его враги. Том 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы*. Садовский ВН, переводчик. Москва: Феникс; 1992. 526 с.
7. Ципко АС. Начинать нужно с декоммунизации. *Независимая газета*. 2011, 17 июня. с. 4.
8. Знавец П. О декоммунизации Беларуси. *Белорусский партизан*. 2015, 17 июля. с. 3.
9. Коваленя АА, Данилович ВВ, Валаханович ИА, Великий АФ, Жилинский МГ, Зданович ВВ и др. *История белорусской государственности. Том 4. Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.)*. Минск: Беларуская навука; 2019. 576 с.
10. Петрунников А. Мысли в канун Победы. *Беларуская думка*. 2015;1:55.
11. Ильенков ЭВ. Единичное. В: Ильенков ЭВ. *Философская энциклопедия. Том 2*. Москва: Советская энциклопедия; 1962. 576 с.

References

1. Ozhegov SI, compiler. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii yazyk; 1985. 798 p. Russian.
2. Marks K, Engels F. *Sochineniya. Izdanie vtoroe. Tom 4* [Essays. Second edition. Volume 4]. Moscow: Gospolitizdat; 1955. 615 p. Russian.
3. Marks K, Engels F. *Sochineniya. Izdanie vtoroe. Tom 20* [Essays. Second edition. Volume 20]. Moscow: Gospolitizdat; 1961. 827 p. Russian.
4. Sartre J-P. *Problemy metoda* [Problem of method]. Moscow: Progress; 1994. 240 p. Russian.
5. Sidortsov VN, Yanovskii OA, Yaskevich YaS, editors. *Postizhenie istorii: ontologicheskii i gnoseologicheskii podkhody* [Comprehension of history: ontological and epistemological approaches]. Minsk: Belarusian State University; 2002. 292 p. Russian.
6. Popper KR. *The open society and its enemies. Volume 2. The high tide of prophecy: Hegel, Marx and the aftermath*. London: Routledge; 1986. 356 p.
Russian edition: Popper KR. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Tom 2. Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly*. Sadovskii VN, translator. Moscow: Feniks; 1992. 526 p.
7. Tsipko AS. [We need to start with decommunisation]. *Nezavisimaya gazeta*. 2011 June 17. p. 4. Russian.
8. Znavets P. [About the decommunisation of Belarus]. *Belorusskii partizan*. 2015 July 17. p. 3. Russian.

9. Kovalenya AA, Danilovich VV, Valakhanovich IA, Velikii AF, Zhilinskii MG, Zdanovich VV, et al. *Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti. Tom 4. Belorusskaya gosudarstvennost' nakanune i v period Velikoi Otechestvennoi voiny i poslevoennogo vostanovleniya (1939–1953 gg.)* [The history of the Belarusian statehood. Volume 4. Belarusian statehood on the eve and during the Great Patriotic War and post-war reconstruction (1939–1953)]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2019. 576 p. Russian.

10. Petrunnikov A. [Thoughts on the eve of Victory]. *Belaruskaja dumka*. 2015;1:55. Russian.

11. Il'enkov EV. [Single]. In: Il'enkov EV. *Filosofskaya entsiklopediya. Tom 2* [The Philosophical Encyclopedia. Volume 2]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1962. 576 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.01.2022.
Received by editorial board 28.01.2022.

МОВА СЕЦІВА: ДИСКУРС БАЙНЕТА И БЕЛОРУССКИЙ NETSPEAK

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Доказывается, что современное интернет-пространство задает принципиально новую среду коммуникации (социальные сети, чаты и т. д.), возможности которой выступают триггером языковых трансформаций. Именно язык интернет-коммуникации сегодня является тем полем, где наиболее активно формируются новые тенденции языкового развития. Отмечается, что функционирование языка в интернете обуславливает возникновение новых феноменов. Интернет-дискурс порождает широкое использование массовых аббревиаций, неологизмов (в том числе игровых), акронимов, бэкронимов, синграфемки, супраграфемки, межъязыковых гибридов, новых инструментов выражения субъект-субъектных отношений (например, формул вежливости) и др. Обосновывается мысль о том, что эти тенденции ставят новые проблемы как перед лингвистикой, так и перед философией языка. Показано, что в контексте интернет-коммуникации размывается классическая дихотомия устной и письменной форм языка: с одной стороны, в чатах и на форумах язык формально представлен письменными текстами, с другой – интерактивные диалоги фактически задают живое одномоментное общение, позволяющее высказаться одновременно, перебить собеседника, мгновенно отреагировать и т. д., что свойственно именно устной речи. Делается вывод о том, что если до сих пор главным презентантом языка в культуре однозначно выступала художественная литература как воплощающая в себе установленную норму языка, то сегодня на передний план выходят языковые практики (узус), которые отражают формирующиеся здесь и сейчас тренды языковой эволюции, что задает новую акцентуацию в современной культуре, а именно превалирование дескриптивной лингвистики над прескриптивной.

Ключевые слова: интернет-коммуникация; интернет-язык; письменный язык; устная речь; корпус языка; аббревиации; неологизмы; акронимы; бэкронимы; синграфемка; супраграфемка; межъязыковые гибриды; литературная норма; языковой узус; репрезентация языка в культуре.

LANGUAGE OF WEB: BYNET DISCOURSE AND BELARUSIAN NETSPEAK

M. A. MOJEIKO^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkorovskaja Street, Minsk 220007, Belarus

It is proved that the modern Internet space creates a fundamentally new communication environment (social networks, chats, etc.), the capabilities of which, in turn, act as a trigger for linguistic transformations. It is the language of Internet communications that is today the field where new trends in language development are most actively formed. The functioning of the language in the network gives rise to a number of new phenomena. So, Internet discourse gives rise to such phenomena as massive abbreviations and an abundance of neologisms (including game ones), acronyms and backronyms, syngrahemics and supragrahemics, interlanguage hybrids, new tools for expressing subject-subject relations (formulas of politeness,

Образец цитирования:

Можейко МА. Мова сеціва: дискурс байнета и белорусский netspeak. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022;1:71–79.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-71-79>

For citation:

Mojeiko MA. Language of web: bynet discourse and Belarusian netspeak. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2022;1:71–79. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-71-79>

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин факультета информационно-документных коммуникаций.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of social and humanitarian disciplines, faculty of information and document communications.
marina-mojeiko@yandex.by

for example) and many others. This poses new problems for both linguistics and philosophy of language. For example, it is shown that in the context of Internet communications, the classic dichotomy of verbal speech and written forms of language is blurred: on the one hand, in chats and forums, the language is formally represented by written texts, on the other – interactive dialogues actually set living one-time communication, which allows one to speak simultaneously, interrupt the interlocutor, respond immediately, etc., and all these are characteristic of verbal speech. It is concluded that if until now the main presenter of language in culture has clearly been fiction as embodying the established norm of the correct language, then today language practices (usus) come to the fore, reflecting the trends of linguistic evolution that are forming in the present continuous, that sets a new accentuation in modern culture, namely the prevalence of descriptive linguistics over prescriptive.

Keywords: Internet communication; web language; written language; verbal speech; language corpus; abbreviations; neologisms; acronyms; backronyms; syngraphemics; supragraphemics; interlanguage hybrids; literary norm; linguistic usus; representation of language in culture.

Одной из интереснейших сфер для изучения развития современного белорусского языка является интернет. Значимость его появления для развития языка филологи сравнивают со значимостью изобретения печатного станка И. Гуттенбергом [1]. По формулировке А. А. Атабековой, сегодня интернет-коммуникации становятся *Signum Temporis* (лат. «знамение времени») и именно в этом качестве аккумулируют в себе разнообразие разговорных практик [2]. Интернет создает принципиально новую коммуникативную среду – «унікальнае месца рэалізацыі мовы, якое не мае аналагаў у мінулым» [3, с. 206]. Можно сказать, появление интернета в нашей жизни привело к созданию не только сетевой культуры, но и «сеткавай мовы», которые фактически обслуживают «новы сегмент сацыяльнай рэальнасці» [3, с. 199]. И, что важно, «папулярнасць беларускай мовы як у байнэце, так і ў нясеткавым асяроддзі відавочна павялічваецца, асабліва сярод моладзі» [4, с. 106].

Существенные трансформации происходят во всех языках, представленных в интернете. Ряд исследователей (И. Фьорентини, Дж. Марино, К. Ланкшир, М. Нобель и др.) говорят даже о формировании в современной культуре такого феномена, как новая грамотность¹ [5–7], а Р. Купианен – о возникновении цифровой грамотности [8]. Международное академическое издательство *Peter Lang* выпускает серию исследований, посвященных новой грамотности и цифровым эпистемологиям².

Дж. Пандья исследует процессы развития новой грамотности в контексте двуязычия [9]. Используются также демографически маркированные термины. М. К. Хагуд дифференцированно рассматривает практики новой грамотности применительно

к различным возрастным группам [10], некоторые авторы выделяют подростковую интернет-грамотность [11]. Дж. Уонер анализирует новую подростковую грамотность в мобильной коммуникации [12]. Ряд исследователей связывают новую грамотность непосредственно с образовательными перспективами³ [14; 15]. И. Фьорентини и Дж. Марино рассматривают влияние на язык интернет-феноменов как внеязыковых факторов, способствующих появлению языковых инноваций [6].

Белорусского языка это касается самым непосредственным образом. Как показывает статистика, из всех языков мира только 3,6 % практикуются в интернете; их можно разделить на три группы: те, которые представлены в интернете очень широко, те, которые представлены довольно широко, и те, которые используются весьма ограниченно; белорусский язык, как и итальянский, относится ко второй группе⁴.

Мы традиционно привыкли считать главным репрезентантом любого национального языка литературный язык. Соответственно, применительно к белорусскому языку его «галоўным рэпрэзентантам... доўгі час была і застаецца мастацкая літаратура» [16, с. 86], хотя функциональные формы бытования языка бесконечно более разнообразны [17, с. 53–68, 124–148]. Как писал в свое время Л. В. Щерба, «литературный язык всех времен и народов никогда не совпадал с обыденным разговорным языком и всегда являлся в той или иной мере иностранным» [18, с. 315].

Эволюция языка, как и любая эволюция, процесс сколь естественный, столь же и неизбежный. Э. Хауген отмечает «тот факт, что каждый человек должен учить язык с азов и при этом никогда не вы-

¹Под этим термином понимается не компьютерная грамотность, а новые языковые практики, оформляющиеся в интернет-пространстве (очень точен белорусский термин «новая пісьмённасць»).

²New Literacies And Digital Epistemologies [Electronic resource]. URL: https://www.ebooks.com/en-by/series/new-literacies-and-digital-epistemologies/?_c=1 (date of access: 21.11.2021).

³Нельзя не отметить, что, увязывая реалии новой грамотности с процессами формирования идентичности, критического понимания мира и выстраивания коммуникаций, А. Люк усматривает иронию и противоречие в том, что эти процессы, составляющие ядро выживания молодых людей в их сетевых сообществах, весьма сложно адаптировать к школьным правилам и структурам [13, р. XI].

⁴Аляксандр Лукашанец: на пашырэнне ўжывання беларускай мовы значна ўплывае інтэрнэт // Беларусь сёння [Электронны рэсурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/alyaksandr-lukashanets-na-pashyrenne-zhyvannya-belaruskay-movy-znachna-plyvae-internet.html> (дата звароту: 22.10.2021).

учивает в точности тот язык, на котором говорят его учителя» [19, с. 445]. Аналогичное замечание делает В. А. Плунгян в одном из интервью: «Наши дети никогда не усваивают язык в том виде, в каком мы его передаем. Они всегда говорят не так, как мы, а наши внуки – не так, как наши дети; изменения накапливаются и язык становится другим»⁵.

Поскольку время не стоит на месте, появляются новые формы презентации языковых практик, которые оказываются значимыми для развития языка. Как отмечает И. В. Совпель, «у сувязі з тым, што камп’ютары і камп’ютарныя сеткі сталі сёння асноўным інструментам захавання, апрацоўкі і распаўсюджвання інфармацыі, прадстаўленай у выглядзе тэкставых дакументаў, большасць моў, у тым ліку і беларуская, атрымалі камп’ютарную форму свайго існавання»⁶ [20, с. 7]. Тем самым, по оценке С. А. Важника, в плане презентации языка в современной культуре «да мастацкай літаратуры далучыўся і інтэрнэт – яшчэ адзін канал камунікацыі, дзякуючы якому адбываецца пашырэнне аб’ёму камунікацыйнага прызначэння беларускай мовы» [16, с. 86].

Нельзя не отметить, что задолго до появления интернета, еще в первой половине XX в., структурная лингвистика (в частности, пражская лингвистическая школа), развивая сосюрговскую дифференциацию языка и речи (не столько опираясь на нее, сколько отталкиваясь от нее), показала, что языковая практика коммуникации преследует цели, выходящие за пределы номинации и сигнификации, а значит, следует различать литературный язык как утвержденную норму и как узус (от лат. *usus* «употребление»), речевой обычай, практику употребления слов и выражений [21; 22]. Почти 100 лет назад классик языкознания Л. В. Щерба, которого никак нельзя заподозрить в пренебрежении канонами литературного языка, писал тем не менее, что «при рассмотрении языковых вопросов мы должны руководствоваться не искусственной книжной речью⁷, а обыкновенным разговорным языком, перед которым первая является почти что величиной исчезающей»⁸ [23, с. 100].

Сегодня интернет – значимое пространство развития разговорного языка. Очевидно, что он породил принципиально новые формы коммуникации (общение в социальных сетях, на форумах и в чатах, тексты в мессенджерах, комментарии

в блогах и т. д.), и это не может не отразиться на языке как на коммуникативном инструменте. Так, Н. Г. Баламут отмечает, что «інтэрнэт, як спецыяльнае камунікатыўнае асяроддзе, паспрыяў з’яўленню новых формаў стасункаў, а таксама новых формаў існавання мовы» [24, с. 24].

Язык интернета называют и *netspeak*, и *netlingvo*, и *e-talk*, и (по аналогии с *English*) *weblish*⁹ [3, с. 200]. Терминология еще не устоялась, но предмет понятен: речь идет именно о языке коммуникации, а не о выложенных в интернет завершенных текстах (художественных произведениях или энциклопедиях). В отношении подобных текстов тоже можно обнаруживать новое и интересное: например, характер интертекстуальности и новые способы ее реализации (а благодаря этому и бесконечную вариативность процедуры чтения), что также имеет значение для развития языка. И все же там используется письменный язык, особый, но письменный. И он, разумеется, нуждается в анализе. Хотя в отношении блогосферы, которая предполагает посты в виде текстов, организованных как письменные, Н. Г. Колесник отмечает тенденцию, близкую к описанной: «организация гипертекста является во многом отражением организации устной беседы, в которой принимают участие несколько человек, только в интернет-беседе число участников может быть на порядок больше, так же, как и число обсуждаемых тем» [25, с. 377].

В любом национальном языке возникает ряд новых аспектов, оформившихся именно благодаря его функционированию в интернете. Так, например, не просто определить статус языка в рамках стандартной для него дихотомии «письменный – устный». Действительно, сложившийся в интернет-пространстве вариант языковой практики «нельга звесці ні да вуснай, ні да пісьмовай формы» [20, с. 7]. С одной стороны, в чатах, на форумах и в социальных сетях язык представлен вроде бы письменными текстами, но с другой – интерактивные интернет-диалоги разительно отличаются от обмена письмами в традиционном понимании последних (неважно, посредством голубей, почтового дилижанса или королевской почты). Фактически мы имеем живое одномоментное общение, предполагающее возможность сказать что-то одновременно, перебить собеседника, мгновенно отреагировать на реплику, что свойственно именно устной речи. По оценке

⁵Владимир Плунгян: мир теряет языки // *Garvard Bus. Rev.* [Электронный ресурс]. URL: <https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a11340> (дата обращения: 25.10.2021).

⁶Разумеется, языковые трансформации имеют место и в иных сферах цифровой коммуникации (язык всевозможных мессенджеров, СМС и др.).

⁷Но и книжная речь, конечно, тоже развивается: во-первых, книжный язык не изолирован от влияний; во-вторых, нельзя не признать, что и в рамках литературного языка авторы художественных произведений создают неологизмы и могут деформировать канон во имя достижения большей выразительности, языковой характеристики персонажей и т. д.

⁸Нас тоже пугают последние слова цитаты. Но это слова великого Л. В. Щербы – классика языкознания.

⁹Живая мова беларускага сеціва // ПРАВАПИС•ОРГ [Электронны рэсурсы]. URL: https://pravapis.org.dyskurs.be/articles/art_netspeak/ (дата звароту: 25.10.2021).

лингвистов, «в такого рода текстах мы имеем дело фактически со спонтанным письменным самовыражением, дающим очень своеобразный гибридный устной и письменной речи» [26, с. 10].

Применительно к белорусскому языку Н. Г. Баламут делает вывод о том, что «карысна... было б адзначыць з’яўленне новага функцыянальнага стылю беларускай мовы – стылю інтэрнэт-камунікацыі, альбо *пісьмовай гутарковай мовы*» (курсив наш. – М. М.) [24, с. 24].

Этот новый феномен открывает для филологов новые исследовательские возможности: те тенденции в развитии языка, которые намечаются в устной речи, как правило, мало открыты для анализа, во-первых, в силу мимолетной ситуативности (слово не воробей, как известно, и ретроспективно лингвисту его никак не поймать), и во-вторых, в силу того, что в целенаправленно моделируемой ситуации сбора материала (под аудиозапись или в присутствии конспектирующего эксперта) живая беседа тут же перестает быть живой, устная речь деформируется. В этом контексте лингвисты говорят даже о парадоксе наблюдателя, возникающем на основе противоречия «между стремлением исследователя получить данные о повседневно-бытовой речи людей, предполагающим систематическое наблюдение», и изначальной ущербностью («недостатком») этого наблюдения, «приводящего к результатам, противоположным поставленной цели и заключающимся в стремлении информантов в условиях наблюдения стремиться к корректной речи, соответствующей литературному стандарту» [27].

Между тем реплики в чатах и интернет-комментарии, фактически фиксирующие на письме устную речь, полностью снимают оба этих затрудняющих обстоятельства. Кроме того, такой анализ существенно повышает степень достоверности выводов, так как «в отличие от ситуации опроса, где по разным причинам респондент может стесняться выражать свое реальное отношение к исследуемому вопросу, в интернет-дискуссиях в нормальной ситуации комментаторы выражают свое истинное мнение» [28, с. 66–67].

Столь же интересен (и неоднозначен) вопрос о соотношении белорусского языка интернет-коммуникации и белорусского языка вообще (понятно, что этот вопрос актуален для анализа любого национального языка). Некоторые исследователи полагают, что сегодня мы являемся свидетелями «народзінаў новага дыялекту»¹⁰, в то время как другие (и это убедительнее) считают, что «беларуская мова ў інтэрнэце – гэта не дыялект ці гаворка, таксама няма падстаў лічыць яе сацыялектам» [24, с. 24]. Разумеется, интернет-язык – это никак не арг, хотя

такие интерпретации и встречаются в литературе [29], и уж никак не совокупность индивидуальных (точечных) идиолектов. Л. Ю. Иванов полагает, что язык интернета можно считать функциональной разновидностью национального языка [30]. И, действительно, исследователи жанров виртуальной коммуникации полагают, что развитие жанровой системы интернет-коммуникации и возникновение в ее рамках новых жанров являются «одним из сигналов возникновения нового речевого сообщества с новой коммуникативной практикой» [31, с. 26], что отражает расширение жанровой палитры языка как такового. В целом, надо признать, статус интернет-языка (как и интернет-язык вообще) – это нечто новое, чему еще надлежит стать предметом более пристального изучения. По оценке экспертов, «этим электронная коммуникация и привлекательна для лингвистов: какие-то языковые явления встречаются только или преимущественно в данных текстах» [26, с. 10].

Сеть открывает новые возможности изучения тенденций развития языка: филологи оценивают возможность лингвистики интернета, направленной на изучение речевых практик в интернете, как нового перспективного направления языкознания [31, с. 22], причем «гэты навуковы кірунак інтэграцыйнага тыпу павінен спалучаць падыходы і метадалогію розных лінгвістычных дысцыплін: сацыялінгвістыкі, псіхалінгвістыкі, лінгвістыкі тэксту, – фарміруючы пры гэтым і свой уласны даследчы інструментарый» [3, с. 207]. В частности, «у социолингвистов в дополнение к традиционным способам получения сведений об отношении к языкам в обществе добавился еще один: речь идет об анализе коммуникации в интернете» [28, с. 66–67].

Более того, масштабность вербальной сетевой коммуникации позволяет посмотреть на интернет как на готовый корпус языка, который может играть роль «экспериментальной площадке для корпусных исследований» [32, с. 29].

Собственно, язык интернета фактически можно интерпретировать как корпус языка, пусть в специфической (разговорной) версии, зато взятой в непосредственном развитии. На форумах, в сетях и чатах имеет место живой разговор, не зажатый «у строгія рамкі “правільнай” мовы»¹¹. Интернет и задает, и в результате представляет собой коммуникативное пространство, где языковые практики реализуются наиболее естественно. Как пишет С. А. Важник, «у інтэрнэце беларуская мова пачуваецца досыць вольна і гнутка» [16, с. 86].

И надо сказать, что *netspeak* как говорение/письмо в интернете демонстрирует много нового: «беларуская мова ў жывым анлайне досыць далёкая ад стандартаў літаратурнай мовы Купа-

¹⁰Жывая мова беларускага сеціва // ПРАВАПИС•ORG...

¹¹Там жа.

лы ці Багдановіча»¹². Это общая тенденция: точно так же «на расійскіх чатах мова вельмі далёкая ад пушкінскай ці тургенеўскай»¹³. Так что, с одной стороны, языковая коммуникация «выходзіць на якасна новы ўзровень», а с другой – «мова беларускага *netspeak* досыць далёкая ад літаратурнага стандарту» [16, с. 85–86].

Стандарт задает рамки, но, как отмечает Н. Г. Баламут, «беларуская мова, як і любая іншая мова, не можа быць звездзена толькі да літаратурнага стандарту», именно в виртуальном пространстве «...яна характарызуецца гнуткасцю і аддаленасцю ад літаратурных норм, што робіць яе больш жывой. Існуе тэндэнцыя да разбурэння афіцыйных нормаў і замены іх інавацыйнымі варыянтамі, адбываецца інтэнсіўнае папаўненне слоўнікавага складу мовы праз запазычанні і ўласныя словаўтварэнні, адны намінацыйныя адзінкі актыўна замяняюць іншыя, паралельна функцыянуюць дублетныя найменні. Інтэрнэт – гэта тая сфера, дзе паспяхова выкарыстоўваюцца самыя розныя варыянты нацыянальнай беларускай мовы» [24, с. 24]. И, несмотря на это, мы, работая в интернете, как отмечает С. Шупа, «нейкім чынам усё называем і пры гэтым разумеем адзін аднаго» [33]. С. А. Важник полагает, что это соответствует общей тенденции бытия современного белорусского литературного языка: «спецыфіка, унікальнасць беларускай мовы – у яе сінкратызме» [16, с. 86].

В силу сказанного изучение языка интернета, понятого в качестве языкового корпуса, чрезвычайно перспективно (например, в вопросе языковой динамики), поскольку, как отмечает Л. Р. Зиндер, устная (разговорная) форма языка изменяется гораздо быстрее, чем письменная, она изменяется спонтанно, в то время как в орфографическую норму изменения вносятся «только тогда, когда противоречие между написанием и произношением становится очевидным» [34, с. 23]. По этой причине в языках с длительной письменной традицией, по оценке экспертов, часто сохраняются версии написания, не оправданные современным состоянием языка [35]. Таким образом, корпус интернет-текстов дает большие возможности для перспективного изучения тенденций.

Даже отдельные сегменты интернет-пространства могут рассматриваться как вполне репрезентативный в рамках конкретной задачи корпус языка.

Так, М. Запавинья моделирует процессы формирования идентичности в интернете посредством языковых инструментов, рассматривая в качестве корпуса тексты Твиттера [36]. Интернет выступает фактически в виде корпуса языка в исследовании А. А. Соминым комментарий к материалам интернет-СМИ [28, с. 62–86]. Автор отмечает, что анализ таких «позволяет получить информацию... ранее доступную лишь через опросы» [28, с. 62]. В качестве языкового корпуса рассматривает белорусский язык интернета и С. А. Важник, который, исследуя проявления национальной языковой самоидентификации в интернете, строит типологию трансформаций на основании такого критерия, как название значка @: русскоязычная традиция именованная – *собака*, польскоязычная – *małpa*, белорусская – *слімак* [37].

В целом к тенденциям, намечающимся в *netspeak*, стоит присмотреться: фактически «беларускамоўны інтэрнэт ужо з’яўляецца крыніцай адлюстравання і фарміравання беларускага маўлення» [32, с. 29], и в этом плане «беларускі інтэрнэт – гэта, па сутнасці, лакмусавая паперка (люстэрка) той моўнай сітуацыі, што мае месца ў сучаснай Беларусі» [16, с. 80].

По наблюдениям К. А. Беловой, «беларуская мова байнэту прадстаўлена трыма асноўнымі алфавітнымі варыянтамі (парадак прадстаўлення алфавітаў адлюстроўвае перавагі ў іх выкарыстанні): а) беларуская кірыліца... б) лацінская транслітарацыя беларускай кірыліцы; в) беларуская лацінка» [4, с. 106–107].

Исследователи отмечают, что белорусский *netspeak* («мову сеціва») характеризуют следующие тенденции (учитывая сказанное, они относятся и к языку в целом):

- изменение статуса языковых форм вежливости¹⁴;
- метафорические переносы семантики (модем – *светофор*),
- лавинообразная аббревиация (*keyboard* – *kbd*, *please* – *плз*);
- усечение слов (программа – *прога*);
- замена слов по внешнему созвучию (*e-mail* – *мыло*);
- обилие неологизмов (коврик для мышки – *мышедром*);
- появление новых значений даже у неологизмов (*мылиться*, т. е. переписываться, причем необязательно по *e-mail*)¹⁵;

¹²Жывая мова беларускага сеціва // ПРАВАПІС•ОРГ... (Разумеется, мы не имеем в виду письмо *по-олбанске*, которое предполагает нарочитое, игровое искажение языковых структур и правил.)

¹³Там жа.

¹⁴П. Браун и С. К. Левинсон отмечают, что традиционные формы изъявления вежливости обретают в интернете негативный статус (как проявление далеких отношений), в то время как позитивно воспринимаются формы, ранее считавшиеся фамильярными (трактуются как демонстрация близости) [38, р. 91–210]. М. И. Хазанова, исследуя украинский язык в интернете, отмечает ту же особенность: «поскольку говорящий понимает, что его статус равен статусу других участников, он пренебрегает особыми контактоустанавливающими средствами» [39, с. 351–352].

¹⁵Универсальная тенденция: слово *двушка* изменило десигнат, превратившись из двухкопеечной монеты в двухкомнатную квартиру, аналогично *визитка* – это карточка, а никак не сюртук для визитов. Примеров монбланы.

- межъязыковые гибриды с транслитерацией, префиксацией и суффиксацией¹⁶ (*пиариться, поюзать, залогиниться, htmlка, zipтац* и др.);
- замена слогов и слов буквами¹⁷ и цифрами (*4u* вместо *for you*, *2u2* вместо *to you too*, *gr8* вместо *great*, *b4n* вместо *bye for now*);
- использование англоязычных акронимов (*afaiк – as far as I know*) и русскоязычных бэкронимов (*ВУЗ* в значении *выйти удачно замуж*);
- практикование полонизмов, превышающее их использование вне интернета [24];
- сознательное введение в текст «трасянкизов» [4, с. 107–108; 25];
- применение синграфемки и супраграфемки (пунктуационное и шрифтовое варьирование)¹⁸ [4, с. 108];
- конструирование и контекстное использование игровых неологизмов¹⁹.

Как видим, ярко выражена тенденция «эканоміць час пры наборы тэксту», поскольку «большасць людзей набіраюць тэкст павольней, чым размаўляюць, і жаданне “размаўляць” хутчэй (каб было, як у “рэале”) ёсць цалкам натуральнае» [24]. Очевидно, что возможность реализации этого желания обеспечивается специфическим статусом устного письменного языка, который, с одной стороны, требует набора текста, а с другой – разговорной скорости коммуникации, максимально приближенной к устной.

В свете сказанного можно констатировать, что язык байнета развивается в русле универсальных мировых тенденций и в целом «інтэрнэт-дыскус Беларусі... паўстае як неаднародны лінгвістычны феномен з шэрагам моўных асаблівасцей» [4, с. 109]. Его, безусловно, нужно изучать, тем более что сфера использования белорусского языка в интернете год от года поступательно расширяется.

Библиографические ссылки

1. Леонтович ОА. Компьютерный дискурс: языковая личность в виртуальном мире. В: Карасик ВИ, Слышкин ГГ, редакторы. *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*. Волгоград: Перемена; 2000. с. 24–31.
2. Атабекова АА. *Лингвистический дизайн web-страниц (сопоставительный анализ языкового оформления англо-и русскоязычных web-страниц)*. Москва: Российский университет дружбы народов; 2003. 202 с.
3. Чахоўскі ГК. *Інтэрнэт-маўленне як сродак камунікацыі*. У: Прыгодзіч МР, рэдактар. *Беларускае слова: тэрмін і вобраз; зборнік артыкулаў па матэрыялах навуковых чытанняў, прысвечаных памяці прафесара В. П. Краснея; 27 снежня 2017 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 2018. с. 199–210.
4. Бялова КА. Моўныя асаблівасці беларускага інтэрнэт-дыскурсу. *Беларуская лінгвістыка*. 2010;65:104–110.
5. Knobel M, Lankshear C, editors. *A new literacies sampler*. Bern: Peter Lang; 2007. 251 p. (New literacies and digital Epistemologies; volume 29).
6. Fiorentini I, Marino G. New literacies and linguistic innovation. The case of Internet memes. In: Kohlberger M, Kloekhorst A, editors. *48th Annual meeting of the societas linguistica Europaea: book of abstracts; 2015 September 2–5; Leiden, Netherlands*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 52–53.
7. Knobel M, Lankshear C, editors. *Researching new literacies: design, theory, and data in sociocultural investigation*. Bern: Peter Lang; 2017. 254 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 76).
8. Kupiainen R. *Media and digital literacies in secondary school*. Bern: Peter Lang; 2013. 160 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 59).
9. Pandya JZ. *Exploring critical digital literacy practices: everyday video in a dual language context*. New York: Routledge; 2019. 128 p. (Expanding literacies in education).

¹⁶Здесь работает принцип погружения транслитерированного английского корня в славянскую морфологию. Уместно вспомнить высказанную в рамках пражской лингвистической школы мысль о том, что все языковые изменения детерминированы сложившейся системой языка и вписываются в нее.

¹⁷Нечто подобное было и до интернета, например у А. А. Вознесенского (во времена, когда доллары называли свободно конвертируемой валютой) *МоСКВа* – это валютный город. Но такую формулировку он использует не ради сокращения, а ради языковой игры.

¹⁸Обнаружение экспрессивных возможностей графических особенностей текста сегодня характерно не только для интернета: например, Б. Акунин в романе «Левиафан» использует различные шрифты, характеризующие персонажа, от имени которого ведется соответствующая часть повествования (в тексте японца, например, строки вертикальны, и читать его следует, повернув книгу, в альбомной ориентации).

¹⁹Последние, надо заметить, все чаще выходят за пределы интернета (например, пришедшие из письма *по-олбанске* выражения *аццкий сотона, афтар жжот* и др.). Отношение к этому может быть разным: с одной стороны, отчего бы не поиграть, если забавляет, с другой – игра потому и игра, что четко осознаются границы игрового пространства и реальности, и она хороша до тех пор, пока эти границы не нарушаются. Потому нельзя не обратить внимания на наблюдения А. Амзина и И. Белкина, касающиеся того, что «все идет к тому, что скоро “превед” станет коронным словом при встрече за пределами виртуального пространства». Так что, иронизируя в конце статьи («в нашей ридакции фсе очинь дажэ любяг пейсать на афтарском языке и с бальшим интузеазмом воспринели новый веток розвития русскава языка» [40]), авторы поднимают, в сущности, серьезную проблему: статус придуманных (искаженных) слов существенно трансформируется, и «некоторые из этих слов, похоже, становятся нормативными: несколько месяцев назад проверка орфографии на Яндексе в ответ на запрос “афтор” стала предлагать более правильное “афтар”» [40]. Последнее несколько пугает. Получается, что программа проверки грамматики научилась, опираясь на прецеденты, и это ставит неожиданный вопрос: если есть прецедентное право, может ли быть прецедентная грамматика?

10. Hagoood MC. *New literacies practices: designing literacy learning*. Bern: Peter Lang; 2009. 186 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 37).
11. Alvermann DE, editor. *Adolescents' online literacies: connecting classrooms, digital media, and popular culture*. Bern: Peter Lang; 2016. 232 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 75).
12. Warner J. *Adolescents' new literacies with and through mobile phones*. Bern: Peter Lang; 2017. 198 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 79).
13. Luke A. Foreword. In: Pandya JZ. *Exploring critical digital literacy practices: everyday video in a dual language context*. Milton Park: Routledge; 2019. p. X–XIV (Expanding literacies in education).
14. Lankshear C, Knobel M, editors. *A new literacies reader: educational perspectives*. Bern: Peter Lang; 2013. 384 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 66).
15. Knobel M, Kalman J, editors. *New Literacies and teacher learning: professional development and the digital turn*. Bern: Peter Lang; 2016. 262 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 74).
16. Важнік С. Беларуская мова ў інтэрнэце. *Acta Neophilologica*. 2006;8:79–89.
17. Аврорин ВА. *Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социолингвистики*. Ленинград: Наука; 1975. 274 с.
18. Щерба ЛВ. К вопросу о двуязычии. В: Щерба ЛВ. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: Наука; 1974. с. 313–318.
19. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование. В: Чемоданов НС, редактор. *Новое в лингвистике. Выпуск VII. Социолингвистика*. Москва: Прогресс; 1975. с. 441–472.
20. Совпель ИВ. Лингвистические ресурсы белорусского языка и их приложения. У: Кручкоў С, складальнік. *Беларуская мова, інтэрнет і камп'ютэр: матэрыялы круглага стала міжнароднага сімпозіума «Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі»; 20 мая 2002 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Беларускі сацыяльна-экалагічны саюз «Чарнобыль»; 2002. с. 7–15.
21. Вахек Й, Дубский Й. *Лингвистический словарь Пражской школы*. Москва: Прогресс; 1964. 352 с.
22. Коржинек ЙМ. К вопросу о языке и речи. В: Кондрашов НА, редактор-составитель. *Пражский лингвистический кружок: сборник статей*. Москва: Прогресс; 1967. с. 317–324.
23. Щерба ЛВ. О дальше неделимых единицах языка: из лингвистического наследия Л. В. Щербы. *Вопросы языкознания*. 1962;2:99–101.
24. Баламут НГ. Мова беларускай інтэрнэт-прасторы. У: Міхневіч АЯ, рэдактар. *Працы кафедры сучаснай беларускай мовы. Выпуск 12*. Мінск: Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы; 2013. с. 20–25.
25. Колесник НГ. Новые тенденции в развитии функциональных стилей в русском языке (на материале языка блогосферы). В: Биткеева АН, Михальченко ВЮ, редакторы. *Международная конференция «Языковая политика и языковые конфликты в современном мире»; 16–19 сентября 2014 г.; Москва, Россия*. Москва: Институт языкознания РАН; 2014. с. 375–384.
26. Плунгян ВА. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение. В: Плунгян ВА, редактор. *Национальный корпус русского языка: 2003–2005*. Москва: Индрик; 2005. с. 6–20.
27. Боева-Омелечко НБ. *Парадокс наблюдателя* [Интернет]. 2004 [процитировано 27 октября 2021 г.]. Доступно по: <https://www.psyoffice.ru/6-1068--paradoks-nablyudatelja.htm>.
28. Сомин АА. Языковая рефлексия в современной Беларуси сквозь призму комментариев в интернет-СМИ. *Вестник РГТУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2015;1:62–86.
29. Шейгал ЕИ. Компьютерный жаргон как лингвокультурный феномен. В: Карасик ВИ, редактор. *Языковая личность: культурные концепты*. Волгоград: Перемена; 1996. с. 47–51.
30. Иванов ЛЮ. Язык в электронных средствах коммуникации. В: Иванов ЛЮ, Сковородников АП, Ширяев ЕН, редакторы. *Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник*. Москва: Наука; 2011. с. 791–793. Совместно с издательством «Флинта».
31. Горошко ЕИ. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области. В: Дементьев ВВ, редактор. *Жанры речи. Выпуск 5. Жанр и культура*. Саратов: Саратовский национальный исследовательский университет имени Н. Г. Чернышевского; 2007. с. 22–27.
32. Баркович АА. Беларускі корпус тэкстаў: інтэрнэт-дыскус. *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2013;2:26–29.
33. Шупа С. *Software localisation in Belarus: беларуская камп'ютарная і інтэрнэтная тэрміналогія* [Інтэрнэт]. 2003 [працытавана 25 кастрычніка 2021 г.]. Даступна па: http://pravapis.org/art_software_localization.asp.
34. Зиндер ЛР. Введение в теорию письма. В: Герд АС, редактор. *Прикладное языкознание*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет; 1996. с. 15–25.
35. Овчинникова ИГ. *Характеристика принципов русской орфографии с позиций речевой деятельности* [Интернет; процитировано 25 октября 2021 г.]. Доступно по: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_4_79.
36. Zappavigna M. *Discourse of Twitter and social media: how we use language to create affiliation on the web*. London: Bloomsbury Publishing PLC – Continuum; 2012. 240 p. (Continuum discourse; book 6).
37. Важнік СА. *Тры стыхіі байнэта, або праява нацыянальнай моўнай самаідэнтыфікацыі*. Мінск: Права і эканоміка; 2007. 55 с.
38. Brown P, Levinson SC. Politeness. *Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press; 1987. 345 p. (Studies in interactional sociolinguistics; issue 4).
39. Хазанова МИ. Некоторые особенности украинского языка в интернете: проблема вежливости. В: Журавлёв АФ, Ананьева НЕ, редакторы. *Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна: тезисы докладов Международной научной конференции; 15–17 марта 2011 г.; Москва, Россия*. Москва: Институт славяноведения РАН; 2011. с. 350–352.
40. Амзин А, Белкин И. Полный перевод. *Интернет-сленг все чаще выходит за пределы виртуального пространства* [Интернет]. 2006 [процитировано 20 октября 2021 г.]. Доступно по: <https://lenta.ru/articles/2006/02/28/preved/>.

References

1. Leontovich OA. [Computer discourse: linguistic personality in the virtual world]. In: Karasik VI, Slyshkin GG, editors. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs* [Linguistic personality: institutional and personal discourse]. Volgograd: Peremena; 2000. p. 24–31. Russian.
2. Atabekova AA. *Lingvisticheskii dizain web-stranits (sopostavitel'nyi analiz yazykovogo oformleniya anglo- i russkoyazychnykh web-stranits)* [Linguistic design of web-pages (comparative analysis of the language design of English- and Russian-language web-pages)]. Moscow: RUDN University; 2003. 202 p. Russian.
3. Chahowski GK. [Internet speech as a means of communication]. In: Prygodzich MR, editor. *Belaruskae slova: tjermin i vobraz; zbornik artykulaw pa matjeryjalah navukovyh chytannjaw, prysvechanyh pamjaci prafesara V. P. Krasneja; 27 snezhnja 2017 g.; Minsk, Belarus'* [Belarusian word: term and image; a collection of articles on the materials of scientific readings dedicated to the memory of Professor V. P. Krasney; 2017 December 27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018 p. 119–210. Belarusian.
4. Bjalova KA. [Linguistic features of the Belarusian Internet discourse]. *Belaruskaja lingvistyka*. 2010;65:104–110. Belarusian.
5. Knobel M, Lankshear C, editors. *A new literacies sampler*. Bern: Peter Lang; 2007. 251 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 29).
6. Fiorentini I, Marino G. New literacies and linguistic innovation. The case of Internet memes. In: Kohlberger M, Kloekhorst A, editors. *48th Annual meeting of the societas linguistica Europaea: book of abstracts; 2015 September 2–5; Leiden, Netherlands*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 52–53.
7. Knobel M, Lankshear C, editors. *Researching new literacies: design, theory, and data in sociocultural investigation*. Bern: Peter Lang; 2017. 254 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 76).
8. Kupiainen R. *Media and digital literacies in secondary school*. Bern: Peter Lang; 2013. 160 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 59).
9. Pandya JZ. *Exploring critical digital literacy practices: everyday video in a dual language context*. New York: Routledge; 2019. 128 p. (Expanding literacies in education).
10. Hagood MC. *New literacies practices: designing literacy learning*. Bern: Peter Lang; 2009. 186 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 37).
11. Alvermann DE, editor. *Adolescents' online literacies: connecting classrooms, digital media, and popular culture*. Bern: Peter Lang; 2016. 232 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 75).
12. Warner J. *Adolescents' new literacies with and through mobile phones*. Bern: Peter Lang; 2017. 198 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 79).
13. Luke A. Foreword. In: Pandya JZ. *Exploring critical digital literacy practices: everyday video in a dual language context*. Milton Park: Routledge; 2019. p. X–XIV (Expanding literacies in education).
14. Lankshear C, Knobel M, editors. *A new literacies reader: educational perspectives*. Bern: Peter Lang; 2013. 384 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 66).
15. Knobel M, Kalman J, editors. *New Literacies and teacher learning: professional development and the digital turn*. Bern: Peter Lang; 2016. 262 p. (New literacies and digital epistemologies; volume 74).
16. Vazhnik S. [Belarusian language on the Internet]. *Acta Neophilologica*. 2006;8:79–89. Belarusian.
17. Avrorin VA. *Problemy izucheniya funkcional'noi storony yazyka: k voprosu o predmete sotsiolingvistiki* [Problems of studying the functional side of language: to the question of the subject of sociolinguistics]. Leningrad: Nauka; 1975. 274 p. Russian.
18. Shcherba LV. [On the issue of bilingualism]. In: Shcherba LV. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka; 1974. p. 313–318. Russian.
19. Haugen E. [Linguistics and language planning]. In: Chemodanov NS, editor. *Novoe v lingvistike. Vypusk VII. Sociolingvistika* [New in linguistics. Volume VII. Sociolinguistics]. Moscow: Progress; 1975. p. 441–472. Russian.
20. Sovpel IV. [Linguistic resources of the Belarusian language and their applications]. In: Kruchkow S, compiler. *Belaruskaja mova, intjernet i kamp'jutjer: matjeryjaly kruglaga stala mizhnarodnaga simpoziuma «Raznastajnac' mow i kul'tur u kantjeksce glabalizacyi»; 20 maja 2002 g.; Minsk, Belarus'* [Belarusian language, the Internet and the computer: materials of the discussion at the international symposium «Diversity of languages and cultures in the context of globalisation»; 2002 May 20; Minsk, Belarus]. Minsk: Belaruski sacyjal'na-jekalagichny sajuz «Charnobyl'; 2002. p. 7–15. Russian.
21. Vakhek I, Dubskii I. *Lingvisticheskii slovar' Prazhskoi shkoly* [Linguistic dictionary of the Prague school]. Moscow: Progress; 1964. 352 c. Russian.
22. Korzhinek YM. [On the question of language and speech]. In: Kondrashov NA, editor-compiler. *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok: sbornik statei* [Prague linguistic circle: collection of articles]. Moscow: Progress; 1967. p. 317–324. Russian.
23. Shcherba LV. [About further indivisible units of language: from the linguistic heritage of L. V. Shcherba]. *Questions of linguistics*. 1962;2:99–101. Russian.
24. Balamut NG. [Language of the Belarusian Internet space]. In: Mihnevich AJa, editor. *Pracy kafedry suchasnej belaruskaj movy. Vypusk 12* [Proceedings of the department of modern Belarusian language. Volume 12]. Minsk: Republican Institute of Higher School; 2013. p. 20–25. Belarusian.
25. Kolesnik NG. [New trends in the development of functional styles in the Russian language (based on the language of the blogosphere)]. In: Bitkeeva AN, Mikhal'chenko VYu, editors. *Mezhdunarodnaya konferentsiya «Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire»; 16–19 sentyabrya 2014 g.; Moskva, Rossiya* [International conference «Language policy and language conflicts in the modern world»; 2014 September 16–19; Moscow, Russia]. Moscow: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences; 2014. p. 375–384. Russian.
26. Plungyan VA. [For what is the National Corpus of the Russian language needed? Informal introduction]. In: Plungyan VA, editor. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2003–2005* [National corpus of the Russian language: 2003–2005]. Moscow: Indrik; 2005. p. 6–20. Russian.

27. Boeva-Omelechko NB. *The observer's paradox* [Internet]. 2004 [cited 2021 October 10]. Available from: <https://www.psyoffice.ru/6-1068--paradoks-nablyudatelja.htm>. Russian.
28. Somin AA. [Linguistic reflection in modern Belarus through the prism of comments in online media]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 2015;1:62–86. Russian.
29. Sheigal EI. [Computer jargon as a linguocultural phenomenon]. In: Karasik VI, editor. *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty* [Linguistic personality: cultural concepts]. Volgograd: Peremena; 1996. p. 47–51. Russian.
30. Ivanov LYu. [Language in electronic means of communication]. In: Ivanov LYu, Skovorodnikov AP, Shiryaev EN, editors. *Kul'tura russkoi rechi: entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [The culture of Russian speech: encyclopedic reference dictionary]. Moscow: Nauka; 2011. p. 791–793. Co-published by the «Flinta». Russian.
31. Goroshko EI. [Theoretical analysis of Internet genres: to the description of the problem area]. In: Dement'ev VV, editor. *Zhanry rechi. Vypusk 5. Zhanr i kul'tura* [Genres of speech. Volume 5. Genre and culture]. Saratov: Saratov State University; 2007. p. 22–27. Russian.
32. Barkovich AA. [Belarusian texts corpus: Internet discourse]. *Vesnik BDU. Seriya 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2013;2:26–29. Belarusian.
33. Shupa S. *Software localisation in Belarus: Belarusian computer and Internet terminology* [Internet]. 2003 [cited 2021 October 25]. Available from: http://pravapis.org/art_software_localization.asp. Belarusian.
34. Zinder LR. [Introduction to the theory of writing]. In: Gerd AS, editor. *Prikladnoe yazykoznanie* [Applied linguistics]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University; 1996. p. 15–25. Russian.
35. Ovchinnikova IG. *Characteristics of the principles of Russian orthography from the standpoint of speech activity* [Internet; cited 2021 October 25]. Available from: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_4_79. Russian.
36. Zappavigna M. *Discourse of Twitter and social media: how we use language to create affiliation on the web*. London: Bloomsbury Publishing PLC – Continuum; 2012. 240 p. (Continuum discourse; book 6).
37. Vazhnik SA. *Try styhii bajnjeta, abo prajava nacyjanal'naj mownaj samaidjentyfikacyi* [Three elements of baynet, or a manifestation of national linguistic self-identification]. Minsk: Prava i jekanomika; 2007. 55 p. Belarusian.
38. Brown P, Levinson SC. *Politeness. Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press; 1987. 345 p. (Studies in interactional sociolinguistics; issue 4).
39. Khazanova MI. [Some features of the Ukrainian language on the Internet: the problem of politeness]. In: Zhuravlev AF, Anan'eva NE, editors. *Sovremennaya slavistika i nauchnoe nasledie S. B. Bernshteina: tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 15–17 marta 2011 g.; Moskva, Rossiya* [Modern Slavic studies and scientific heritage of S. B. Bernstein: abstracts of the International scientific conference; 2011 March 15–17; Moscow, Russia]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; 2011. p. 350–352. Russian.
40. Amzin A, Belkin I. *Full hello. Internet slang is increasingly going beyond the virtual space* [Internet]. 2006 [cited 2021 October 20]. Available from: <https://lenta.ru/articles/2006/02/28/preved/>. Russian.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 378.1

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ МИССИИ УНИВЕРСИТЕТА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

М. Г. ВОЛНИСТАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается теория организационного проектирования применительно к исследованию новых адаптивных свойств университетского образования в условиях COVID-19. Применяется системно-функциональный подход к организационному проектированию миссии университета и изучению структурно-организационных составляющих университетского образования в современных условиях.

Ключевые слова: университет; университетское образование; организация; организационное проектирование; целеполагание; социальные системы; национальная высшая школа; государственная образовательная политика; социально-культурное пространство.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта ректора Белорусского государственного университета.

Образец цитирования:

Волнистая МГ. Организационное проектирование социальной миссии университета: функциональный подход. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;1:80–87 (на англ.). <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-80-87>

For citation:

Volnistaya MG. Organisational design of a university's social mission: a functional approach. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;1:80–87. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-80-87>

Автор:

Марина Георгиевна Волнистая – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Marina G. Volnistaya, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
mgv22@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8740-1568>

ORGANISATIONAL DESIGN OF A UNIVERSITY'S SOCIAL MISSION: A FUNCTIONAL APPROACH

M. G. VOLNISTAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In the article author considers the theory of organisational design in relation to the study of new adaptive properties of university education, altered especially by the conditions of COVID-19. The analysed concerns content of methodological approaches and principles of organisational design of functional structure of university education. Author considers the role of the goal-setting and strategic management stage of the university in modern conditions and compares the system-functional and system-targeted approaches to the organisational design of the university mission. The functional content of the strategy allowing full realisation of competitive advantages of universities in the global market of educational services is considered.

Keywords: social systems; university; university education; organisation; organisational design; goal-setting; strategic management; competitive status of the university; competitive strategy; system of the national higher school.

Acknowledgements. The article was prepared with the support of the grant of the rector of the Belarusian State University.

Introduction

The modern world-class university has become one of the most important socio-cultural institutions in the life of society and state in the twentieth century, established as a unique educational and research organisation in the history of mankind. University education has had to undergo not only the test of time, but also global risks as a result of the institutional changes that the entire architectonics of higher education under COVID-19 is undergoing today. The threat of the spread of COVID-19 has put the entire education system to the test. The transition to distance forms of learning turned out to be sudden and forced for all levels of education and for all participants in the educational process, regardless of their degree of technical readiness, level of digital literacy and desire. In the language of sociological research methodology, the whole world is in the situation of one of the most large-scale quasi-experiments of abrupt transformation of working and employment conditions, including those in the education system [1].

The accumulated global experience of educational institutions functioning under pandemic conditions, when learning processes were carried out in a «hybrid» mixed format with the use of information technologies, allows specialists in the field of organisational design of higher education institutions worldwide to fundamentally reconsider some managerial approaches. Universities have shown that they are quite capable of exhibiting the adaptive properties and characteristics of a flexible organisational structure in the new era. For example, IDC's report, «Introducing Innovation in UK Universities through Digital Transformation», presents the approaches of UK higher education institutions LSE and Coventry University, which look at the key challenges and success factors of these processes. The re-

port's authors write that the COVID-19 pandemic has ushered in a new era for British universities. The leading institutions in this new era are those investing in digital transformation and digital sustainability.

Among the key success factors cited are the following:

- adapting to hybrid learning;
- investing in data analytics and artificial intelligence;
- making education accessible, equitable and inclusive;
- creating a flexible and collaborative workplace¹.

Of course, the active introduction of information technology into the pedagogical environment of higher education and into the management system of higher education institutions is transforming the organisational structure of the university community in a certain way. Today, the new conditions require more horizontal links in the decision-making system of centralised management of educational and other supporting processes of the university infrastructure. There is a need for professional approaches to the implementation of decentralised management processes, which are associated primarily with the scientific, innovative or entrepreneurial component in the knowledge economy of the modern university.

The university as a social phenomenon has always been at the crossroads of future trends in the global development of culture and civilisation, which were integrated in the goals and social mission. These goals objectively reflect the new requirements of technological, informational, economic and social, cultural and political processes, changes in the world labour market, markets of intellectual property, technology and innovative production in the new era.

¹Driving innovation in U. K. universities through digital transformation [Electronic resource]. URL: https://www.salesforce.com/uk/form/sfdo/edu/innovation-uk-universities/?_ (date of access: 01.03.2022).

Organisational design methodology

In a study released on 8 September, Deutsche Bank experts actually proclaimed the end of the era of globalisation. Analysts pointed out that a characteristic sign of the new era will be the rise of the Chinese economy over the U.S. It will be accompanied by tensions between China and the United States. World economies should expect: likely economic stagnation for Europe after the coronavirus pandemic continued growth in global debt and the spread of «helicopter money» policies from central banks; rising inflation; increased intergenerational competition and a greater degree of influence from millennials and younger generations; a new technological revolution².

Organisational design theory views the university as a complex organism combining rather heterogeneous types of educational, intellectual, communication, innovation and scientific, socio-economic and entrepreneurial activities. This organism undergoes significant institutional changes in the functioning of the academic environment under the influence of the market component and they are also related to the active participation of universities in international and global research networks. This undoubtedly leads to the expansion of the economic importance of university knowledge and creates conditions for its practical application by transferring it to different industries [2].

Knowledge of the principles of management of «human-dimensional» systems [3] makes it possible to implement an effective management strategy for a modern university, aimed primarily at developing the flexibility of its organisational structure and functional adaptability in the changing external environment. The complexity of challenges and threats, the peculiarities of political and economic determinants, which influence the university community, require that universities quickly develop appropriate organisational decisions on the problems of strategic management of their activity. Strategies are needed to fully ensure the implementation of the competitive advantages of universities in the global market of educational services. That is why the role of goal-setting and strategic management stages in modern higher education institution management is increasing significantly. Revision of methodological approaches and principles of organisational design of the functional structure of university education, taking into account differentiation of these functions, provides university vitality in the new realities of life. Universities in the life of society are the institutional core of the knowledge society, the most important channel of technology transfer. The authors of the concept «Universities 4.0 as Growth Points of Knowledge Economy» E. B. Kuznetsov (Program Director of JSC «Russian

Venture Company») and A. E. Engovatova (head of the Department of Scientific Policy and Organisation of Scientific Research of the Lomonosov Moscow State University) have identified the main trends in the global university environment and among them they highlight the following: university restructuring, the emergence of a market component in national higher education systems, the race for high positions in world university rankings, increasing student mobility and distance education; penetration of higher education system [4].

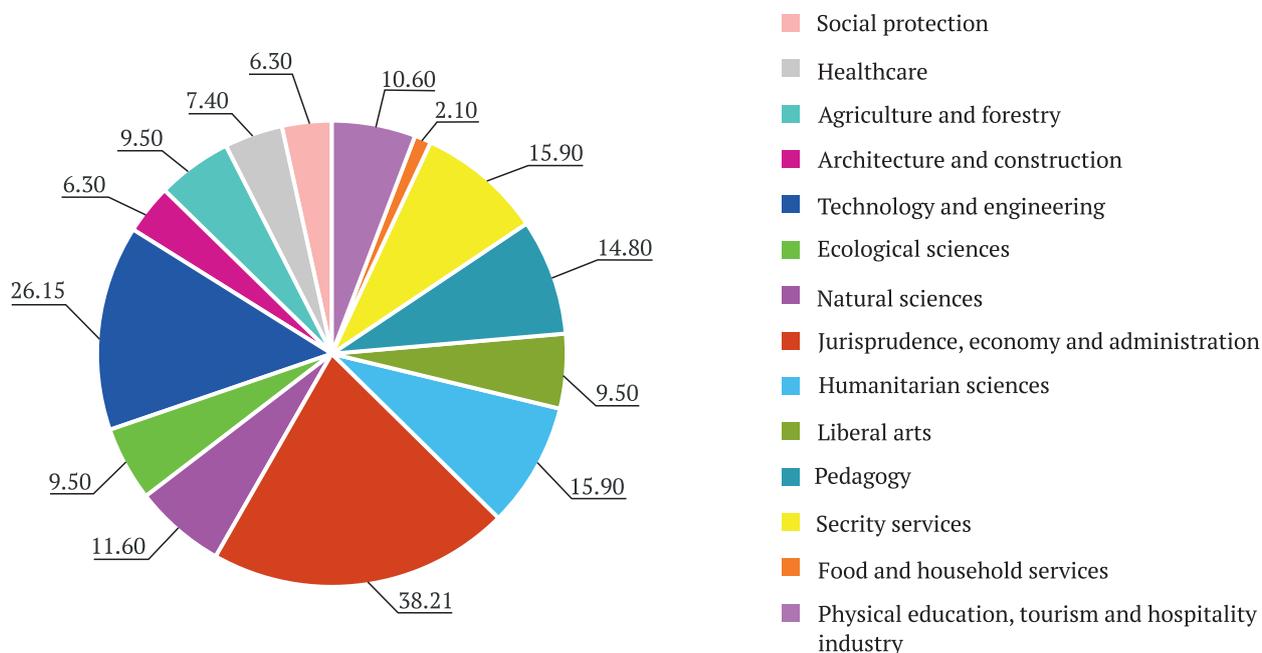
According to the results of numerous recent reviews and scientific publications, the properties of adaptability and flexibility of the organisational structure of a modern university have become the most discussed topic in the managerial elite of the academic community; different opinions have been expressed by managers, specialists and teaching staff [2; 4–7]. The main conclusion: university education, as an education, primarily focused on science, becomes an important sphere of social and economic development in a highly dynamic process of technological development. As a social institution, university education can provide a strategic advantage for a nation state. That is why a modern university has to implement a competitive strategy of its development in the global and regional market of educational services. Today, the preservation of global stability is associated with the stability of the global system, in which the differentiation and consolidation of the country's place in the educational system is taking place. Educational zones emerge where it is «politically» inexpedient to develop education, because this is the most natural and convenient way to block the development of scientific technologies, and thus the independence of the state as a whole [5].

The analysis of higher education profiles in the Republic of Belarus (figure) unfortunately shows an insufficient percentage of specialties related to the production of means of production (15 %), and at the same time 21 % are higher education institutions training specialists in the field of economics and organisation of production. We can see that in the modern university training of the national higher education system, the training of specialists in services and various humanities fields is still predominant. Technological directions, training specialists in new technologies has rather a point character, and such directions have always been determined by the national interests of the country, the state order on the competent model of a specialist. The national system of higher education through the implementation of social mission of universities should actively participate in solving the problems of nation building, implementing state programs of innovative

²Немецкие аналитики предсказали конец глобализации и начало «эпохи беспорядка» [Электронный ресурс]. URL: <https://secretmag.ru/news/nemeckie-analitiki-predskazali-konec-globalizacii-i-nachalo-epokhi-besporyadka.htm> (дата обращения: 07.01.2022).

development of the country, industry and social policy in the regions. That is why the expert community of rectors, politicians, managers and specialists is increasingly discussing the problems of interaction between the

state and the university: how universities are organised and work in modern conditions and why their missions, structures and funding principles are changing in the modern era [6]?

Distribution of higher institutions in Belarus by profile, %

In his time, T. Parsons noted that sociology deals only with one, predominantly functional aspect of social systems, namely, it studies the structures and processes relevant to the integration of these systems [8]. The American sociologist believed that the main system-forming factors of a social system are its functions related to life-support. These functions can be given to the system from the outside – the environment – and show what role the system plays in relation to it. The renowned classicist in the organisation and management of higher education systems, Burton R. Clarke, also wrote that in modern times, higher education is engaged in mastering new functions. More and more knowledge is attracted, more members of the relevant age groups are being educated in higher education, and education is having an increasingly significant impact on employment patterns and individual life chances [7].

From the perspective of the system-functional approach in the context of new challenges and requirements of the external environment, the process of designing the organisational structure and functions of the university should be seen as a sequence of acts of decision-making on the elemental and structural composition of the organisation. Specialists recommend presenting it as an iterative process that includes the following stages:

- formation of a general structural scheme and its main characteristics – the composition stage;
- elaboration of structural subdivisions and main links between them – the structuring stage;

- development of quantitative characteristics of the management apparatus, the establishment of its activities – the stage of regulation.

The most critical is the composition stage, as it determines the future direction in which the design of the organisational structure will be carried out. However, this is the least regulated stage, so in its implementation, much depends on the approach that is followed by the designer, from the model laid down in the basis for the construction of the organisation.

In the 1970s, a research group under the direction of Professor B. Z. Milner proposed a system-targeted approach to the formation of organisational structures. In this approach, the university should be viewed as an organisational system and not as a single-purpose organisation, designed to fulfill only one main function – educational services. The basis for the formation of organisational structure here should be the totality of the ultimate goals, to which the entire structured activity of the university is directed.

The ultimate goals are the goals of the highest level of the hierarchy in the structure of the university's goals, they define the content of its mission. There are four groups of such goals – educational, research, social and innovative development. As a result of setting the system of final goals, four organisational blocks oriented to ensure homogeneous groups of goals are identified. On this basis, a «complete organisational objective», i. e. a differentiated and interrelated set of actions required to achieve each major objective, is defined and

the boundary of the organisation is established – a decision is made as to which actions will be performed by the organisation itself and which will be performed outside it. The specific features of the organisation for which the structure is designed are taken into account by means of survey and analysis of the totality of factors determining the content and sequence of functions ensuring the achievement of final objectives, grouping of functions into structural subdivisions as well as the nature of relationship between individual subdivisions. The entire set of factors is described by an applied model [9; 10] that includes such characteristics as external environment, objectives and strategy, production and technological basis, personnel, organisational management structure, management processes, management, behaviour, organisational effectiveness, which in turn are combined into three classes: primary variables, management variables and effectiveness variables.

The application of this approach implies the use of such methods as goal structuring method, expert-analytical method, method of organisational modeling, as well as method of analogies. It should be recalled that the emergence of the system-target approach was largely predetermined by the trend of scientific and production associations that began in the 1960s, when the problem of optimal combination in a single organisational structure of such diverse elements as scientific, design and production organisations appeared. Therefore, the criterion of evaluating the organisational support of the final activity goals was chosen. However, it is necessary to note some ambiguity in this approach. Firstly, when considering the system of the university's ultimate goals at one decomposition level, qualitatively heterogeneous goals are singled out. Thus, educational, research and development, and scientific and technological goals can be classified as «performance goals», as it is possible to assess the performance of the university both in the short and long term based on the degree of their achievement. The same production goal, such as export of educational services, is functional, and it is defined and can only be set for specific periods of time, but its implementation ensures the achievement of the above-mentioned efficiency goals. Secondly, it is very difficult to move from performance goals to functional goals when constructing the goal tree, which can be taken as a basis for the organisational structure. There is virtually no consistent methodology and criteria for allocating functions to achieve the end goals. Experts dealing with this issue have been forced, based on their experience, to follow mainly a function-oriented approach. Therefore, the system-targeted approach develops but does not in any

way exclude the function-oriented approach. The main advantage of the system-targeted approach is the possibility to establish multivariate links between units and to form different types of management structure in accordance with the most important characteristics of the university's organisational environment. Unfortunately, domestic and translated literature does not offer other complete approaches on this issue. Mainly the authors provide recommendations for situational choice among different types of management structures or propose typical structures oriented towards marketing, innovation, development, etc.

In our opinion, it is necessary to agree with the provisions of the system-goal approach concerning the target basis for the formation of the organisational structure of the university and the need to optimise the choice taking into account the system of external and internal factors. However, the goals used or other settings derived from them, should provide the basis for the construction of the functional model of the university and the integration of the system of functions into a single organisational structure. In our opinion, these requirements are best met by such a management category as mission, which specifies how the university intends to achieve its ultimate goals.

The mission is a formal document that articulates the goals and subject matter of the university's activities. In their classic work on the systems approach and strategic planning, American scientists W. King and D. Cleland pointed out that mission formulation is setting boundaries of acceptable choices [11]. A mission should determine directly what the university intends to do in society and, indirectly, what is not in its field of interest. The formulation of the mission is a very responsible moment in university management, which predetermines most of the subsequent decisions. The mission can be the basis on which the layout of the university's functional structure can be carried out. It is also important to take into account the university's development strategy, which provides a link between current activities and future development goals, and the scope of activities, which affects the degree of completeness of the functions. In order to implement its own mission, for example, the widely discussed University 4.0 model can operate in four relatively independent spheres of activities: teaching, scientific research, economic development of entrepreneurial activity and creating the technological foundations for a new branch of production. Each of these spheres of activity is characterised by its own objectives, management principles, methods of resource allocation and control, criteria for assessing the achievement of the objectives.

Conclusion

At present, new high-tech industries around the world are experiencing a significant reduction in the life cycles of technologies and products against the back-

drop of intense competition in their respective markets. As a consequence, there is a situation where it becomes necessary to ensure competitive advantage in several

areas of social organisational system simultaneously. Each area of activity has its own individual set of functions. For example, when forming the organisational structure of a university, the designer has to make a choice – which of the system functions the university as an educational and scientific organisation will perform independently, which will be entrusted to partners in the future, and which results will be acquired and integrated into the university infrastructure. It is now becoming clear that in addition to the two traditional missions that the university carries out – educational and scientific – a third role related to participation in the development of the space of the region in which it is located plays a significant role. In this context, it is of great importance to analyse the problems of the university's interaction with key stakeholders in both internal and external environment [12]. Under the conditions of competition in the field of technological leadership, the educational institution itself should perform those functions, which are crucial for achieving competitive advantages in the global higher education industry, to the fullest extent possible. A dynamic characteristic of the competitive status of a university as an organisational system is the competitive strategy, which is an element of the overall strategy of the university and reflects how it intends to use its strategic potential to achieve market advantages over competitors in the market of higher education services. The choice of the type of competitive strategy is influenced by a large number of external and internal factors, including the availability of appropriate strategic potential.

Three generalised types of university competitive strategy can be distinguished:

- a strategy focused on a specific segment of the educational market;
- a strategy focused on the specialist model;
- a strategy focused on a set of scientific or innovative educational technologies. In the first type of

competitive strategy, the university seeks to meet the specific demands of its staff potential customers to the greatest extent possible.

By focusing on a certain competitive specialist model in a certain industry, the university aims to gain a competitive advantage by optimising the best set of professional competencies. Technological orientation implies that the focus is on the best and most cost-effective performance of individual functions. Of course, a real competitive strategy of a university should be comprehensive. However, as a rule, one of the types is predominant, according to which the decomposition of organisational structure at the upper management level is made.

The potential of the national system of university education in the Republic of Belarus is to a certain extent reflected in the positioning of Belarusian universities in the groups of various international rankings (see appendix). The general picture suggests that there is a wide range of complex activities to enhance the contribution of national universities in the intellectual and cultural capital of modern Belarusian society and to train highly professional staff for innovative development of the regional economy and the Belarusian state as a whole.

Today the social mission of university education in the national system of higher education is to promote technological independence of the country through training highly professional staff with world-class competencies and high civic responsibility. The creation of national knowledge-intensive products and their transfer to high-tech sectors of not only domestic but also foreign economies is extremely important for the Belarusian economy and production today. Based on previous experience, the national system of higher education of the Republic of Belarus, with a high degree of inter-university integration into the system of nation building, can cope with this task quite successfully.

Appendix

Positions of Belarusian universities in the rating system

Name of the rating system	Name of the institution	Position in the rating
ARWU and GRAS Physics	Belarusian State University	201–300
QS	Belarusian State University Belarusian National Technical University Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics	295 751–800 1001–1200
THE	Belarusian State University	1201
U. S. News	Belarusian State University	499 (in Europe)
CWUR	Belarusian State University	781
MosIUR	Belarusian State University Belarusian National Technical University Belarusian State Medical University Yanka Kupala State University of Grodno	301–305 1401–1500 – –

Name of the rating system	Name of the institution	Position in the rating
RUR	Belarusian State University	551
SIR	Belarusian State University	551
	Belarusian National Technical University	821
	Belarusian State Medical University	854
	Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics	866
URAP	Belarusian State University	1784
WRWU	Belarusian State University	767
QS EECA	Belarusian State University	22
	Belarusian National Technical University	82
	Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics	129
	Yanka Kupala State University of Grodno	199
	Belarusian State Technological University	201–210
	Francisk Scorina Gomel State University	251–300
	Vitebsk State University	251–300

Библиографические ссылки

1. Абрамов РН, Груздев ИА, Терентьев ЕА, Захарова УС, Григорьева АВ. Университетские преподаватели и цифровизация образования: накануне дистанционного форс-мажора. *Университетское управление: практика и анализ*. 2020;24(2):59–74. DOI: 10.15826/umpa.2020.02.014.
2. Кузьминов ЯИ, Юдкевич ММ. *Университеты в России: как это работает*. Москва: Высшая школа экономики; 2021. 616 с.
3. Стёпин ВС. *Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность* [Интернет]. 2003 [цитировано 7 января 2022 г.]. Доступно по: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/>.
4. Кузнецов ЕБ, Энгватова АА. Университеты 4.0: точки роста экономики знаний в России. *Инновации*. 2016;5(211):3–9.
5. Миронов ВВ. Деформация образования в условиях трансформации современной культуры. *Экономическое возрождение России*. 2020;1(63):50–55.
6. Альтбах ФДж, Салми Д. *Дорога к академическому совершенству: становление исследовательских университетов мирового класса*. Шульгин Н, переводчик. Москва: Весь мир; 2012. 416 с.
7. Кларк БР. *Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе*. Смирнов А, переводчик. Москва: Высшая школа экономики; 2011. 360 с.
8. Парсонс Т. *Функциональная теория изменения*. В: Добренков ВИ, редактор. *Американская социологическая мысль*. Москва: МГУ; 1994. с. 464–480.
9. Мильнер БЗ. *Теория организации*. 2-е издание. Москва: ИНФРА-М; 2000. 480 с.
10. Мильнер БЗ, Евенко ЛИ, Рапопорт ВС. *Системный подход к организации управления*. Москва: Экономика; 1983. 224 с.
11. Клиланд Д, Кинг В. *Системный анализ и целевое управление*. Горяинов ММ, Горбунов АВ, переводчики. Москва: Советское радио; 1974. 280 с.
12. Клемешев АП, Кудряшова ЕВ, Сорокин СЭ. Стейкхолдерский подход в реализации «третьей миссии» университетов. *Балтийский регион*. 2019;11(4):114–135. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-4-7.

References

1. Abramov RN, Gruzdev IA, Terentev EA, Zakharova US, Grigoryeva AV. University professors and the digitalisation of education: on the threshold of force majeure transition to studying remotely. *University Management: Practice and Analysis*. 2020;24(2):59–74. Russian. DOI: 10.15826/umpa.2020.02.014.
2. Kuz'minov YaI, Yudkevich MM. *Universitety v Rossii: kak eto rabotaet* [Universities in Russia: how it works]. Moscow: Higher School of Economics; 2021. 616 p. Russian.
3. Stepin VS. *Self-developing systems and post-non-classical rationality* [Internet]. 2003 [cited 2022 January 7]. Available from: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/>. Russian.
4. Kuznetsov EB, Engovatova AA. [Universities 4.0: points of growth of knowledge economy in Russia]. *Innovatsii*. 2016;5(211):3–9. Russian.
5. Mironov VV. Deformation of education in the transformation of modern culture. *Economic Revival of Russia*. 2020;1(63):50–55. Russian.
6. Altbach PG, Salmi J. *The road to academic excellence. The making of world-class research universities*. Washington: The World Bank; 2012. 364 p.
Russian edition: Altbach PG, Salmi J. *Doroga k akademicheskomu sovershenstvu: stanovlenie issledovatel'skikh universitetov mirovogo klassa*. Shul'gin N, translator. Moscow: Ves' mir; 416 p.

7. Clark BR. *The higher education system: academic organisation in cross-national perspective*. Smirnov A, translator. Moscow: Higher School of Economics; 2011. 360 p. Russian.
8. Parsons T. Functional change theory. In: Dobren'kov VI, editor. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought]. Moscow: Moscow State University; 1994. p. 464–480. Russian.
9. Mil'ner BZ. *Teoriya organizatsii* [Theory of organisation]. 2nd edition. Moscow: INFRA-M; 2000. 480 p. Russian.
10. Mil'ner BZ, Evenko LI, Rapoport VS. *Sistemnyi podkhod k organizatsii upravleniya* [System approach to organisational management]. Moscow: Ekonomika; 1983. 224 p. Russian.
11. Cleland D, King W. *System analysis and targeted management*. New York: McGraw Hill; 1975. 398 p.
Russian edition: Cleland D, King W. *Sistemnyi analiz i tselevoe upravlenie*. Goryainov MM, Gorbunov AV, translators. Moscow: Sovetskoe radio; 1974. 280 p.
12. Klemeshev AP, Kudryashova EV, Sorokin SE. Stakeholder approach to the implementation of the «third mission» of universities. *Baltic Region*. 2019;11(4):114–135. Russian. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-4-7.

Received by editorial board 10.03.2022.

УДК 378:37.0

КАК ИЗМЕРИТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СРЕДУ УНИВЕРСИТЕТА?

В. А. СИМХОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Рассматривается проблема оценки образовательной среды учреждения высшего образования. Подчеркивается актуальность данной проблемы в связи с тем, что оптимальная образовательная среда является одним из условий подготовки конкурентоспособных и компетентных кадров. Она целенаправленно воздействует на профессионально-личностное развитие будущего специалиста, обеспечивает его готовность к профессиональной деятельности, успешному выполнению социальных ролей и самореализации. Образовательная среда университета исследуется с позиций компетентностного подхода, в рамках которого ее элементами являются субъект-субъектные отношения (взаимодействие преподавателя и студента), цели образования и результаты обучения. Рассматривается методика DREEM (*Dundee Ready Educational Environment Measure*), разработанная Университетом Данди (Великобритания) в 1997 г. и активно используемая зарубежными университетами медицинского профиля. Валидным инструментом оценки служит анкета DREEM, вопросы-утверждения которой нацелены на выявление сильных и слабых сторон образовательной среды университета. Отмечается, что DREEM можно использовать для оценки образовательной среды белорусских учреждений высшего образования, которые готовят специалистов по разным направлениям.

Ключевые слова: образовательная среда университета; измерение и оценка образовательной среды; субъект-субъектные отношения; инструментарий DREEM (*Dundee Ready Educational Environment Measure*); описательная статистика.

HOW TO MEASURE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF UNIVERSITY?

V. A. SIMKHOVICH^a

^aBelarus State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

The article is devoted to the issue of evaluating the educational environment of a higher educational institution. The issue is of actual character since an optimal educational environment is one of the conditions for training competitive and competent specialists. University educational environment is specific as it purposefully affects the future specialist's professional and personal development, ensures his readiness for professional activity, successful fulfillment of social roles and self-realisation in the process of life. In the article the educational environment of university is considered from the viewpoint of a competency-based approach wherein the subject-subject relations (teacher-student activity), educational goals and learning outcomes are treated as elements of the educational environment. Due to the fact that there are a few native methods of evaluating the educational environment of university, the DREEM methodology (*Dundee Ready Educational Environment Measure*) developed by the University of Dundee (UK) in 1997 and actively used by foreign medical universities is suggested to consider. A valid tool for evaluation is the DREEM questionnaire with the aim to identify the strengths and weaknesses of the university educational environment. Although the DREEM questionnaire requires some adjustment in terms of taking into account the realities of the national system of higher education, fields of training and the like, wordings

Образец цитирования:

Симхович ВА. Как измерить образовательную среду университета? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;1:88–95.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-88-95>

For citation:

Simkhovich VA. How to measure educational environment of university? *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;1:88–95. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-88-95>

Автор:

Валентина Александровна Симхович – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности Института социально-гуманитарного образования.

Author:

Valentina A. Simkhovich, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of economic sociology and psychology of entrepreneurship, Institute of Social Science and Humanities Education.
simkhovich_v@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3831-6118>

of its questions are quite universal that makes it possible to use the given toolkit to evaluate the educational environment of Belarusian higher educational institutions training specialists in various fields.

Keywords: university educational environment; measure and evaluation of educational environment; subject-subject relations; DREEM (Dundee Ready Educational Environment Measure) questionnaire; descriptive statistics.

Введение

Одной из задач непрерывного образования является подготовка конкурентоспособных и компетентных специалистов для включения их в систему общественных и профессиональных отношений. Если конкурентоспособность выпускника является отсроченным результатом образования, так как определяется не столько сегодняшней востребованностью и трудоустройством, сколько мобильностью на рынке труда и успешностью профессиональной карьеры, то компетентность будущего специалиста формируется в процессе обучения в учреждении высшего образования (УВО).

Ориентация УВО на формирование профессиональной компетентности специалистов требует создания среды, побуждающей к реализации стратегических целей и задач современного образования.

Образовательная среда УВО выполняет ряд функций: образовательную, развивающую, адаптивную, коммуникативную, стимулирующую, информационную и другие, однако в большей степени ей присуща прагматическая функция, реализация которой способствует овладению профессиональными знаниями и умениями, рациональной организации повседневной деятельности, подготовке студентов к дальнейшей самостоятельной жизни. Результаты многочисленных зарубежных и отечественных исследований свидетельствуют о том, что образовательная среда, в которую погружается студент, во многом определяет его успеваемость, удовлетворенность процессом обучения, а также способствует формированию положительного образа выбранной профессии [1–3].

Трактовка феномена образовательной среды

Феномен образовательной среды трактуется с позиций, связанных с современным пониманием образования как сферы социальной жизни, а среды – как фактора образования. Многие исследователи представляют содержание и характеристики образовательной среды по-разному. С одной стороны, ее рассматривают как часть социокультурного пространства, зону взаимодействия образовательных систем, их элементов, образовательного материала и субъектов образовательного процесса [4], как подсистему социокультурной среды, совокупность исторически сложившихся факторов, обстоятельств, ситуаций, т. е. как целостность специально организованных педагогических условий, в результате взаимодействия которых происходит становление личности индивида [5, с. 134], как систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, содержащихся в социальном и пространственно-предметном компонентах образовательной среды [6, с. 110], и т. д.

С другой стороны, ряд исследователей трактуют образовательную среду сквозь призму предоставляемых образовательных возможностей [7; 8]. В частности, Е. Ю. Васильева определяет образовательную среду как упорядоченную целостную совокупность компонентов, взаимодействие и интеграция которых обуславливают наличие у УВО выраженной способности создавать условия и возможности для целенаправленного и эффективного использования

педагогического потенциала среды в интересах развития личности всех ее субъектов [7, с. 77]. Если образовательная среда предоставляет субъекту обучения возможность, которая позволяет удовлетворить его определенную потребность, у него появляется мотивация продемонстрировать активность.

В структуре образовательной среды В. И. Панов выделяет три компонента: пространственно-предметный, социальный и технологический [9, с. 340]. Пространственно-предметный – это помещения, оборудование, материалы, материально-техническое и эстетическое обеспечение занятий. Социальный компонент – это пространство межличностного взаимодействия учащихся, педагогов, психологов, администрации, а также типы этого взаимодействия. Технологический компонент – это рефлексивная оценка психологических и дидактических оснований определения целей, содержания и методов обучения, в том числе на материале авторских образовательных программ.

В зависимости от типа и вида образовательного учреждения его среда имеет определенную систему организации и управления деятельностью его субъектов. Данная система управляет их социальными контактами (образом жизни, поведением, взаимоотношениями), нормами отношения к людям, их мнениям и оценкам, информационным компонентом среды (включающим правила внутреннего распорядка, устав, законы и др.), а также ее

материальным и соматическим компонентами (условиями обучения, досуга и отдыха, психологическим микроклиматом и т. д.) [10, с. 6].

Образовательная среда университета имеет отличительные особенности. Это многопредметная и многосубъектная система, которая целенаправленно воздействует на профессионально-личностное развитие будущего специалиста, обеспечивает его готовность к профессиональной деятельности, успешному выполнению социальных ролей и самореализации [11]. По сути, это комплекс условий, возможностей и ресурсов (материальных, организационных, технологических, личностных) для получения индивидами высшего образования в учреждении, которое обеспечивает их профессиональное, общекультурное и личностное развитие.

Следует согласиться с мнением исследователей о том, что образовательная среда начинается там, где происходит встреча обучающего и обучаемого, где они начинают проектировать и создавать эту среду и как предмет, и как ресурс совместной деятельности, где между ее элементами выстраиваются определенные связи и отношения [12, с. 175; 13, с. 106]. Целенаправленное создание образова-

тельной среды обеспечивает включение обучаемого в социокультурные связи различного типа и уровня. Иными словами, образовательная среда формируется в результате взаимодействия обучающего и обучаемого. В этом плане образовательная среда УВО не является исключением.

С позиций компетентностного подхода, в рамках которого образовательная среда университета трактуется как ресурс качества профессиональной подготовки специалистов¹, речь идет о субъект-субъектных отношениях.

Субъект-субъектные отношения (взаимодействие преподавателя и студента) являются одним из элементов образовательной среды университета наряду с целями образования и результатами обучения. Уровень развития субъект-субъектных отношений (как социальных), качество пространственно-предметного содержания (цели образования и результаты обучения), а также качество связей между данными компонентами определяют результативность образовательной среды университета в целом: уровень сформированности компетенций выпускников, их удовлетворенность обучением и т. д. Результативность образовательной среды можно измерить.

Измерение и оценка образовательной среды

Вопрос об измерении образовательной среды всегда актуален. Измерив ее с помощью валидного инструментария, можно выявить слабые места, устранение которых позволит улучшить образовательную среду и, соответственно, качество профессионального обучения.

Существует ряд методик, позволяющих измерить качество образовательной среды, однако большинство из них были разработаны для оценки среды в учреждениях общего уровня образования. Например, с помощью методики педагогической экспертизы школьной среды В. А. Ясвина, инструментарием которой служит опросник [14, с. 361–369], могут быть получены первичные данные от различных экспертных групп – членов школьного сообщества (администрации, педагогов, старшеклассников, родителей, а также выпускников). Свою методику по оценке образовательной среды школы с использованием разных шкал (SACERS, FCCERS и др.) разработала группа исследователей Московского городского педагогического университета. Методика позволяет оценить такие качества школьной среды, как физическое пространство, взаимодействие учащихся, цифровая среда и структура образовательных программ [15].

Методик оценки образовательной среды в высшей школе, особенно на постсоветском простран-

стве, немного. Отметим шкалу оценки цифровой образовательной среды УВО, которую предложили исследователи Московского государственного психолого-педагогического университета. Шкала позволяет дать комплексную характеристику цифровой образовательной среды на основании таких индикаторов, как удовлетворенность учебным процессом, удовлетворенность коммуникативным взаимодействием, стрессовая напряженность, необходимость поддержки, применение нечестных стратегий при контроле знаний, доступность [16].

В связи с малым количеством отечественных методик оценки результативности образовательной среды в высшей школе хотим обратить внимание на методику, разработанную Университетом Данди (Великобритания) в 1997 г. Данная методика успешно используется образовательными учреждениями медицинского профиля. Валидным инструментом оценки служит анкета DREEM (*Dundy Ready Education Environment Measure*) [17], которая переведена на 8 языков и используется как минимум в 20 зарубежных странах. Как правило, сбор данных об образовательной среде университета осуществляется в ходе анкетного опроса, респондентами которого выступают студенты выпускного курса. Результаты опроса используются для выявления сильных и слабых сторон образовательной среды УВО.

¹Артюхина А. И. Образовательная среда высшего учебного заведения как педагогический феномен (на материале проектирования образовательной среды медицинского университета) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.08. Волгоград, 2007. С. 7.

Успешность инструментария DREEM подтверждает российский опыт его применения в одном из медицинских учреждений – Первом Московском государственном медицинском университете имени И. М. Сеченова (далее – Сеченовский университет). Для оценки образовательной среды Сеченовского университета анкета переведена на русский язык и адаптирована для российской аудитории. Кроме того, предложенный вариант инструментария под-

вергся экспертизе социолога. Методика адаптации российской версии DREEM и результаты опроса представлены в работе [18].

Анкета DREEM включает 50 вопросов-утверждений (см. таблицу). Следует отметить, что порядок следования вопросов в данной анкете в разных литературных источниках может несколько отличаться. В своей работе мы используем русскоязычную версию Сеченовского университета.

**Перечень вопросов-утверждений анкеты DREEM
по версии Сеченовского университета**

**List of questions of DREEM questionnaire in version
of I. M. Sechenov First Moscow State Medical University**

№ п/п	Вопрос-утверждение
1	Я с удовольствием посещаю занятия
2	Преподаватели хорошо знают свой предмет
3	Для студентов, страдающих от стресса, существует хорошая система поддержки
4	Я слишком устал, чтобы получать удовольствие от этой образовательной программы
5	Стратегии обучения, которые раньше работали на меня, и теперь продолжают работать на меня
6	Преподаватели терпеливо работают с пациентами
7	Обучение часто мотивирует меня к учебе
8	Преподаватели высмеивают студентов
9	Преподаватели авторитарны
10	Я уверен, что смогу успешно окончить этот год обучения
11	Практические занятия в больничной палате проходят в непринужденной обстановке
12	Расписание учебных занятий составлено хорошо
13	Обучение ориентировано на студента
14	Мне редко становится скучно на занятиях по дисциплинам этой образовательной программы
15	У меня есть хорошие друзья в УВО
16	Обучение направлено на достижение целей образовательной программы / образования
17	Одной из проблем в данном образовательном учреждении является списывание
18	У преподавателей хорошо развиты навыки общения с пациентами
19	Моя социальная жизнь находится на должном уровне
20	Преподавание четко направлено на достижение целей обучения
21	Мне кажется, что я хорошо подготовлен к работе в своей будущей профессии
22	Обучение способствует развитию уверенности в себе
23	Лекции проходят в спокойной, комфортной обстановке
24	Учебное время проходит не впустую, а с пользой
25	Теории больше, чем практического обучения
26	Программа прошлого учебного года была достаточно хорошей подготовкой к программе этого года
27	Я могу запомнить всю необходимую мне информацию
28	Я редко чувствую себя одиноким

Окончание таблицы
Ending table

№ п/п	Вопрос-утверждение
29	Преподаватели хорошо наладили обратную связь со студентами (они охотно отвечают на вопросы студентов по предмету)
30	У меня есть возможность совершенствовать свои навыки межличностного общения
31	Я много узнал о роли сопереживания (эмпатии) в своей профессии
32	Преподаватели используют конструктивную критику на своих занятиях
33	На занятиях я комфортно себя чувствую в общении
34	Семинары и практические занятия проходят в спокойной, комфортной обстановке
35	Я разочарован тем опытом, который получаю
36	Я могу хорошо сконцентрироваться, сосредоточиться
37	Преподаватели приводят понятные примеры
38	Я четко понимаю цели обучения по данной образовательной программе
39	Преподаватели злятся, раздражаются на занятиях
40	Преподаватели добросовестно готовятся к своим занятиям
41	Мои навыки решения профессиональных задач хорошо развиваются на занятиях
42	Удовольствие, которое я получаю от учебы, сильнее, чем стресс от изучения медицины
43	Обстановка на занятиях мотивирует и подогревает мой интерес к учебе
44	Преподавание побуждает меня быть активным при обучении
45	Многое из того, что образовательная программа определяет как обязательное, имеет прямое отношение к моей карьере в области медицины
46	Меня вполне устраивают мои жилищные условия / условия проживания
47	Приоритет отдается не краткосрочному, а долгосрочному накоплению знаний
48	Обучение слишком ориентировано на преподавателя
49	Я чувствую, что могу свободно задавать любые интересующие меня вопросы
50	Мне кажется, что студенты раздражают преподавателя

Каждый вопрос-утверждение анкеты оценивается по 5-балльной шкале Лайкерта со следующими вариантами ответов: «Полностью согласен», «Скорее согласен», «Затрудняюсь ответить», «Скорее не согласен», «Полностью не согласен». Опросник содержит положительные и отрицательные утверждения. Положительные утверждения кодируются следующим образом: 4 балла – «Полностью согласен», 3 – «Скорее согласен», 2 – «Затрудняюсь ответить», 1 – «Скорее не согласен», 0 баллов – «Полностью не согласен». Для отрицательных вопросов-утверждений 4, 8, 9, 17, 25, 35, 39, 48 и 50 используется обратное оценочное кодирование ответов – от 0 («Полностью согласен») до 4 («Полностью не согласен») баллов.

Суммирование ответов респондентов дает общий балл (показатель) и имеет следующие интерпретации образовательной среды: 0–50 баллов – очень плохая, 51–100 – имеет множество проблем, 101–150 – скорее положительная, чем отрицательная, 151–200 баллов – идеальная [19]. Иными сло-

вами, более высокий общий балл означает более высокую положительную оценку. Максимальный балл в системе DREEM равен 200, что соответствует идеальной образовательной среде.

Анализ результатов исследования проводится на основе методов описательной статистики с применением пакета программ *Microsoft Office Excel 2016*. Альфа Кронбаха оценивается в программе *SPSS statistics 20.0*.

Конечно, данный инструментарий не идеален по причине того, что требует учета реалий отечественной системы высшего образования. Это связано с тем, что, с одной стороны, белорусские УВО продолжают осуществлять подготовку специалистов в рамках специальностей, специализаций, направлений и профилизаций, а не образовательных программ. С другой стороны, направление обучения в конкретном УВО (подготовка педагогов, экономистов, лингвистов и т. д.) требует корректировки вопросов 6, 11, 18, 31, 42 и 45 в плане учета данного

аспекта либо замены их формулировок. Например, вопрос 31 о роли сопереживания (эмпатии) может касаться профессии педагога, управленца, социального работника, но слабо коррелирует с профессией инженера или экономиста. Вопрос 45 может звучать так: «Многое из того, что обучение в рамках данной специальности определяет как обязательное, имеет прямое отношение к моей профессии в области педагогики / экономики / IT-сферы и т. д.». Вопрос 42 может быть представлен следующим образом: «Удовольствие, которое я получаю от учебы, сильнее, чем стресс от изучения радиотехники / технологии машиностроения / сурдопедагогики / геодезии и т. д.».

Поскольку вопросы-утверждения 6, 11 и 18, требующие корректировки, объединяет практическая сторона обучения, для них можно предложить следующие варианты. Для утверждения 11 предлагаем такой вариант: «Практические занятия во время производственной практики проходят в неприужденной обстановке». В утверждениях 6 («Преподаватели терпеливо работают с пациентами») и 18 («У преподавателей хорошо развиты навыки общения с пациентами») слово «пациенты» можно заменить на название потребителей услуг или заказчиков специалистов конкретного УВО: «клиенты», «ученики» и т. д. В вопросе 31 («Я много узнал о роли сопереживания (эмпатии) в своей профессии») слово «эмпатия» в зависимости от специфики профессии может быть заменено на слова «коммуникация», «умение убеждать», «техническая грамотность», «риторика» и т. д.

В ряде случаев некоторые вопросы по разным причинам исключались из опросника. Так, в исследовании [20] вопрос 46 был исключен в силу того, что условия проживания респондентов, студентов Витватерстрандского университета (Йоханесбург), очень сильно различались. Для его проведения потребовалось также одобрение Комитета по этике исследования человека данного учебного заведения.

В целом формулировки подавляющего большинства вопросов-утверждений достаточно универсальны, что позволяет использовать их в инструментарию при проведении опросов студентов разных направлений подготовки.

Можно также отметить, что опросник DREEM охватывает не все элементы образовательной среды УВО. Такие, как, например, физическое пространство, цифровая среда или структура образовательных программ, не представлены в анкете. Однако состояние физического пространства, уровень цифровой среды очень часто соотносятся, в том числе с финансовыми возможностями образовательного учреждения. Достоинство инструментарию DREEM

состоит в том, что он нацелен на оценку уровня развития субъект-субъектных отношений, качества предметного содержания, а также связей между этими компонентами. Собственно, по этой причине вопросы можно сгруппировать в пять подразделов или шкал (термин Сеченовского университета). Каждая подразделка нацелена на то, чтобы выяснить, как студенты воспринимают:

- процесс обучения (12 утверждений под номерами 1, 7, 13, 16, 20, 22, 24, 25², 38, 44, 47 и 48* с максимальным количеством баллов 48);
- преподавателей в образовательном процессе (11 утверждений под номерами 2, 6, 8*, 9*, 18, 29, 32, 37, 39*, 40 и 50* с максимальным количеством баллов 44);
- собственную успеваемость (8 утверждений под номерами 5, 10, 21, 26, 27, 31, 41 и 45 с максимальным количеством баллов 32);
- образовательную атмосферу (12 утверждений под номерами 11, 12, 17*, 23, 30, 33, 34, 35*, 36, 42, 43 и 49 с максимальным количеством баллов 48);
- социальное самовосприятие (7 утверждений под номерами 3, 4*, 14, 15, 19, 28 и 46 с максимальным количеством баллов 28).

Результаты, полученные при использовании опросника DREEM [1–3], могут рассматриваться на трех уровнях: на уровне отдельных утверждений, подразделки (шкал) и общего балла (показателя) DREEM. Исходные баллы, полученные для утверждений, входящих в каждую из 5 подразделок, суммируются для каждого участника. Затем выводится среднее значение этого суммарного показателя в рамках соответствующей подразделки. Чтобы вычислить общий показатель DREEM, нужно сложить суммарные показатели для всех подразделок.

Кроме того, по всем 50 вопросам также можно подсчитать средний балл. Средний балл вопросов по всем участникам позволяет выявить сильные и слабые места образовательной среды УВО. Так, вопросы, которые имеют средний балл 3,5 и выше, указывают на те стороны образовательной среды, которые респонденты оценили высоко. Вопросы со средним значением от 2 до 3 указывают на те стороны образовательной среды, которые можно было бы улучшить, а вопросы со средним баллом 2 или менее администрации УВО необходимо изучить более внимательно, поскольку они указывают на проблемные области. Например, средний балл 3,5 за положительное утверждение: «Обучение способствует развитию уверенности в себе» – будет означать, что студенты позитивно воспринимают тот факт, что обучение в УВО развивает их уверенность, в то время как тот же балл за отрицательное утверждение: «Преподаватели высмеивают студентов» – подразумевает,

²Номер вопроса, который имеет отрицательный подтекст (далее отмечены знаком *). Ответ на данный вопрос оценивается в обратном порядке.

что студенты не согласны с тем, что преподаватели высмеивают их. Аналогично средний балл 2 или менее по положительному утверждению: «Преподавание четко направлено на достижение целей обучения» – означает, что респонденты оценивают

преподавание как не сфокусированное на достижение целей обучения, в то время как тот же балл по отрицательному утверждению: «Я разочарован тем опытом, который получаю» – подразумевает, что студенты недовольны получаемыми знаниями.

Заключение

Таким образом, даже краткий анализ инструментария DREEM позволяет сделать вывод о том, что данная анкета требует корректировки в плане учета реалий отечественной системы высшего образования, направлений профессиональной подготовки и других, но ее можно использовать для оценки образовательной среды УВО, которые готовят кадры по разным направлениям. В то же время применение инструментария DREEM следует рассматривать как

попытку предварительного анализа образовательной среды УВО. Вполне вероятно, что будущие оценки будут проводиться с включением большего количества переменных. Возможен вариант, что анкета DREEM послужит основой для модифицированного опросника, более подходящего для контекста образовательной среды конкретного университета, с дополнительным качественным компонентом для лучшего изучения ее восприятия студентами.

Библиографические ссылки

1. Lizzio A, Wilson K, Simons R. University students' perceptions of the learning environment and academic outcomes: implications for theory and practice. *Studies in Higher Education* [Internet]. 2002 [cited 2021 November 20];27(1):27–52. DOI: 10.1080/03075070120099359. Available from: https://www.researchgate.net/publication/225083767_University_Students'_Perceptions_of_the_Learning_Environment_and_Academic_Outcomes_Implications_for_Theory_and_Practice.
2. Audin K, Davy J, Barkham M. University Quality of Life and Learning (UNIQLL): an approach to student well-being, satisfaction and institutional change. *Journal of Further and Higher Education* [Internet]. 2003 [cited 2021 November 20];27(4):365–382. Available from: <http://dx.doi.org/10.1080/0309877032000128073>.
3. Маура SS, Roff S. Students' perceptions of educational environment: a comparison of academic achievers and under-achievers at Kasturba Medical College, India. *Education for Health (Abingdon)* [Internet]. 2004 [cited 2021 November 20];17(3):280–291. DOI: 10.1080/13576280400002445. Available from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15848815/>.
4. Щербак ТН. К вопросу о структуре образовательной среды учебных учреждений. *Молодой ученый* [Интернет]. 2012 [процитировано 15 ноября 2021 г.];5(40):545–548. Доступно по: <https://moluch.ru/archive/40/4867/>.
5. Тарасов СВ. Образовательная среда: понятие, структура, типология. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2011;3(3):133–138.
6. Ясвин ВА. *Образовательная среда: от моделирования к проектированию*. Москва: Смысл; 2001. 365 с.
7. Васильева ЕЮ. Образовательная среда вуза как объект управления и оценки. *Университетское управление: практика и анализ*. 2011;4:76–78.
8. Гущина ТН. Педагогическая сущность феномена «образовательная среда»: по материалам исследования. *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2011;4:187–190.
9. Панов ВИ. *Психодидактика образовательных систем: теория и практика*. Санкт-Петербург: Питер; 2007. 352 с.
10. Новиков ВН. Образовательная среда вуза как профессионально и личностно стимулирующий фактор. *Психологическая наука и образование*. 2012;1:1–8.
11. Братко МВ. Освітнє середовище вищого навчального закладу: функціональний аспект. *Педагогічний процес: теорія і практика*. 2015;1–2 (46–47):11–18.
12. Слободчиков ВИ. О понятии образовательной среды в концепции развивающего образования. В: Панов ВИ, редактор. *Тезисы Второй российской конференции по экологической психологии; 12–14 апреля 2000 г.; Москва, Россия*. Москва: Экспоцентр РОСС; 2000. с. 172–176.
13. Леонтьева ОВ. Культурно-образовательная среда вуза как психолого-педагогическая проблема. *Образование и общество*. 2009;6:106–111.
14. Ясвин ВА. *Школьная среда как предмет измерения: экспертиза, проектирование, управление*. Москва: Народное образование; 2019. 448 с.
15. Барсукова ЕМ, Белолуцкая АК, Иванова ЕВ, Ле-ван ТН, Шмис ТГ, Устинова МА и др. *Формирование современной образовательной среды*. Москва: Московский городской педагогический университет; 2019. 57 с.
16. Сорокова МГ, Одинцова МА, Радчикова НП. Шкала оценки цифровой образовательной среды (ЦОС) университета. *Психологическая наука и образование*. 2021; 26(2):52–65.
17. Майлс С, Свифт Л, Лайнстер СДж. Быстрая система оценки образовательной среды Университета Данди (Dundee Ready Education Environment Measure, DREEM): обзор ее использования и внедрения в практику. Авакян ЭИ, переводчик. *Медицинское образование и профессиональное развитие*. 2020;11(2):150–174.
18. Касимовская НА, Кабрера ЭТ, Полещук ИА, Гераськина НС. Применение инструмента Университета Данди (Dundee Ready Education Environment Measure, DREEM) для оценки образовательной среды при подготовке бакалавров по направлению «сестринское дело». *Медицинское образование и профессиональное развитие*. 2020;11(3):194–204. DOI: 10.24411/2220-8453-2020-13017.

19. Asmita AP, Vijaya LC. Students' perception of the educational environment in medical college: a study based on DREEM questionnaire. *Korean Journal of Medical Education* [Internet]. 2016 [cited 2021 October 12];28(3):281–288. Available from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/27363503/>. DOI: 10.3946/kjme.2016.32.
20. Dreyer A, Gibbs A, Smally S. Clinical Associate students' perception of the educational environment at the University of the Witwatersrand, Johannesburg. *African Journal of Primary Health Care & Family Medicine* [Internet]. 2015 [cited 2021 October 12];7(1):1–8. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4564909/>. DOI: 10.4102/phcfm.v7i1.778.

References

1. Lizzio A, Wilson K, Simons R. University students' perceptions of the learning environment and academic outcomes: implications for theory and practice. *Studies in Higher Education* [Internet]. 2002 [cited 2021 November 20];27(1):27–52. DOI: 10.1080/03075070120099359. Available from: https://www.researchgate.net/publication/225083767_University_Students'_Perceptions_of_the_Learning_Environment_and_Academic_Outcomes_Implications_for_Theory_and_Practice.
2. Audin K, Davy J, Barkham M. University Quality of Life and Learning (UNIQL): an approach to student well-being, satisfaction and institutional change. *Journal of Further and Higher Education* [Internet]. 2003 [cited 2021 November 20];27(4):365–382. Available from: <http://dx.doi.org/10.1080/0309877032000128073>.
3. Mayya SS, Roff S. Students' perceptions of educational environment: a comparison of academic achievers and under-achievers at Kasturba Medical College, India. *Education for Health (Abingdon)* [Internet]. 2004 [cited 2021 November 20];17(3):280–291. DOI: 10.1080/13576280400002445. Available from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15848815/>.
4. Shcherbakova TN. To the issue of the structure of educational environment of learning institutions. *Molodoi uchenyi* [Internet]. 2012 [cited 2021 November 15];5(40):545–548. Available from: <https://moluch.ru/archive/40/4867/>. Russian.
5. Tarasov SV. [Educational environment: concept, structure, typology]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. 2011;3(3):133–138. Russian.
6. Yasvin VA. *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Educational environment: from modelling to designing]. Moscow: Smysl; 2001. 365 p. Russian.
7. Vasilyeva EJ. Educational environment in university as object of management and evaluation. *University Management: Practice and Analysis*. 2011;(4):76–82. Russian.
8. Gushchina TN. [Pedagogical essence of the phenomenon of «educational environment»: based on research materials]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. 2011;4:187–190. Russian.
9. Panov VI. *Psikhodidaktika obrazovatel'nykh sistem: teoriya i praktika* [Psycho-didactics of educational systems: theory and practice]. Saint Petersburg: Piter; 2007. 352 p. Russian.
10. Novikov VN. Educational environment of higher educational institution must be professionally and personally stimulating. *Psychological Science and Education*. 2012;1:1–8. Russian.
11. Bratko MV. [Educational environment of higher education institution: functional aspect]. *Pedagogichnyy proces: teoriya i praktyka*. 2015;1–2(46–47):11–18. Ukrainian.
12. Slobodchikov VI. [On the concept of educational environment in the conception of developmental education]. In: Panov VI, editor. *Tezisy Vtoroi rossiiskoi konferentsii po ekologicheskoi psikhologii; 12–14 aprelya 2000 g.; Moskva, Rossiya* [Abstracts of the Second Russian conference on environmental psychology; 2000 April 12–14; Moscow, Russia]. Moscow: Ekopsitsentr ROSS; 2000. p. 172–176. Russian.
13. Leont'eva OV. [Cultural and educational environment of higher education institution as psychological and pedagogical issue]. *Obrazovanie i obshchestvo*. 2009;6:106–111. Russian.
14. Yasvin VA. *Shkol'naya sreda kak predmet izmereniya: ekspertiza, proektirovanie, upravlenie* [School environment as subject of measurement: expertise, design, management]. Moscow: Narodnoe obrazovanie; 2019. 448 p. Russian.
15. Barsukova EM, Belolutskaya AK, Ivanova EV, Le-van TN, Shmis TG, Ustinova MA, et al. *Formirovanie sovremennoi obrazovatel'noi sredy* [Formation of modern educational environment]. Moscow: Moscow City Pedagogical University; 2019. 57 p. Russian.
16. Sorokova MG, Odintsova MA, Radchikova NP. Scale for Assessing University Digital Educational Environment (AUDEE Scale). *Psychological Science and Education*. 2021;26(2):52–65. DOI:10.17759/pse.2021260205. Russian.
17. Miles S, Swift L, Leinster SJ. The Dundee Ready Education Environment Measure (DREEM): a review of its adoption and use. *Medical Teacher*. 2012;9(34):620–634. DOI: 10.3109/0142159X.2012.668625.
- Russian edition: Miles S, Swift L, Leinster SJ. The Dundee Ready Education Environment Measure (DREEM): a review of its adoption and use. Avakyan EI, translator. *Medical Education and Professional Development*. 2020;11(2):150–174.
18. Kasimovskaya NA, Cabrera ET, Poleschuk IA, Geras'kina NS. Assessing the educational environment in pursuing a bachelor's degree in «nursing» by using Dundee Ready Education Environment Measure (DREEM). *Medical Education and Professional Development*. 2020;11(3):194–204. Russian. DOI: 10.24411/2220-8453-2020-13017.
19. Asmita AP, Vijaya LC. Students' perception of the educational environment in medical college: a study based on DREEM questionnaire. *Korean Journal of Medical Education* [Internet]. 2016 [cited 2021 October 12];28(3):281–288. Available from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/27363503/>. DOI: 10.3946/kjme.2016.32.
20. Dreyer A, Gibbs A, Smally S. Clinical Associate students' perception of the educational environment at the University of the Witwatersrand, Johannesburg. *African Journal of Primary Health Care & Family Medicine* [Internet]. 2015 [cited 2021 October 12];7(1):1–8. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4564909/>. DOI: 10.4102/phcfm.v7i1.778.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2022.
Received by editorial board 01.02.2022.

УДК 316.6:616-036.21(476)

ХАРАКТЕРИСТИКИ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ К COVID-19 СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е. В. ШКУРОВА¹⁾, Е. Н. НОВИЦКИЙ¹⁾, М. А. КУДРЕВИЧ¹⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220012, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты исследования общественного мнения о COVID-19 в Республике Беларусь. Разработана модель типологии способов социальной адаптации к COVID-19. Описаны реализуемые населением стратегии данной адаптации. Отмечается, что ключевыми параметрами конструирования типологии являются уровень тревожности, самоидентификация с типом реакции, периодичность отслеживания информации о COVID-19, разнообразие выполняемых мер профилактики. Сопоставление описанных моделей поведения с другими показателями позволяет составить социальный портрет приверженцев различных стратегий, выявить особенности выбора источников информации о COVID-19 и частоту их использования, динамику отношения населения к медицинской сфере, в том числе к вакцинации. Существенное значение для формирования стратегий социальной адаптации к COVID-19 имеют система контроля и меры профилактики в образовательных и профессиональных организациях.

Ключевые слова: распространение COVID-19; социологическое исследование; социальная адаптация; стратегии социальной адаптации; социальная норма; интериоризация.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № Г21КОВИД017 «Стратегии социальной адаптации населения Республики Беларусь в условиях распространения инфекции COVID-19».

CHARACTERISTICS AND FORMATION FACTORS OF STRATEGIES FOR SOCIAL ADAPTATION TO COVID-19 AMONG THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. V. SHKUROVA^a, Ya. N. NAVITSKY^a, M. A. KUDREVICH^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220012, Belarus

Corresponding author: A. V. Shkurova (vogel_82@mail.ru)

The article presents the results of public opinion study on COVID-19 in the Republic of Belarus. The strategies of social adaptation implemented by the population are presented and described in accordance with the developed model of the

Образец цитирования:

Шкурова ЕВ, Новицкий ЕН, Кудревич МА. Характеристики и факторы формирования стратегий социальной адаптации к COVID-19 среди населения Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;1:96–103.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-96-103>

For citation:

Shkurova AV, Navitsky YaN, Kudrevich MA. Characteristics and formation factors of strategies for social adaptation to COVID-19 among the population of the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;1:96–103. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-96-103>

Авторы:

Елена Валерьевна Шкурова – кандидат социологических наук, доцент; заведующий Центром оперативных исследований.

Евгений Николаевич Новицкий – научный сотрудник Центра оперативных исследований.

Максим Александрович Кудревич – стажер младшего научного сотрудника Центра оперативных исследований.

Authors:

Alena V. Shkurova, PhD (sociology), docent; head of the Operational Research Centre.

vogel_82@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1214-0783>

Yauhen N. Navitsky, researcher at the Operational Research Centre.

e.novickiy@tut.by

Maxim A. Kudrevich, trainee of the junior researcher at the Operational Research Centre.

tsmok21@gmail.com

typology of methods of social adaptation. The key parameters for constructing a typology are the level of anxiety, self-identification with the type of reaction, the frequency of tracking information about COVID-19; a variety of preventive measures performed. In addition, based on the comparison of the described behaviours with other indicators, one can judge the specifics of the social portrait of adherents of various strategies, the specifics of choosing sources of information about COVID-19 and the frequency of their use, the dynamics of attitudes towards the medical field, including vaccination. The system of social control and the adoption of preventive measures in educational and professional organisations are essential for the formation of strategies for social adaptation.

Keywords: spread of COVID-19; sociological research; social adaptation; social adaptation strategies; social norm; interiorisation.

Acknowledgements. The work was carried out with the support of the Belarusian Republican Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. Г21КОВИД017 «Strategies for social adaptation of the population of the Republic of Belarus in the conditions of the spread of COVID-19 infection».

Введение

Пандемия COVID-19 – феномен, который еще подлежит изучению и оценке со стороны экспертных и управленческих сообществ. Уже сейчас его можно назвать одним из главных факторов социальных изменений XXI в., однако осмысление характера и масштаба связанных с ним трансформаций станет возможным лишь по прошествии времени.

Пандемия непосредственно коснулась и Республики Беларусь: к сентябрю 2021 г. диагноз COVID-19 был поставлен $\frac{1}{15}$ части населения Беларуси¹, что является достаточно высоким показателем. Были приняты многочисленные меры профилактики, вследствие чего все население Беларуси адаптировалось к новым условиям функционирования социальной сферы.

Методология исследования

В 2020–2021 гг. (в апреле, мае, октябре, ноябре 2020 г. и марте 2021 г.) сотрудники Института социологии НАН Беларуси произвели ряд замеров общественного мнения белорусского населения по вопросам распространения COVID-19. Исследование осуществлялось с помощью системы автоматизированного компьютеризированного телефонного интервью САТИ (объем выборки составил 1050 ре-

спондентов с контролем квот по полу, возрасту, типу населенного пункта, образованию; ошибка выборки $\pm 3\%$). Эмпирической базой данной работы являются результаты проведенного в марте 2021 г. исследования, основной целью которого было выявление стратегий социальной адаптации населения Республики Беларусь к условиям распространения инфекции COVID-19.

Результаты и их обсуждение

Способность населения к адаптации является необычайно ценным ресурсом общества, особенно сегодня, когда в социальной сфере динамика начинает преобладать над устойчивостью. В этом смысле социальной адаптацией к COVID-19 являются приспособление населения к мерам профилактики заболевания, снижение стрессовости и напряженности в отношении угроз распространения инфекции, частичное принятие текущей ситуации как так называемой новой нормальности социального пространства [1]. Результатом социальной адаптации выступает интериоризация – общее принятие норм и практик, сформированных под влиянием COVID-19. В то же время адаптация конкретных социальных агентов может не привести к формированию новых норм и практик (например, в случае игнорирования проблем и изменений) или не пройти стадию интериоризации, т. е. не закрепить-

ся в качестве общей модели поведения населения. В связи с этим можно говорить о таких более частных относительно процесса социальной адаптации феноменах, как стратегии социальной адаптации.

Стратегия социальной адаптации – это универсализированная форма субъективных реакций на внешний вызов (в данном случае распространение COVID-19). Исходя из того что совокупность таких реакций может колебаться в диапазоне от крайне негативных до абсолютно позитивных, была разработана модель их оценки, на основании которой осуществляется типологизация стратегий социальной адаптации. Поскольку предрасположенность к определенному типу реакциям задается социальной установкой, конструирование модели проводится на трех уровнях: когнитивном, поведенческом и аффективном. В рамках каждого уровня на основе исследовательского инструментария определен набор

¹За сутки в Беларуси зарегистрированы 1910 пациентов с COVID-19, выписаны 2638 // БелТА [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/society/view/za-sutki-v-belarusi-zaregistrirovany-1910-patsientov-s-covid-19-vypisany-2638-469409-2021/> (дата обращения: 13.11.2021).

переменных (индикаторов), которые служат критериями оценки социальных реакций на отдельные аспекты распространения COVID-19. Далее посредством расчета системы коэффициентов проведена процедура снижения размерности пространства

переменных: ответам респондентов присваиваются значения в диапазоне от минимального (характеризуют негативные реакции) до максимального (характеризуют положительные реакции) в логике построения арифметической прогрессии (табл. 1).

Таблица 1

Модель типологии стратегий социальной адаптации к распространению COVID-19

Table 1

Model typology of strategies for social adaptation to the spread of COVID-19

Уровень модели	Критерий оценки социальных реакций	Максимальное значение коэффициента	
Когнитивный	Самоидентификация с типом реакции (соотношение с предложенными высказываниями)	0,30	
Аффективный	Уровень тревожности	0,25	
Поведенческий	Периодичность отслеживания информации о COVID-19	0,10	0,45
	Выполнение мер профилактики COVID-19 (их разнообразие)	0,35	

Оценка социальных реакций населения осуществляется на основе вычисления суммарных значений коэффициентов, максимальное число которых составляет 1. Типологизация стратегий адаптации конструируется на основании совокупности значимых критериев в рамках следующих диапазонов:

- [0,0; 0,3] – группа А;
- (0,3; 0,7) – группа В;
- [0,7; 1,0] – группа С.

Структурирование системы значений в рамках коэффициентов позволяет унифицировать диапазон ответов респондентов и, с одной стороны, выявить наиболее распространенную модель оценки и поведения в условиях распространения COVID-19, а с другой – обозначить выходящие из статистически нормального распределения стратегии [2].

Таким образом, на основе модели можно выделить три типа стратегий социальной адаптации. Статистически наиболее широкий диапазон распределения ответов представлен в группе В (71,4 % респондентов). Тенденции поведения респондентов в данной группе можно обозначить как COVID-нормальную стратегию социальной адаптации, которая отражает наиболее распространенные и интериоризированные практики и оценки белорусов в отношении инфекции COVID-19. В соответствии с предложенной схемой расчета коэффициентов она характеризуется умеренным (чаще рационализированным) уровнем тревожности, относительно регулярным отслеживанием информации о COVID-19, выполнением необходимых норм и мер профилактики, а также осознанным отношением к проблеме распространения заболевания.

Второй по величине стала группа С (18,8 % опрошенных). Она характеризуется повышенным или максимальным уровнем тревожности, регулярным отслеживанием информации о COVID-19, часто избыточным выполнением норм и мер профилактики, а также неосознанно высоким страхом перед пандемией. Соответственно, такую поведенческую модель можно отнести к COVID-панической стратегии социальной адаптации.

Наименьшей по величине стала группа А (9,8 % респондентов), представители которой реализуют COVID-диссидентскую стратегию социальной адаптации. Для них характерно преимущественное отсутствие тревожности и страха перед распространением пандемии, редкое отслеживание информации о пандемии или прямой отказ от него, пренебрежение мерами профилактики или минимальное их выполнение, а также осознанное игнорирование проблемы распространения заболевания. Общее распределение групп представлено на рисунке.

Представленное распределение поведенческих стратегий позволяет судить о нормализации уровня тревожности в стране, а также о приобщении белорусов к реализации мер профилактики, что обусловлено, вероятно, длительностью их применения. Так, например, сопоставимые по методологии исследования российского населения, проведенные в период первой волны COVID-19, демонстрировали больший разброс стратегий восприятия эпидемиологической угрозы [3].

Дифференциация стратегий социальной адаптации к COVID-19 представляет идеальные типы

поведенческих моделей. Судить о социальном портрете и социальной активности приверженцев той или иной модели можно на основании сопряжения типологических стратегий с социально-демографическими показателями, индикаторами использования источников информации, а также на основании

отношения к медицинской сфере и мер профилактики, реализуемых населением.

Особенности стратегий социальной адаптации в разрезе социально-демографических групп (половозрастных характеристик населения) представлены в табл. 2.

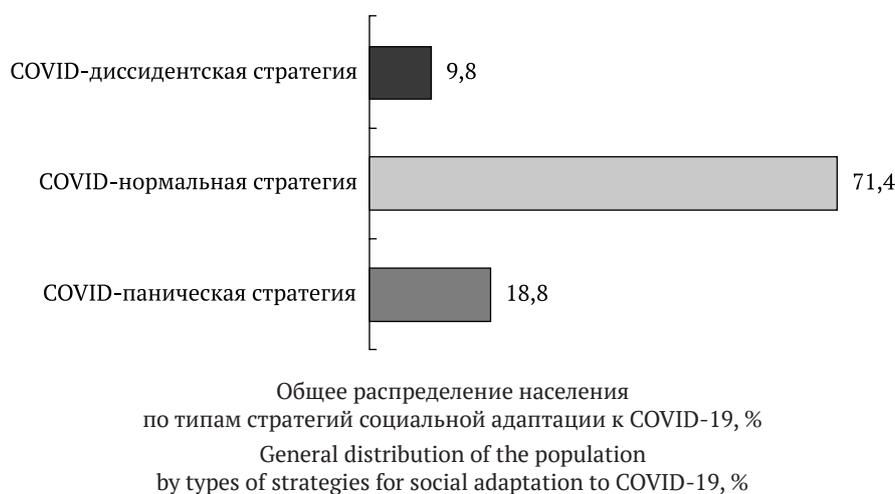

Таблица 2

Распределение населения по типам стратегий социальной адаптации к распространению COVID-19 в зависимости от пола и возраста, %

Table 2

Population distribution by type of social adaptation strategies to the spread of COVID-19 depending on gender and age, %

Стратегии социальной адаптации к COVID-19	Пол		Возраст		
	Мужской	Женский	18–29	30–54(59)*	55(60) и старше**
COVID-паническая	38,3	61,7	7,7	43,5	48,8
COVID-нормальная	46,1	53,9	24,3	50,6	25,0
COVID-диссидентская	54,0	46,0	28,5	47,6	23,9

Примечание. * – пороговые границы возрастной группы для женщин составляют 54 года, для мужчин – 59 лет; ** – пороговые границы возрастной группы для женщин составляют 55 лет, для мужчин – 60 лет.

Так, для представителей старшей возрастной группы (женщины в возрасте 55 лет и старше, мужчины в возрасте 60 лет и старше) характерным является перекоп в сторону панических настроений и меньшая приверженность COVID-нормальной стратегии социальной адаптации, что частично может объясняться наибольшим относительно других возрастных групп уровнем тяжести заболевания и летальности. Представители молодежи (18–29 лет), напротив, менее склонны к паническим настроениям, более склонны к нормальному поведению и диссидентству. Представители средней возрастной группы (30–54(59) лет) тяготеют к нормальному статистическому распределению.

Оценка распределения ответов респондентов в зависимости от пола демонстрирует заметно больший удельный вес женщин среди группы, реализующей COVID-паническую стратегию, а также мужчин среди группы, реализующей COVID-диссидентскую стратегию. Для COVID-нормальной стратегии характерно стандартное статистическое распределение по полу в структуре белорусского населения. В разрезе стратегий социальной адаптации между городским и сельским населением различий не обнаружено.

Для понимания специфики социальной адаптации к COVID-19 одной из значимых характеристик является оценка приоритетов в выборе источников информации о заболевании (табл. 3).

Таблица 3

Основные источники информации о развитии ситуации с COVID-19 по типу стратегии социальной адаптации, %

Table 3

Main sources of information on the development of the situation with COVID-19 by the type of social adaptation strategy, %

Источники информации	COVID-паническая стратегия	COVID-нормальная стратегия	COVID-диссидентская стратегия
Газеты и журналы	15,8	9,8	13,2
Интернет-сайты	50,2	59,6	61,7
Телевидение	65,0	60,5	38,4
Радио	13,3	11,7	11,0
Социальные сети	8,6	17,0	8,8
Мессенджеры (<i>Telegram, Viber, WhatsApp</i> и др.)	5,2	10,6	13,8
Личные контакты (коллеги, знакомые, родственники и т. д.)	25,7	25,9	18,3

Сопоставление данных исследования позволяет судить о том, что для представителей COVID-панической стратегии ключевым источником информирования является телевидение, немного меньшей популярностью пользуются интернет-сайты. Для представителей COVID-нормальной стратегии характерно использование в равной степени и телевидения, и интернет-сайтов, также существенным в сравнении с другими группами является обращение к социальным сетям. Представители COVID-диссидентской стратегии чаще обращаются к интернет-сайтам и значительно реже относительно других групп – к телевидению (38,4%), среди них

несколько выше доля обращения к мессенджерам и ниже – к личным контактам.

Еще одной характеристикой, позволяющей судить о поведении приверженцев различных стратегий социальной адаптации, является их отношение к медицинской сфере. Всем трем группам свойственна уверенность в способности белорусской системы здравоохранения противостоять вызовам COVID-19 (табл. 4). При этом респонденты, вошедшие в группу COVID-диссидентской стратегии, чаще остальных склонны оценивать ситуацию негативно, а респонденты, вошедшие в группу COVID-панической стратегии, чаще затруднялись сделать оценку.

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Способна ли белорусская система здравоохранения противостоять распространению COVID-19?» – в зависимости от типа стратегии социальной адаптации, %

Table 4

Distribution of respondents' answers to the question: «Is the Belarusian healthcare system capable of resisting the spread of COVID-19?» depending on the type of social adaptation strategy, %

Вариант ответа	COVID-паническая стратегия	COVID-нормальная стратегия	COVID-диссидентская стратегия
Да	60,6	69,7	59,8
Нет	26,3	23,4	33,3
Затрудняюсь ответить	13,1	6,9	6,9

Закономерно, что в условиях пандемии происходит расширение влияния медицинской сферы на другие стороны социальной жизни, а также проник-

новение медицинского языка и стиля мышления в массовое сознание, опосредованное медиализацией, которая выступает показателем отношения

к медицинской сфере. Так, респондентам, реализующим COVID-паническую стратегию, в большей мере присуща интенсификация взаимодействия с медицинскими институтами и медиасферой по вопросам, посвященным медицине. Опрошенные отмечают, что начали смотреть научно-популярные передачи о медицине (на это указали 47,5 % респондентов), чаще отслеживать выступления медиков в СМИ (43,8 %), а также обращаться к справочной медицинской литературе (21,2 %). В меньшей степени, но со сходным соотношением данные практики присущи и пред-

ставителям COVID-нормальной стратегии. Особой характеристикой данной группы является установка оказывать финансовую и иную помощь медикам по борьбе с COVID-19, не свойственная приверженцам других поведенческих стратегий. COVID-диссиденты, напротив, в 55,5 % случаев отметили, что их отношение к медицинской сфере не изменилось.

Одной из важнейших мер профилактики распространения COVID-19 выступает вакцинация, отношение населения к которой является значимым показателем оценки медицинской сферы (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к вакцинации от COVID-19?» – в зависимости от типа стратегии социальной адаптации, %

Table 5

Distribution of answers to the question: «How do you feel about vaccination against COVID-19?» depending on the type of social adaptation strategy, %

Вариант ответа	COVID-паническая стратегия	COVID-нормальная стратегия	COVID-диссидентская стратегия
Положительно	47,2	45,2	26,4
Отрицательно	28,2	43,6	64,8
Затрудняюсь ответить	24,3	11,3	8,8

Большая часть респондентов, вошедшая в группу COVID-панической стратегии, отмечают положительное отношение к вакцинации. Негативное отношение в меньшей степени присуще представителям COVID-панической группы, в большей – COVID-диссидентской. В то же время необходимо сказать, что на момент проведения исследования общая оценка приверженцев COVID-нормальной стратегии может быть охарактеризована как не-

определенная ввиду примерного равенства положительных и отрицательных ответов. Это частично объясняется тем, что опрос проводился до начала массовой вакцинации в Республике Беларусь.

С точки зрения анализа стратегий социальной адаптации наиболее значимыми являются частота и разнообразие реализуемых практик и мер профилактики заражения инфекцией (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Какие меры профилактики Вы предпринимаете в борьбе с COVID-19?» – в зависимости от типа стратегии социальной адаптации, %

Table 6

Distribution of answers to the question: «What preventive measures are you taking in the fight against COVID-19?» depending on the type of social adaptation strategy, %

Вариант ответа	COVID-паническая стратегия	COVID-нормальная стратегия	COVID-диссидентская стратегия
Регулярно мою руки с мылом, использую антисептик	99,8	94,7	54,5
Ношу медицинскую маску в общественных местах	99,0	95,1	75,6
Ограничил(а) посещение торговых центров и общественных мест	88,0	53,8	5,1
Реже пользуюсь общественным транспортом	67,4	36,6	9,1
Перешел(а) на удаленную работу/обучение	16,0	9,5	0,0

Вариант ответа	COVID-паническая стратегия	COVID-нормальная стратегия	COVID-диссидентская стратегия
Ограничил(а) встречи с пожилыми людьми	80,1	43,2	1,7
Ограничил(а) встречи с друзьями/родственниками	87,4	43,2	9,5
Использую доставку продуктов и других необходимых товаров на дом	22,9	14,0	6,0
Перевел(а) общение с друзьями, коллегами, родственниками в онлайн-формат (мессенджеры, видеоконференции и др.)	43,2	23,9	0,6
Стал(а) оплачивать услуги через интернет	42,0	37,6	16,6
Перевел(а) досуг (тренировки, курсы, выставки) в онлайн-формат	32,1	22,0	2,3

В соответствии с разработанной типологией наибольшая частота и разнообразие реализуемых практик и мер профилактики присущи представителям COVID-панической стратегии социальной адаптации. Наиболее популярными мерами профилактики являются регулярное мытье рук, использование антисептика, ношение медицинской маски в общественных местах, ограничение посещения торговых центров и общественных мест, встреч с друзьями/родственниками, а также с пожилыми людьми. Специфической чертой поведения приверженцев данной стратегии по сравнению с другими является стремление к использованию цифровых технологий для организации общения, а также перевод досуга в онлайн-формат [4]. Схожие установки в отношении профилактических мер, но с меньшей частотой применения, свойственны и представителям COVID-нормальной стратегии социальной адаптации. Несмотря на то что COVID-диссидентам не присуща реализация антиковидных практик, в топе ответов о принимаемых профилактических мерах присутствуют ношение медицинской маски в общественных местах и регулярное мытье рук и использование антисептика. В связи с этим можно судить о том, что ношение медицинской маски не является определяющим критерием в выделении различных стратегий социальной адаптации, а скорее выступает общей и устойчивой для всего населения адаптивной реакцией на пандемию.

Таким образом, выбор стратегии социальной адаптации обуславливает отношение к принятым нормам профилактики. Представители COVID-нормальной стратегии социальной адаптации склонны внимательно относиться к соблюдению мер личной гигиены, а к дополнительным профилактическим мерам прибегают лишь в случае необходимости. Для приверженцев COVID-панической стратегии характерно стремление к максимальной реализации всех возможных с точки зрения необходимости

своей и общественной безопасности мерам, а также стремление к использованию онлайн-форм коммуникации, оплаты товаров и услуг, организации досуга. Представителям COVID-диссидентской стратегии чаще свойственна реализация уже принятых норм профилактики (ношение медицинской маски в общественных местах) при отсутствии установки на реализацию дополнительных мер по обеспечению личной и общественной безопасности.

Опривычивание такой меры профилактики, как ношение медицинской маски в общественных местах, является прямым свидетельством формирования адаптивной реакции на распространение COVID-19. Судить о ее закреплении в качестве интериоризированной нормы можно на основе оценки морального аспекта позиции населения. В этом ключе респондентам было предложено выразить свое отношение к лицам, которые пренебрегают ношением медицинской маски в общественных местах и соблюдением социальной дистанции. В результате 64,0 % опрошенных высказали осуждение в отношении таких людей, 12,4 % отнеслись к ним безразлично, 22,3 % – положительно. Наиболее критично подобное поведение оценили представители COVID-панической стратегии социальной адаптации, умеренно критичное отношение выразили приверженцы COVID-нормальной стратегии, чаще других безразличную или даже одобрительную оценку высказали представители COVID-диссидентской стратегии.

Важной частью исследования являлся анализ факторов формирования адекватной социальной реакции на распространение COVID-19. В качестве одного из таких факторов выступает система мер профилактики COVID-19, предпринимаемых в образовательных и трудовых коллективах. Закономерно, что представители COVID-панической и COVID-диссидентской стратегий чаще других указывали на отсутствие каких-либо мер профилактики, предпринимаемых в своих организациях, и, соответствен-

но, реже – на их наличие. Приверженцы COVID-нормальной стратегии, напротив, значительно чаще подчеркивали необходимость соблюдения мер внутри своих организаций. Таким образом, вполне

логичным представляется вывод о том, что принимаемые в социальном окружении человека меры напрямую влияют на формирование адекватной реакции на распространение COVID-19.

Заключение

Таким образом, новые риски и угрозы, связанные с пандемией, актуализируют вопрос о поиске релевантных объяснительных механизмов, способных описать модели приспособления населения к изменяющимся условиям социальной среды. Актуализируется необходимость объяснить процессы интериоризации новых повседневных практик, возникших в связи с реализацией профилактических мер, а также противостоять социальной напряженности путем формирования адекватного отношения к социальным субъектам, пренебрегающим мерам безопасного поведения.

Основной исследовательской задачей являлась типологизация стратегий социальной адаптации населения в условиях распространения COVID-19. Выделены три основные модели поведения: COVID-паническая, COVID-нормальная и COVID-диссидентская. Каждая из обозначенных стратегий обладает собственным набором атрибутивных характеристик, которые формируют модель типологии социальной адаптации в условиях распространения COVID-19 и включают набор показателей: уровень

тревожности, самоидентификацию с типом реакции, периодичность отслеживания информации о COVID-19, разнообразие выполняемых мер профилактики. Сопоставление идеально-типических поведенческих моделей с другими показателями исследования позволяет судить о социальном портрете приверженцев различных стратегий (на основе социально-демографических характеристик), специфике выбора источников информации о COVID-19, характере взаимодействия со сферой здравоохранения.

Кроме того, установлено, что значимыми факторами успешной социальной адаптации к COVID-19, которые опосредуют формирование установки на COVID-нормальную поведенческую стратегию, являются внедрение и обеспечение норм профилактики в среде социального окружения (в образовательных и трудовых коллективах), что свидетельствует о необходимости эффективного функционирования системы социального контроля и ее влиянии на формирование механизмов восприятия, адекватных пандемии.

Библиографические ссылки

1. Безнюк ДК. Социальные практики адаптации населения Беларуси к ситуации в обществе. В: Вінакурава СП, рэдактар. *Дзяржава і творчая асоба: матэрыялы XII Міжнароднай канферэнцыі; 16 красавіка 2021 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДАМ; 2021. с. 22–26.
2. Кудревич МА. Стратегии социальной адаптации населения Республики Беларусь в условиях распространения COVID-19. В: Безнюк ДК, редактор. *Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы: материалы II Международной научно-практической конференции; 4–5 ноября 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Медисонт; 2021. с. 349–352.
3. Логинов ДМ. Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;6:470–487.
4. Новицкий ЕН. Цифровизация в Республики Беларусь в контексте распространения COVID-19. В: Безнюк ДК, редактор. *Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы: материалы II Международной научно-практической конференции; 4–5 ноября 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Медисонт; 2021. с. 355–357.

References

1. Beznyuk DK. [Social practices of adaptation of the population of Belarus to the situation in society]. In: Vinakurava SP, editor. *Dzjarzhava i tvorchaja asoba: matjeryjaly XII Mizhnarodnaj kanferjencyi; 16 krasavika 2021 g.; Minsk, Belarus'* [State and creative person: materials of the 12th International conference; 2021 April 16; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State Academy of Arts; 2021. p. 22–26. Russian.
2. Kudrevich MA. [Strategies for social adopting the population of the Republic of Belarus in the context of the spread of COVID-19]. In: Beznyuk DK, editor. *Sotsial'noe znanie v sovremennom obshchestve: problemy, zakonomernosti, perspektivy: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 4–5 noyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Social knowledge in modern society: problems, patterns, prospects: materials of the 2nd International scientific-practical conference; 2021 November 4–5; Minsk, Belarus]. Minsk: Medisont; 2021. p. 349–352. Russian.
3. Loginov DM. [Social well-being of the Russian population during the acute stage of the epidemiological crisis]. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2020;6:470–487. Russian.
4. Novitskii EN. [Digitalisation in the Republic of Belarus in the context of the spread of COVID-19]. In: Beznyuk DK, editor. *Sotsial'noe znanie v sovremennom obshchestve: problemy, zakonomernosti, perspektivy: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 4–5 noyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Social knowledge in modern society: problems, patterns, prospects: materials of the 2nd International scientific-practical conference; 2021 November 4–5; Minsk, Belarus]. Minsk: Medisont; 2021. p. 355–357. Russian.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Иван Иванович
АНТОНОВИЧ

Ivan Ivanovich
ANTONOVICH

Советский, российский и белорусский государственный и общественный деятель, дипломат и ученый, выдающийся политический аналитик Иван Иванович Антонович 3 апреля отмечает 85-летний юбилей. Это поистине человек-легенда, обладающий огромным зарядом энергии и наделенный талантами.

История жизни Ивана Ивановича не вкладывается в привычные рамки. Взлет простого паренька из многодетной крестьянской семьи, живущей в маленькой деревушке Домаша на краю западно-белорусского Полесья, до международных политических и научных высот сродни прорыву человека в космос. И все это стало возможным благодаря его огромному трудолюбию, таланту, целеустремленности и, конечно, уникальности советской системы, которая открывала широкие возможности для образования и развития детей из народа.

После окончания Несвижского педагогического училища имени Якуба Коласа и Минского государственного института иностранных языков И. И. Антонович работал в научно-исследовательских учреждениях (в том числе в Академии наук БССР),

государственных и партийных органах Советского Союза, России и Беларуси, международных организациях (трудился в отделе социального развития ООН в Нью-Йорке, был постоянным представителем БССР при ЮНЕСКО в Париже). Иван Иванович занимал должности проректора Академии общественных наук при ЦК КПСС, члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КП РСФСР, министра иностранных дел Республики Беларусь. В течение нескольких лет представлял Беларусь в Комиссии ООН по правам человека, являлся членом Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам. В настоящее время он живет и работает в Москве, занимается научно-исследовательской и педагогической деятельностью.

В какой бы сфере ни работал Иван Иванович, он всегда выделялся яркостью, образованностью, начитанностью, красноречием и аналитическим складом ума. Можно только удивляться тому, как свободно он ведет самые трудные переговоры, как с академической кафедры покоряет самую амбициозную аудиторию, как виртуозно парирует острые вопросы в дискуссии с оппонентами самого высокого

уровня, как профессионально и даже артистично общается с творцами. При этом естественно, по-белорусски скромно, даже немножко смущаясь, демонстрирует безграничную эрудицию, высочайший профессионализм и интеллигентность, легко переходя с английского на немецкий, французский, другие европейские языки. Так он блистает по сей день, поражая глубокими познаниями в мировой экономике и культуре, философии и социологии, литературе и искусстве. Символично, что два суверенных государства, Беларусь и Россия, отметили его вклад, помимо других государственных наград, высокими званиями «Заслуженный деятель науки Беларуси» (1997) и «Заслуженный деятель науки России» (2016).

И. И. Антонович всегда много работал и сегодня, несмотря на годы, выдерживает максимальный жизненный ритм, находится в хорошей профессиональной форме. Ему всегда и всего приходилось добиваться исключительно своим трудом, поэтому он очень хотел, чтобы друзья, коллеги его понимали. Понимали, что за все свои успехи и неудачи он заплатил сполна здоровьем, репутационными издержками, межличностными отношениями. И давно по-христиански простил всех недоброжелателей,

будучи выше их мелких уколов. Опорой и надежным тылом стала для него семья.

В свое время И. И. Антонович был самым молодым партийным работником, занимающим высокие должности, доктором философских наук, дипломатом. Написал много интересных научных работ, среди них есть книги, которые стали хрестоматийными для своего времени. И. И. Антонович проявил себя в области философии и социологии: активно участвовал в возрождении социологии в Советском Союзе, одним из первых ввел в научный оборот теории классиков мировой социологической науки и изложил их основные идеи. Ученый исследует проблемы социальной истории капитализма, становления цивилизации модернизма и постмодернизма, геополитические процессы, формирующие мир XXI столетия.

Дорогой Иван Иванович, искренне поздравляем Вас с 85-летием! Желаем оптимизма, здоровья, благополучия и радости жизни на долгие годы. Ждем от Вас новых книг, а также интересных статей для нашего издания.

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Шавель С. А.</i> Современная белорусская стратегия развития общества	4
<i>Антонович И. И.</i> Парадокс Фулбрайта и конец однополярного мира (полемиические заметки)	11
<i>Данилов А. Н.</i> Сова Минервы вылетает в сумерки: культура и новая цивилизация.....	17

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

<i>Смирнов В. Э.</i> Цифровизация как форма модернизации.....	23
<i>Титаренко Л. Г.</i> Цифровизация обучения: движущая сила модернизации системы высшего образования или гуманитарная угроза?.....	33
<i>Лебедева Е. В.</i> Цифровая трансформация большого города как объект социологического анализа..	42

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Павловская О. А.</i> Специфика морального фактора в обеспечении национальной безопасности Беларуси.....	51
<i>Берков В. Ф.</i> Замалчивание как способ декоммунизации современного отечественного обществоведения	64
<i>Можейко М. А.</i> Мова сеціва: дискурс байнета и белорусский <i>netspeak</i>	71

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Волнистая М. Г.</i> Организационное проектирование социальной миссии университета: функциональный подход	80
<i>Симхович В. А.</i> Как измерить образовательную среду университета?.....	88
<i>Шкурова Е. В., Новицкий Е. Н., Кудревич М. А.</i> Характеристики и факторы формирования стратегий социальной адаптации к COVID-19 среди населения Республики Беларусь	96

ЮБИЛЕИ

Иван Иванович Антонович	104
-------------------------------	-----

CONTENTS

ARTICLES AND REPORTS

<i>Shavel S. A.</i> Modern Belarusian strategy of society development.....	4
<i>Antonovich I. I.</i> Fulbright paradox and the end of the unipolar world (polemical notes).....	11
<i>Danilov A. N.</i> Minerva's owl is flying at dusk: culture and new civilisation.....	17

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

<i>Smirnov V. E.</i> Digitalisation as a form of modernisation	23
<i>Titarenko L. G.</i> Digitalisation of learning: a driving force for higher education modernisation or a humanitarian threat?	33
<i>Lebedeva E. V.</i> Digital transformation of a big city as an object of sociological analysis	42

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Pavlovskaya O. A.</i> The specificity of the moral factor in provision of the national security of Belarus.....	51
<i>Berkov V. F.</i> Silencing as a way to de-communise contemporary domestic social science.....	64
<i>Mojeiko M. A.</i> Language of web: bynet discourse and Belarusian netspeak	71

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Volnistaya M. G.</i> Organisational design of a university's social mission: a functional approach	80
<i>Simkhovich V. A.</i> How to measure educational environment of university?.....	88
<i>Shkurova A. V., Navitsky Ya. N., Kudrevich M. A.</i> Characteristics and formation factors of strategies for social adaptation to COVID-19 among the population of the Republic of Belarus	96

JUBILEES

Ivan Ivanovich Antonovich	104
---------------------------------	-----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 1. 2022**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редактор *Е. В. Жерносек*
Технический редактор *Д. Ф. Когут*
Корректор *А. С. Горзун*

Подписано в печать 31.03.2022.
Тираж 125 экз. Заказ 2449.

Издательско-полиграфическое частное
унитарное предприятие «Донарит».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2022

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 1. 2022**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editor *E. V. Zhernosek*
Technical editor *D. F. Kogut*
Proofreader *A. S. Gorgun*

Signed print 31.03.2022.
Edition 125 copies. Order number 2449.

Publishing and printing private
unitary enterprise «Donarit».
Certificate of state registration of the publisher,
manufacturer, distributor of printed publications
No. 1/289 dated 2014 April 17.
25 Kastyčnickaja Str.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

© BSU, 2022